АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

МАЙ — ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1967

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Мещанинов. Примыкание в различных синтаксических системах 3
В. М. Жирмунский (Ленинград). Памяти академика И. И. Мещанинова 18

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. П. Филин (Москва). Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза 28
Й. Мистрик (Братислава). Математико-статистические методы в стилистике 42
Л. Гальди (Будапешт). Личность поэта и техника стиха 53
М. Л. Гаспаров (Москва). Ямб и хорей советских поэтов и проблема эволюции русского стиха 59

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. А. Климов (Москва). К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности 68
М. Г. Тарлинская (Москва). Акцентные особенности английского силлабо-тонического стиха 81
Н. И. Серкова (Москва). О некоторых вопросах функциональной перспективы предложения в терминах «сверхфразовых единств» 92
Г. А. Вейхман (Москва). О двусоставных безглагольных предложениях . 101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

О. С. Ахманова (Москва). «The use of computers in anthropology» . . . 110
М. А. Бородина (Ленинград). Об общероманском периоде 120
А. И. Харсекин (Кременец). *M. Fowler, R. G. Wolfe.* Materials for the study of the Etruscan language. I—II 123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. Г. Самсонов, П. А. Слепцов, М. А. Черосов (Якутск). Языкознание в Якутии 128
Хроникальные заметки 131

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

И. И. МЕЩАНИНОВ

ПРИМЫКАНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Подход к любому языку в его изолированном от других положении затрудняет правильное освещение всех деталей его грамматического строя. Более полное их определение дают сравнительные сопоставления. Представляя цельную систему, каждый язык легче всего сопоставляется с теми языками, системы которых сближаются с ним по их ведущим грамматическим признакам. В связи с этим исследование обращается в первую очередь к сравнению с языками, родственными по своему грамматическому строю.

Но общие для них грамматические построения вовсе не замыкаются рамками выделяемой языковой семьи, в которой эти построения образуют цельную систему. Отдельные из них имеют аналогии в языках иных, неродственных, систем — иногда совпадающие, иногда расходящиеся в своем грамматическом выражении. Их сопоставление оказывается также далеко не бесполезным. Такие грамматические категории, сближаемые в своих назначениях или в своих грамматических формах, включаются в любом языке в его систему, спаивающую все слагаемые элементы, входящие в ее состав. Тем самым выясняется значение каждого из них и, вместе с тем, углубляется понимание их положения в языках, привлекаемых к сравнению. Такие сопоставления разносистемных языков проводятся и с целью уточнения действующих норм в отдельно группируемых языковых семьях и в языках, входящих в их число.

При таких сопоставлениях учитывается весь комплекс признаков, образующих систему языка. Материалы различных языков, рассматриваемые в их схождениях и расхождениях, указывают на то, что одиночно взятый признак как морфологический, так и синтаксический, оторванный от всей системы, не может дать исчерпывающей характеристики строя исследуемого языка. Он устанавливается комплексом этих признаков, образующих систему каждого языка. Такие комплексы сопоставляются друг с другом. Наблюдаемые здесь схождения в ряде языков ложатся в основу группировок, в которых типологические сопоставления переходят в сравнительно-исторические. Ими выделяются языковые семьи, которые противопоставляются другим с им присущим иным комплексом признаков.

Такое противопоставление проводится с учетом всех лексических и грамматических слагаемых, образующих структуру сравниваемых языков, что выясняется типологическими сопоставлениями, уточняющими их положение. Здесь один тип системы противопоставляется другому. Их сравнение, опирающееся уже на имеющиеся расхождения, отделяет одни системы от других. Такие типологические сопоставления имеют в виду целые остовы систем привлекаемых к сравнению языков. Но сама языковая система состоит из ряда в ней выступающих морфологических и синтаксических категорий, которые образуют свои подсистемы внутри общеязыкового комплекса. Они поддаются таким же сопоставлениям, причем расходящиеся языковые системы могут обнаруживать схождения в высту-

пающих внутри них подсистемах. Когда в целях типологического сравнения останавливаются на таких отдельно взятых грамматических категориях, последние, равным образом, рассматриваются с учетом тех их свойств, которые им присущи в каждой языковой системе, что ставит эти сопоставления в тесную связь со сравнительно-историческим анализом.

Сравнительно-исторический и типологический подход к языковому материалу находятся в тесной связи. Типологические сопоставления не могут отрывать отдельно взятого признака системы от того комплекса, в состав которого он входит. Типология в данном случае опирается на знание всей действующей языковой системы. Такой комплекс устанавливается структурою предложения. В языке с эргативной конструкцией выделяются грамматическим оформлением главные члены предложения с их субъектными и объектными отношениями. В зависимости от возлагаемой функции подлежащее ставится в различных падежах. Этим эргативная система противопоставляется номинативной. Основное внимание при анализе грамматического построения предложения эргативной системы обращается на предикативную группу. В ее основу ложится содержание передаваемого действия, управляющее как оформлением подлежащего, так и грамматическою формою сказуемого. В этой системе построения предложения выступает взаимное управление ее главных членов, чем также выделяется данная синтаксическая конструкция. Взаимное управление может выражаться согласованием, но может строиться и без него. Отдельные синтаксические приемы, имея служебное назначение, используются по общему для них заданию построения эргативного предложения с отмеченными особенностями его конструкции.

Сличению цельных языковых систем предшествует их изучение каждой в отдельности. Сопоставление же обособленно взятых элементов из разных систем не может проводиться без детального ознакомления с тем положением, которое занимают эти элементы во всем связанном с ними комплексе. Изучение всего синтаксического комплекса и выступления в нем отдельных грамматических форм проводится типологическими сопоставлениями, которые опираются на данные, добываемые сравнительно-историческим анализом изучаемого языка и языковой семьи.

Каждый язык использует разные синтаксические приемы для передачи отношений, связывающих члены предложения. Образуемые ими синтаксические группировки могут сближаться по выполняемому синтаксическому назначению, но расходиться в используемых ими грамматических приемах передачи устанавливаемых отношений. Одни и те же отношения членов предложения могут передаваться различными синтаксическими приемами, так же как и одни и те же синтаксические приемы могут образовывать различные синтаксические построения. Сочетание морфологически неоформленных слов с морфологически оформленными дает в одних языках примыкание, а в других инкорпорирование —и то и другое сохраняет свое синтаксическое значение, но может также образовывать и лексические единицы.

Ограничиваясь сравнительными сопоставлениями структур номинативного и эргативного предложений, приходится отметить имеющиеся в них основные расхождения при наличии также и частичных схождений в используемых ими грамматических формах. При типологических сопоставлениях предложений номинативной и эргативной конструкций основное внимание обращается на весь выступающий в них комплекс, передающий грамматическое оформление наличных в них именных и вербальных членов. Грамматические формы, используемые в языках номинативной и эргативной системы, привлекаются в них с различным назначением.

Ими выделяются ведущие по своему значению главные члены предложения, отражающие своим морфологическим построением основную структуру этих двух противопоставляемых синтаксических систем.

Подлежащее в номинативной конструкции получает одну и ту же грамматическую форму в предложениях переходного и непереходного действия. В эргативной конструкции подлежащее переходного и непереходного предложений ставится в разных падежах. Оно выделяется в переходном предложении не только специальным активным, но и одним из косвенных падежей, что не допускается номинативной конструкцией. В ней косвенные падежи, в том числе и творительный, оформляют косвенное дополнение. В эргативной конструкции чукотского языка творительный падеж может использоваться для обозначения как подлежащего переходного предложения, так и косвенного дополнения. Такой падеж выполняет здесь функции, не свойственные творительному падежу номинативного предложения и получает содержание орудийного падежа эргативной конструкции. ...

В грамматических построениях номинативного и эргативного предложений используются синтаксические приемы, устанавливающие связь между их ведущими и зависимыми членами. Для этого в словосочетаниях, выделяемых внутри предложения, могут привлекаться в обоих синтаксических системах одни и те же синтаксические приемы, с помощью которых устанавливается также занимаемое ведущим членом положение в образуемых синтаксических группировках. Используемые здесь синтаксические приемы могут занимать разное положение в оформляемых ими словосочетаниях номинативного и эргативного предложения.

Ведущий член номинативного предложения получает грамматическую форму, по которой он выделяется, выступая определенным членом предложения. Выступая подлежащим, он сохраняет один и тот же именительный падеж. Ведущий член эргативной конструкции, выступая подлежащим, получает изменяемую грамматическую форму. Подлежащее переходного и непереходного предложений ставится в разных падежах, образуя управляемые синтаксические построения.

Связь между членами предложения проводится синтаксическими приемами примыкания, согласования и управления. Эти синтаксические приемы используются эргативным и номинативным предложениями в различной степени и с разным их назначением. В номинативном предложении значительное место занимает согласование, которое применяется и главными членами (ср. подлежащее и сказуемое). В эргативном предложении особое значение получает управление, которому подчиняется и подлежащее. Примыкание используется обеими синтаксическими системами, но и в них могут образовываться свои разновидности.

Этими синтаксическими приемами проводится членение предложения. В нем образуются синтаксические группы различного содержания. Выделяется предикативная группа с устанавливаемыми в ней субъектными и объектными отношениями, придающими одну структуру предложению в его номинативном построении и другую — в эргативном. В образуемых синтаксических системах могут выступать разновидности оформляемых членов предложения, ср. грамматическую форму подлежащего. Расхождения могут обнаруживаться не только в синтаксических единицах, но и в лексических и как в грамматическом построении члена предложения, так и в распределении имен по выражаемым ими признакам.

Имена существительные в одних языках распределяются по родовым показателям, которыми не различаются одушевленные и неодушевленные предметы, ср. *олень*, *белка*; *трактор*, *машина* (номинативная конструкция). Они же в других языках имеют классные показатели, обо-

значая человека и не обозначая его (эргативная конструкция). Эти показатели именных членов, включаясь в грамматическую форму сочетаемых слов, образуют синтаксические построения, которые распределяются по им соответствующим разновидностям структур предложения номинативной и эргативной конструкций с им свойственными приемами оформления именных и вербальных членов.

Подлежащее номинативного предложения согласуется своими показателями со сказуемыми. Тот же член эргативного предложения согласуется классными показателями со сказуемым, получая управляемую грамматическую форму подлежащего, которое не изменяется по падежам в номинативном предложении. Такие и им подобные синтаксические построения поддаются типологическим сопоставлениям. ...

Синтаксические приемы согласования и примыкания, привлекаемые для грамматического оформления сочетаемых слов, используются как номинативным строем предложения, так и эргативным. Выполняя в них те же функции, эти обслуживающие их синтаксические приемы привлекаются в каждом языке сопоставляемых систем с тем их применением, какое могут получать одинаковые по своему содержанию синтаксические группировки, образуемые в каждом языке по его действующим нормам.

Соответствующие примеры подтверждают это положение. Выступающие в предложениях сочетания слов получают различное грамматическое оформление, которое связывается со структурою самого передаваемого им синтаксического приема. Примыкание выделяется нулевою морфологическою формою присоединяемого атрибутивного члена синтаксической группы. Все же тождество грамматической формы вовсе не ставит этот прием в одинаковое положение во всех языковых системах, где они имеют место. Прием примыкания получает в одних языках широкое распространение, тогда как в других ограничивается применением в отдельных синтаксических построениях; вместе с тем, выступая в аналогичных построениях в разных языках, оно использует различные значения им соединяемых слов.

В славянских, романских и германских языках примыкание выполняет иное назначение, чем в языках самодийских, тюркских и в ряде других. В каждом из них примыкание, подчиняясь системе языка, имеет свои оттенки в передаче связи определения с определяемым в атрибутивной группе и прямого дополнения со сказуемым в предикативной. Эта связь устанавливается аморфною грамматическою формою примыкаемого члена, но она же может передаваться и его морфологическим оформлением, при котором должно отпадать примыкание. В языках, широко использующих словоизменительные морфемы, ими обуславливается основная структура предложения, и примыкание ограничивается в своем употреблении.

Так, например, действующие нормы русского языка, при его развитой флексии, передают отношения зависимости между сочетаемыми словами приемами согласования и управления; образуемые при помощи этих приемов словосочетания различаются по форме, сближаясь по содержанию передаваемых отношений. В этом языке прямое дополнение, оформленное винительным падежом и выражающее объектные отношения, своей грамматической формой (она связана с занимаемым им синтаксическим положением и получаемыми морфологическими флективными показателями) выделяется в структуре предложения, хотя и включается в одну синтаксическую группу со сказуемым. Примыкание сохраняется здесь за частями речи, не изменяемыми по падежам, например за наречиями, за которыми, преимущественно, и закрепляется синтаксический прием примыкания.

Одна лишь грамматическая форма члена предложения не везде оказывается достаточною для установления занимаемого им положения в образуемом синтаксическом построении. Во французском языке отсутствует развитая парадигма склонения имен. Имена выступают в разных сочетаниях слов, сохраняя свои морфологически не оформленные основы, которые в их аналитическом использовании могут обслуживаться служебными частицами. Положение, занимаемое словом в образуемой структуре предложения, устанавливается здесь не морфологиею, а одним синтаксисом. Грамматическая форма аморфной основы слова дает основание к его передаче примыканием, но этому может препятствовать синтаксическое использование. Им обуславливается занимаемая словом самостоятельная позиция, так же как и его же выступление зависимым членом синтаксической группы, в которой этот член, получая атрибутивное содержание, примыкает к ведущему члену.

Именные члены получают в иберийско-кавказских языках морфологическое оформление, и прием примыкания связывается в них как с занимаемым словом синтаксическим положением, так и с его грамматическою формою. Когда прилагательное по падежам не изменяется и выступает в форме основы, оно дает примыкание определения к определяемому. В форме основы выступает в эргативной конструкции этих языков также и прямое дополнение, стоящее в абсолютном падеже. Этою своею грамматическою формою оно сближается с примыкаемыми построениями, но не образует их, так как грамматическая форма используется и здесь по заданиям синтаксиса, которым выделяется прямое дополнение как самостоятельный член предложения. Само прямое дополнение не может примыкать к другим членам предложения, но не лишено возможности образовывать при себе примыкающие к нему атрибутивные группы с таким же, как и у него самого, грамматическим оформлением членов, передаваемых, как и оно, одними основами слов с их нулевыми морфологическими показателями.

В языках самодийских и тюркских слова, выступающие определениями и обстоятельствами, по падежам не изменяются, в связи с чем одно и то же слово может получать оба значения в зависимости от того, примыкает оно к имени или примыкает к глаголу. Другие члены предложения получают морфологические показатели. В этих языках выделяется также грамматическая форма прямого дополнения, но оно, при их номинативном строе предложения, получает различное выражение. Если прямое дополнение выступает «чистою» основою слова, оно синтаксически приближается к сказуемому, но оно же, выделяясь в общем составе синтаксической группы сказуемого, получает грамматическую форму винительного падежа. Им обозначается выделяемое значение предмета, его определенное содержание, которому противопоставляется общее значение того же предмета, выражаемое одною его основою.

В синтаксических построениях тюркских языков допускается сочетание именных членов предложения, передаваемых одними их основами, когда ими выражается их общее значение, конкретно не выделяемое контекстом высказывания, ср. узб. *ўқучи яхши китоб ўқийди* «ученик хорошую книгу читает», где подлежащее и прямое дополнение с его определением переданы одними основами знаменательных слов, которые устанавливаются в их синтаксическом значении постановкой прямого дополнения перед сказуемым и определения перед определяемым: «ученик | хорошую книгу | читает». Синтаксический прием примыкания выступает здесь в зависимом члене предложения, в определении. В его позиции может оказаться и имя существительное. Оно, выступая определением, не имеет падежного окончания и примыкает к определяемому, выполняя

ту же функцию, как и прилагательное, ср. в том же языке: *тош девор* «камень-стена (каменная стена)» и *янги китоб* «новая книга».

В этих синтаксических группах использован прием примыкания, обусловленный лексическим значением зависимого члена, придающего сочетанию слов атрибутивное содержание. Для выражения атрибута привлекаются разные части речи — в соответствии с его семантикой. Сюда входят прилагательные, а также числительные, местоимения и существительные, выступающие в синтаксической позиции определения. Когда определение выражается основами знаменательных слов, они передают свое содержание морфологически оформленному слову и примыкают к нему. Получается атрибутивная группа с различным содержанием. Грамматическая передача таких синтаксических построений, с широким использованием примыкающих основ слов, облегчается в языках агглютинативных систем, куда относятся также и тюркские. В то же время такая передача затрудняется нормами русского языка, в котором развитая фузия сужает сферу применения примыкания. Здесь определяющее значение сохраняется за всем строем языковой системы. Категориям синтаксиса и морфологии придается то назначение, которое соответствует установившимся нормам действующей системы, образующей синтаксическую структуру предложения. Выяснить значение отдельно взятого синтаксического приема, привлекаемого изучаемым языком, возможно только, если рассматривать этот прием во всем комплексе используемой языковой системы. Но дать более полное, общее определение этого приема по материалам одной только языковой системы представляется затруднительным. Сравнения, проводимые для уточнения содержания обследуемого синтаксического построения, и ограниченные рамкой одной узко взятой системы могут резко разойтись с итогами расширенных типологических сопоставлений, дающих более точную характеристику изучаемой грамматической категории в ее синтаксическом использовании.

Разнообразие языковых систем обуславливает различное положение одного и того же синтаксического приема, используемого в разных языках, что далеко не всегда принимается во внимание. Так, А. А. Реформатский, давая общую характеристику данного синтаксического приема, ограничивается действующими нормами только русского языка и оставляет без учета примыкание, используемое в других языках, в частности в чукотско-камчатских, где примыкаемые построения получают резкое расхождение с русскими [1]. Результаты типологических построений оказались отстраненными. Историческое развитие данного синтаксического приема (примыкания) проходит разными путями, что устанавливается проводимыми типологическими сопоставлениями. В одних языках примыкание может дать построение сложного слова, образуя лексическую единицу. В других оно же может такими же основами знаменательных слов образовывать синтаксические группы.

Один и тот же синтаксический прием в разных языках используется с различным назначением. Примыкание, образующее сложные слова, отнимает у соединяемых в них основ их самостоятельное лексическое значение, заменяя его новым содержанием. Примыкание, используемое с таким его значением, легко приводит к слиянию основ слов. Примыкание, образующее синтаксическую группу, сохраняет за основами знаменательных слов их собственное содержание, но такие же примыкаемые основы слов могут также подвергаться слиянию, сохраняя свое самостоятельное лексическое значение. Примыкание при таком его исполь-

[1] А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1960, стр. 269.

зовании дает сливаемые синтаксические группировки. Выделяемые здесь лексические и синтаксические формы сливаемых слов не менее ясно показывают, как могут быть использованы типологические сопоставления и к каким результатам они приводят.

Если не учитывать положения исследуемого грамматического приема во всем составе языковой системы и ограничиваться одною формальною стороною без связи формы с ее содержанием и выполняемым назначением, то не приходится ожидать положительных выводов в итоге такой работы. Известный специалист палеоазиатских языков В. Г. Богораз, отметив наличие в них слияния слов, отождествил слитные построения чукотского языка со сложными словами русского языка [2]. Между тем, русский и чукотский относятся к языкам разных синтаксических систем и слияние слов в них используется с различным назначением, образуя в русском лексические единицы, а в чукотском также и синтаксические.

В русском языке образование сложных слов подчиняется действующим в нем нормам, согласно которым соединяемые слова утрачивают свое самостоятельное положение. Получается новая лексическая единица с единым содержанием знаменательного слова. В языках чукотской группы слияние слов широко используется с иным назначением. В них этим приемом соединяются также и основы слов, сохраняющих каждая в отдельности содержание самостоятельно используемых знаменательных слов. Тем самым образуются не лексические единицы, а синтаксические, включающие зависимый член в общее с ведущим слитное построение. По выполняемой функции такое слияние основ знаменательных слов чукотского языка сопоставляется в русском не с Composita, а с синтаксическими группами, образованными приемами согласования и управления.

Примыкание может быть использовано для образования как лексических, так и синтаксических единиц. Оно может выступать в сочетаниях основ отдельных слов, но может также использоваться в словообразовательных целях. Лексическое слияние слов прослеживается в языках различных систем. Синтаксическое их слияние имеет распространение в агглютинирующих языках, но применяется далеко не во всех из них. Для уточнения того положения, которое занимает примыкание в разных синтаксических построениях и для установления связи его со сливаемыми основами слов обратимся к типологическим сравнительным сопоставлениям. Ими выясняется, когда сохраняется примыкание и при каких условиях оно переходит в словослияние.

Примыкание используется для установления связи между сочетаемыми словами с их преимущественным атрибутивным значением. Связь сочетаемых слов проводится разными синтаксическими приемами. В одних языках превалирует согласование, в других выделяется примыкание. Языки, широко использующие примыкание, образуют на его основе синтаксические группы, которые, при определенных условиях их грамматического выражения, могут в некоторых языках переходить в словослияние. Условия для словослияния устанавливаются всею действующею системою построения предложения, которое в сопоставляемых языках образует свои синтаксические конструкции, использующие разновидности примыкаемых построений.

Одни из сопоставляемых языков допускают синтаксическое слияние слов, другие избегают его. Каждый из этих языков использует синтаксические построения атрибутивных групп, члены которых или примы-

[2] В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.— Л., 1943, стр. 6.

кают, или сливаются в зависимости от действующей структуры языка. Для примера остановимся на языках различных синтаксических систем: на тюркских, применяющих примыкание, и на чукотско-камчатских, допускающих синтаксическое слияние слов. В первых из них выступает номинативная конструкция предложения, во второй получается эргативная. Примыкание используется и в тех и в других, но дает развернутое синтаксическое слияние только в последних.

В тюркских языках примыкание образует лексические и синтаксические построения, различаемые по сочетанию в них постоянных и переменных признаков, дающих устойчивые лексические построения и свободные синтаксические. Устойчивые сочетания образуют сложные слова с различными видами их грамматических построений. Они могут образовывать сложные слова по совокупности передаваемых в них значений, ср. узб. *ота-она* «отец-мать (родители)»; *олиш-бериш* «купля-продажа (торговля)». Сложное слово может придавать атрибутивное значение присоединяемому признаку, образуя новое слово, полученное из слияния определения с определяемым, ср. узб. *тошбақа* «черепаха» (*тош-бақа* «камень-лягушка, каменная лягушка»); *тошқалам* «грифель» (*тош-қалам* «камень-перо, каменное перо»); *чўлқурбақа* «жаба» (*чўлқур-бақа* «степь-лягушка, степная лягушка»).

Примыкание утрачивает здесь свое синтаксическое значение и может давать слияние слов, но оно же может сохранять свое синтаксическое построение также и при устойчивой передаче сочетания слов, получающих содержание сложного слова, ср. *темир йўл* «железная дорога». Примыкание передает такое же содержание лексической единицы и при грамматическом оформлении ведущего слова, получающего изафетный суффикс принадлежности 3-го лица (*-си, -и*): *иш ҳақи* «зарплата» (*иш ҳақ-и* «работа плата-ее»). Примыкающий член словосочетания связывается в таком его построении с содержанием образуемой лексической единицы.

Примыкание в приведенных примерах дает устойчивое сочетание слов, которому противопоставляется используемое в том же языке свободное их сочетание, образующее синтаксические построения атрибутивных групп с их переменными признаками: *янги китоб* «новая книга», *бир китоб* «одна книга», *ёмон китоб* «плохая книга». Такое свободное словосочетание сохраняется и при изафетных построениях, в которых определяемый член получает притяжательное оформление, а определение, выражающее переменный признак, примыкает к нему, ср. *ота уй-и* «отцовский дом (отец дом-его)»; *она уй-и* «материнский дом»; *ёз кун-и* «летний день (лето день-его)»; *қиш кун-и* «зимний день»[3].

В таких атрибутивных группах образуется свободное сочетание определяемого члена с примыкающими к нему определениями. Прием примыкания используется во всех приведенных разновидностях образуемых сочетаний основ слов. Такие сочетания или приближаются к слиянию при их лексических построениях, или разделяются в синтаксических построениях. В тюркских языках примыкание используется в синтаксических построениях и вместе с тем по его нормам образуются сложные слова.

Примыкание используется также и в чукотско-камчатских языках, но, при особых условиях его применения, оно сопоставляется исследователями этих языков с выделяемым ими грамматическим приемом, допускающим слияние слов в самом синтаксическом построении. Выступающие в нем основы слов включаются, инкорпорируются, в образуемую синтак-

[3] Примеры взяты из кн.: А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.— Л., 1960, стр. 132, 342—343, 354—355.

сическую группу с ее сливаемыми членами. Такому ее построению дается нижеследующее определение: «Инкорпоративный комплекс является временным образованием, создающимся в процессе речи. Инкорпорируемые в словесную форму основы представляют собой подвижные компоненты, количество и порядок следования которых переменный...»[4]. Такое определение инкорпорирования, обоснованное только на подвижном составе используемых в нем основ слов, представляется мне не законченным.

Переменный состав компонентов, включаемых в инкорпорирование, соответствует его синтаксической структуре, но еще не является достаточным для выделения инкорпорирования лишь по этому его признаку. Подвижной состав членов синтаксической группы имеет место в языках любой системы. Что же касается подвижного состава используемых основ слов, то их особое положение связывается не только с инкорпорированием, но и с примыканием, которое в тюркских языках не образует инкорпорирования и получает сливаемые формы в сложных словах, выделяемых по их лексическому содержанию, как и в чукотско-камчатских языках.

Прием примыкания, получающий широкое использование также и в чукотско-камчатских языках, рассматривается исследователями только в его сопоставлениях с инкорпорированием[5]. Поэтому не соответствующее ему примыкание с его устойчивыми компонентами исключается из инкорпорирования. В его состав не могут входить такие сочетания присоединяемых основ слов, как чукот. *таа'-койңын* «трубка (табак-чашка)»; *пытвы-койңын* «блюдце (удвоение-чашка)». Аналогичные построения сложных слов, передаваемых в их слиянии, выступают и в тюркских языках, ср. узб. *қўлёзма* «рукопись» (*қўл* «рука», *ёзма* «писание»).

В инкорпорировании остается лишь свободное сочетание основ знаменательных слов, но они выступают и в приведенных выше синтаксических построениях тюркских языков, ср. узб. *қизил гуллар* «красные цветы». Тем же приемом примыкания образуются и в чукотском языке такие же сочетания цельных, неизменяемых, основ слов: *тэң тур мэниг* «хорошая новая материя». Такое примыкание, не дающее инкорпорированных построений в тюркских языках, не дает их и в чукотско-камчатских. Примыкание одних основ слов, не получающих морфологического оформления, образует и в тюркских и в чукотско-камчатских языках как сложные слова, так и синтаксические построения словосочетаний, но в чукотско-камчатских, в отличие от тюркских, примыкающие основы слов могут получать свое особое выражение.

Примыкание использует морфологически не оформленную основу слова, в результате в таком словосочетании морфологическое оформление получает только его ведущий член. Зависимость примыкающего члена от ведущего может выражаться только его постановкою перед этим последним. Но ведущий член может также включать примыкающую основу слова в состав самой образуемой им морфологической структуры. Такое синтаксическое построение получается в том случае, когда ведущий член связывает своими грамматическими показателями всю инкорпорируемую конструкцию.

Инкорпорированием выделяется не всякое свободное сочетание примыкающих основ знаменательных слов. Оно выделяется, когда эти основы сливаются в своих синтаксических построениях, фонетически изменяются или замыкаются аффиксами, получаемыми от ведущего именного или вербального члена. Ведущий член получает морфологическое оформление

[4] П. Я. Скорик, Грамматика чукотского языка. Ч. I, М.—Л., 1961, стр. 103.
[5] П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 109.

и выделяет в нем префикс, который ставится в начале всего инкорпорированного комплекса, тогда как сам ведущий член, с его суффиксом, помещается в конце, ср. в чукотском языке: *га-тор-таӈ-налгы-ма* «с новой хорошей шкурой». Ведущий член, стоящий в сопроводительном падеже (*га-налгы-ма* «со шкурой»), охватывает своими префиксом *га-* и суффиксом *-ма* присоединяемые к нему основы слов *тор* «новый», *таӈ* «хороший». Префиксально-суффиксальную рамку может иметь также и глагольный инкорпорированный комплекс: *ты-тор-таӈ-пойгы-пэля-ркын* «новое хорошее копье оставляю», ср. *ты-пэля-ркын* «я оставляю» [6].

В этих инкорпорированных синтаксических построениях оказались включенными слова *тур* «новый» и *тэӈ* «хороший», основы которых получили при их слиянии фонетические изменения—*тор*, *таӈ*, обусловленные внесением их в инкорпорирование. Выступая вне инкорпорирования, те же слова не подвергаются замыканию и фонетическим изменениям, образуя свободные сочетания, основы тех же знаменательных слов соединяются обычным синтаксическим приемом примыкания, при котором сохраняются их цельные основы, например: *тэӈ тур мэниг* «хорошая новая материя». Эти же основы слов, при их инкорпорировании, могут подвергаться и замыканию и фонетическим изменениям.

В чукотско-камчатских языках используется примыкание, которое, при указанных условиях, переходит в инкорпорирование. Синтаксическое значение инкорпорирования можно было бы установить и по самим материалам чукотских и индейских языков. Все же типологические сопоставления с другими языками и тут уточняют освоение данного синтаксического приема. В его основе остается примыкание, которое в чукотской группе языков может принимать также и иные формы, чем те, какие выступают в других сопоставляемых языках, например в тюркских. Типологические сопоставления, проводимые здесь в плане сравнения грамматических форм по их назначению, позволяют выделить инкорпорирование как особый синтаксический прием, приводящий к замыканию или фонетическому слиянию его членов.

Проводимые типологические сопоставления сходных и различных синтаксических построений тюркских и чукотско-камчатских языков уточняют значение используемого в них приема примыкания. Он может получать в чукотско-камчатских языках особое использование, превращая примыкание в инкорпорирование, отсутствующее в тюркских языках. Его наличие в чукотско-камчатских выделяет в них одну из разновидностей образуемого членения предложения, сосуществующую с другими его же разновидностями. В синтаксических построениях чукотско-камчатских языков используются не только примыкание и инкорпорирование, но также другие синтаксические приемы.

Примыкание в инкорпорированных и не инкорпорированных построениях чукотского языка и заменяющее его морфологическое оформление словосочетаний образуют различные синтаксические построения. Примыкающий член, оставаясь аморфным, вступает в сочетания с им определяемым членом, который один получает общую для них грамматическую форму. Определение уточняет атрибутивное содержание определяемого и может примыкать к нему, но может и само выделяться в образуемом словосочетании, когда его члены получают грамматическую форму каждый в отдельности. Соответствующая грамматическая форма выделяет член комбинируемого комплекса не только по его синтаксическому положению, но и по передаваемому им содержанию логико-грамматической

[6] Здесь и ниже чукотские примеры взяты из кн.: П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 103, 99, 112.

категории, ставящей определение в положение примыкающего члена и выделяющей его на самостоятельное место в сочетании членов атрибутивной группы. Такие синтаксические построения поддаются актуальному членению.

Синтаксические приемы, используемые в членении предложения, выделяют в нем группировки слов, сближаемые только по их атрибутивному содержанию. Примыкание ставит определение в тесную связь с определяемым словом, которое вместе с определением образует цельное синтаксическое построение. Такое же цельное синтаксическое построение выступает и при морфологически оформленном словосочетании. Различие сводится к привлекаемым синтаксическим приемам, образующим сочетания слов и их слияние. Наличие последнего усматривается в инкорпорировании, которое связывает основы знаменательных слов общим для них атрибутивным значением и выделяет один только его ведущий член, получающий грамматическую форму по своему собственному содержанию, но этого недостаточно для выделения самого инкорпорирования. Такое же грамматическое оформление получает ведущий член не только при инкорпорировании, но и при обычном примыкании, присоединяющем такие же аморфные основы зависимых членов, ср. приведенные выше примеры, взятые из тюркских языков.

В изменяемой структуре синтаксической группы, образуемой при словослиянии и при примыкаемом словосочетании, выступают те же ведущие и зависимые члены с аморфными основами зависимых. В грамматическом построении зависимого члена выделяется его аморфная форма при примыкании и флективная при морфологическом словосочетании. Когда синтаксическая группа выделяется общим содержанием заключенных в ней атрибутивных отношений, она может сохранять прием простого примыкания к ведущему члену, стоящему в соответствующем падеже, но может также переводить примыкание в словослияние при том же падеже ведущего члена. Когда в синтаксическом построении выделяется сам зависимый член с его атрибутивным содержанием, примыкание и словослияние заменяются морфологическим оформлением самого зависимого члена и его атрибутивное значение выделяется контекстом высказывания.

Грамматические формы, используемые в этих различных синтаксических построениях, выполняют назначение, устанавливаемое актуальным членением предложения. Актуальное членение выступает значительно яснее при типологических сопоставлениях структур предложений, члены которых передают свои отношения друг другу примыканием, словослиянием и морфологическим оформлением, используя их в контекстах одного и того же содержания. Анализируемые грамматические формы тех же слов, передаваемых в их примыкании и слиянии, имеют непосредственное отношение к выделяемым инкорпорируемым синтаксическим построениям.

Вернемся к чукотским примерам с соответствующими слитными и раздельными сочетаниями одних и тех же слов: 1) *чавчыв гэлгы-қаа-пэля-лен* (*г-элгы-қора-пэля-лен*) «оленевод белого оленя оставил». Здесь не выделяется «белый олень» (*элгы-қора*) от связанного с ним глагола (*пэля*), и все получившееся слияние слов имеет общее морфологическое оформление с глагольным (предикативным) показателем времени в начале (*г-*) и с глагольным же показателем лица в конце (*-лен*), эти показатели замыкают весь инкорпорированный комплекс. Подлежащее (*чавчыв*) поставлено отдельно в абсолютном падеже; 2) *чавчывата элгықораны гапэлялен* «оленевод б е л о г о о л е н я оставил». В этом случае глагольные показатели сосредоточились в одной глагольной форме (*га-пэля-лен*), но выделилось прямое дополнение, сохранившее инкорпорированное построение (*элгы-қораны*). Подлежащее стоит в творительном (орудийном) падеже

активного субъекта (*чавчыва-та*); 3) *чавчывата илгыльын қораңы гапэлялен* «оленевод б е л о г о оленя оставил». Тут, в отличие от предыдущего примера, выделяется определение (*илгы-льын*), снабженное словообразовательным суффиксом прилагательного (*-льын* в единственном числе). Все слова получили самостоятельное морфологическое оформление.

В первых двух примерах отмечается слияние слов, получающее различное выражение, которое останавливает на себе внимание исследователя. Ведущим членом слившегося комплекса выступает в первом примере глагол *га-пэля-лен* «оставил». Он поместил свой префикс *г(а)-* в начало всего сливаемого состава слов: *г-элгы-қаа-пэля-лен*, где основа слова *қора* «олень» передана в измененной форме *қаа*. Во втором примере глагол *га-пэлялен* сохранил при себе и суффикс и префикс. Слившейся остается атрибутивная группа с ее самостоятельным синтаксическим построением. В нем выделяется свой ведущий член. Он передается полною основою слова «олень» (*қора*, ср. существительное *қора-ны*), тогда как сливаемый с ним зависимый член получает изменяемую форму *элгы* (ср. прилагательное *илгыльын* «белый»).

В обоих приведенных примерах сохраняется полная форма за ведущими членами. Зависимые члены подвергаются здесь фонетическим изменениям, которые широко используются инкорпорированием и получают в нем особое выражение. В разных языках может образовываться «фонетическое единство», называемое Л. В. Щербой «синтагмою», наличие которой «обусловлено не морфологически и не семантически, а лишь фонетически» [7]. Такое фонетическое единство выступает и при инкорпорировании, но им объединяются в одну синтагму не соединяемые, а сливаемые слова, что не ограничивает liaisons одними чередованиями согласных.

Фонетическая передача такой синтагмы образует различные грамматические построения. Она может выражаться соединением ряда стоящих слов, изменяемых в их соседящих согласных звуках. Может отражаться на всем составе слов, сближаемом гармониею звуков, под которую подпадают не только окончания слов, но и сами их основы, что приводит к их слиянию, воспринимаемому как включение (инкорпорирование) основ знаменательных слов в одну синтаксическую единицу, обусловленную «фонетическим единством синтагмы». Гармония звуков получает здесь решающее значение в образуемом грамматическом построении синтаксической группы. Наличие гармонии звуков образует инкорпорирование. Ее отсутствие приводит к примыканию.

Как инкорпорирование, так и примыкание могут использоваться одним и тем же языком, ср. в грамматических построениях чукотского языка с фонетическим изменением основ зависимых членов: *га-тор-эвлыңэлгы-ма* «с новым длинным ремнем» (основы *тур* «новый», *ивлы* «длинный»); *га-таң-тор-манэг-ма* «с хорошей новой материей» (основа *тэң* «хороший»); *таң-пойгын* «хорошее копье» [8]. Зависимые члены, выступая в этих синтаксических построениях, подверглись фонетическим изменениям отвечающим схеме инкорпорирования. Те же слова могут передаваться также и простым примыканием с сохранением их фонетически неизменяемых основ, ср. *тэң тур мэниг* «хорошая новая материя». Такое примыкание выступает и в тюркских языках, ср. *янги китоб* «новая книга». В приведенных примерах выступают синтаксические построения, грамматические формы которых дают основание видеть в них и примыкание, и инкорпорирование. При их типологических сопоставлениях представляется некоторая возможность ближе подойти к освоению используемых языком

[7] Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, Л., 1939, стр. 31, 112.
[8] Примеры из кн.: П. Я. С к о р и к, указ. соч., стр. 112, 427.

синтаксических приемов соединения и слияния слов, посредством которых передаются переменные признаки атрибутивных членов. Они вступают с ведущим членом в отношения различной близости. Зависимые члены атрибутивной группы включаются в общий контекст высказывания. Когда они не выделяются в нем и занимают обычное место атрибута, ими уточняется содержание ведущего члена, и он связывает их гармонией звуков, образуя инкорпорирование. Выделяемые высказыванием, зависимые члены атрибутивной группы не поддаются гармонии звуков и образуют примыкание. Если на зависимый член падает логическое ударение, он получает морфологическое оформление.

Зависимый член атрибутивной группы ясно выделяется своей нулевою морфологическою формою; что же касается его передачи при примыкании и инкорпорировании, то в соответствующих построениях он не получает такого же ясного обозначения, так как в обоих выступает аморфная основа зависимого члена. Представляется весьма затруднительным установить, получается ли гармония звуков и в случайных сочетаниях основ знаменательных слов или только при их объединении инкорпорированием со специальным заданием высказывания. Оно выступает в структуре всего развернутого инкорпорированного комплекса, но возможность усматривать такое же специальное задание во всех аналогичных синтаксических построениях отдельных членов предложения остается под сомнением.

Анализируя грамматические формы именных членов, выступающих в словослиянии и словосочетании, П. Я. Скорик приходит к выводу, что обособляемый и сливаемый атрибуты отмечаются в их качественном состоянии. «Различие между именем качественного состояния и его инкорпорированной основой заключается в том, что первое выражает качественный признак предмета с оттенком динамичности, временнóй ограниченности, а вторая обозначает статический, постоянный качественный признак предмета, ср.: *н-эрмэ-қин а'ачек* „силен юноша“, *арм-а'ачек* „сильный юноша“»[9]. Атрибутивный признак (*арм*) сливается в приведенном примере с его ведущим членом, подвергаясь фонетическим изменениям (ср. основу *эрмэ*).

Признак предмета, используемый в инкорпорировании, остается переменным и получает устойчивое положение только в данном его синтаксическом построении, где он сливается со всеми другими его признаками и потому не может выделяться примыканием, которое приводит к словосочетанию. Примыкание и инкорпорирование в таких синтаксических построениях атрибутивной группы сближаются настолько, что установить, где имеется инкорпорирование и где выступает примыкание, оказывается иногда затруднительным. Более точное определение инкорпорирования можно было бы ожидать от исследования его собственного грамматического построения, но и оно не дает для этого исчерпывающих данных.

Инкорпорирование использует основы слов, ставя их в зависимое положение от ведущего члена и его грамматического оформления. Инкорпорирование получается при замыкании зависимых членов грамматическими показателями ведущего. Префикс, отделяемый от его основы и помещаемый перед основами слов зависимых членов, образует с ними одно грамматическое единство независимо от фонетического, ср. префиксально-суффиксальное оформление ведущего члена: *га-налгы-ма* «со шкурой», ср. его же выступление в инкорпорированном построении: *га-мэлёта-налгы-ма* «с заячьей шкурой», где определение не подверглось гармонии звуков (основа *мэлёта* «заяц»); *га-рэқока-налгы-ма* «с песцовой шкурой»

[9] П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 427.

(основа *рэқока* «песец»). В этих примерах образуется инкорпорирование, выступающее в его грамматических построениях и без использования гармонии звуков, ср. *га-кайңы-налгы-ма* «с медвежьей шкурой», где выступает гармония звуков (основа *кэйңы* «медведь»)[10].

Звуковой состав объединяемых слов связывается с самим их фонетическим построением, вызывающим и не вызывающим гармонию звуков. Основным в такой структуре инкорпорирования остается замыкание. Оно выступает при вербальной форме ведущего члена, когда выносится вперед префикс его личного показателя: *ты-мна-ркын* «я точу»; *ты-валямна-ркын* «я нож точу». При именных членах замыкание обусловлено их грамматическою формою, которая получает префикс только в двух падежах, в совместном и сопроводительном *гэ-ңилг-э* «с ремнем», *га-ңэлгыма* «при ремне». Эти префиксы выделяются при наличии зависимых членов и образуют замыкаемые формы, ср. *га-тор-эвлы-ңэлгы-ма* «при новом длинном ремне».

Другие падежи замыкания не образуют, но прием словослияния может выступать в их атрибутивных группировках, ср. *арм-а'ачек* «сильный юноша», где основа слова «сильный» (*эрмэ*) передана в фонетически измененной форме *арм*. Выступающая здесь гармония звуков сливает зависимый член с ведущим, изменяя основу зависимого, но в отдельных сочетаниях слов гармония звуков переносится с зависимого члена на ведущий, ср. словосочетание: *н-ом-қэн эвиръын* «теплая одежда» и инкорпорирование: *ом-авэръын* «теплая-одежда», где основа атрибута (*-ом-*) осталась без перемен, а изменился звуковой состав самого слова *авэръын* «одежда» (основа *эвиръын*).

В приведенных примерах нет примыкания. В них выступают как члены предложения, так и члены инкорпорирования, занимающие различное положение в образуемой структуре предложения. Инкорпорирование объединяет основы слов атрибутивного значения, образуя группировки, не выделяя отдельные члены предложения. В словосочетаниях атрибутивных групп выступают отдельные члены предложения, получающие грамматические формы определения и определяемого, которые разделяются их самостоятельным оформлением, ср. в том же чукотском языке: *ңэвыскэты-ргин эвиръын* «одежда женщин». Те же члены предложения в иных синтаксических построениях могут сближаться и, если эти основы не получают морфологического оформления, а их фонетический состав не поддается гармонии звуков, образуется соединение их неизменяемых основ синтаксическим приемом примыкания, ср. *ңэвыскэт эвиръын* «женская одежда».

В сопоставляемых синтаксических построениях выделяется в чукотском языке атрибутивная группа. Она выступает как в инкорпорировании, так и в словосочетании, обусловленная тем различным положением, какое занимает в них зависимый член и какую грамматическую форму имеет ведущий член. Переменный признак получает замыкаемые формы при ведущем члене, стоящем в падежах, имеющих префиксы, каковыми снабжаются только сопроводительный и совместный. Остальные падежи лишаются префиксов и не могут образовывать замыкание, но они же могут объединяться с зависимым членом гармонией звуков, образуя сливаемые формы инкорпорирования, включающего в свой состав признаки зависимых членов.

Таким образом, ведущее слово, стоящее в падеже, не имеющем префикса, может присоединять к себе зависимые члены, образуя различные синтаксические построения. Установить, когда выступает в них примыкание и когда выделяется инкорпорирование, затруднительно при их

[10] Примеры взяты из кн.: П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 103.

графической передаче. Примыкаемый член присоединяется к ведущему. Он, поставленный в двух указанных префиксирующих падежах (совместном и сопроводительном), образует синтаксическое построение. Синтаксическое построение образуется и при других падежах ведущего члена, не имеющих префикса. Следует ли отсюда, что в одних из этих синтаксических построений выступает сложившееся инкорпорирование, а в других простое словосочетание? Примыкание, выступая в структуре чукотского предложения, может видоизменяться при его синтаксическом использовании.

Инкорпорирование образуется в синтаксических построениях, которые выделяются своею формальною стороною, связанною и с содержанием высказывания и с его грамматическим оформлением. Выражаемое содержание и его весьма сложная грамматическая передача затрудняют точную формулировку ответа на поставленный здесь вопрос о том, в каких именно построениях выступает инкорпорирование.

Подытоживая приведенный анализ грамматических форм, перехожу к лишь намечаемому здесь определению основных свойств инкорпорирования. Замыкаемое инкорпорирование может получаться и без гармонии звуков. Наличие гармонии звуков может иметь место и без замыкания, образуя открытое инкорпорирование. Когда зависимый член синтаксического построения, оставаясь с нулевым морфологическим оформлением, не замыкается и не связывается гармонией звуков, выступает примыкание.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА И. И. МЕЩАНИНОВА (1883—1967)

В истории советского языкознания имя И. И. Мещанинова давно уже заняло почетное место. Лингвист-теоретик, создатель научной школы, руководитель основанного при его ближайшем участии Института языка и мышления им. Н. Я. Марра и Отделения литературы и языка АН СССР И. И. Мещанинов более пятнадцати лет стоял во главе советской лингвистической науки и со свойственной ему широтой взглядов, энергией и трудолюбием руководил работой в этой области, творческим сотрудничеством лингвистов и подготовкой молодых научных кадров. Воспитанный в научной школе акад. Н. Я. Марра, сохранив до конца своих дней глубокое уважение к личности своего учителя, И. И. Мещанинов никогда не рассматривал его учение как неподвижную догму. Он проделал большой путь от доктрины «яфетического языкознания» и «нового учения о языке» к творчески самостоятельной теории языкознания, которую лучше всего, пожалуй, можно было бы обозначить как «типологическую»— термином, который он сам любил употреблять. Поэтому его научные взгляды необходимо рассматривать в их творческом развитии, учитывая весь проделанный им научный и жизненный путь.

Мы постараемся воспроизвести этот путь по трем его основным этапам: I. Двадцатые годы, когда И. И. Мещанинов выступает по преимуществу как археолог-кавказовед и специалист по так называемому «халдскому» языку, увязывая свои исследования в области истории материальной культуры с лингвистической проблематикой на основе «яфетической теории» своего учителя Н. Я. Марра. II. Тридцатые и сороковые годы, когда определяются его интересы как лингвиста-теоретика, создателя учения о синтаксической типологии языков, сперва «стадиальной» (диахронической), позднее— синхронической. III. Период после лингвистической дискуссии 1950 г., когда он перестраивает свою прежнюю проблематику под знаком синхронного морфолого-синтаксического изучения языковых типов.

I. И. И. Мещанинов не был лингвистом по образованию — он закончил в 1905 г. юридический факультет Петербургского университета. Параллельно с занятиями в университете он посещал лекции в Археологическом институте, изучая классическую археологию и специализируясь по археологии Древнего Востока. В институте его учителями были Н. И. Веселовский, Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелев и др. Археология была первой научной специальностью И. И. Мещанинова. Он был почетным членом и членом правления Археологического института, заведовал организованным в 1912 г. историческим архивом института, а с 1914 г. коллекцией эламских древностей, описание которых он опубликовал в 1917 г. в «Вестнике археологии и истории». Подготовка к печати издания клинописных таблеток из этой коллекции потребовала от молодого археолога самостоятельного изучения древних языков Передней Азии. На этой почве произошло его научное сближение с Н. Я. Марром, который стал его руководителем и учителем. По совету Н. Я. Марра И. И. Мещанинов поступил в 1919 г. вольнослушателем на восточный факультет Петроградского университета, где прошел курс по грузинскому и халдскому (урартскому) языкам. Особое внимание он обратил при этом, также по совету Н. Я. Марра, на изучение халдской клинописи. С 1922 г. он уже читал на восточном факультете свой первый курс по халдоведению, которое сделалось в дальнейшем его основной лингвистической специальностью. В 1926 г. он был избран доцентом Ленинградского института живых восточных языков (Ленинградского восточного института), а в 1930 г. профессором этого института.

Сближение И. И. Мещанинова с Н. Я. Марром, сперва на почве археологических интересов, означало приобщение его к новому марксистскому пониманию археологии как науки, которое в то время развивал и пропагандировал Н. Я. Марр. Советская археология из рук любителей переходила в руки молодого советского государства; она переставала быть «кладоискательством» или «вещеведением», она отвергала формально-описательный подход к археологическим памятникам. Как «история материальной культуры» она сближалась с историей и социологией, с языкознанием и этнографией. Эту новую научную программу комплексного характера призвана была осуществлять

Академия материальной культуры, созданная по плану Н. Я. Марра в 1919 г. на базе Археологического института. Из состава научных сотрудников и аспирантов этой Академии (позднее Института материальной культуры АН СССР) вышло в дальнейшем большинство известных представителей советской археологической школы, заслужившей мировое признание своими открытиями и исследованиями.

И. И. Мещанинов работал в Академии материальной культуры с ее основания в качестве ассистента, действительного члена и ученого секретаря. Школу полевой археологической работы большого масштаба он получил под руководством проф. Б. В. Фармаковского как долголетний участник, а потом и руководитель раскопок города Ольвии, важнейшего центра греческой колонизации Причерноморья (1925—1931). Результаты раскопок ольвийского городища и некрополя И. И. Мещанинов изложил в «Отчете о работах Ольвийской экспедиции» („Сообщения ГАИМК", 2, 1931), а также в ряде специальных статей.

Однако в центре научных интересов И. И. Мещанинова в этот период стоит халдоведение как его основная специальность и связанное с нею археологическое изучение Закавказья. В 1925 г., в связи с поездкой в Баку для чтения курса по халдскому языку в Азербайджанском университете, он становится организатором и активным участником большой археологической работы, развернувшейся в то время на территории Азербайджанской ССР (1926—1933). Здесь, в Азербайджане, по его собственным словам, скрестились его археологические и лингвистические интересы как специалиста по халдоведению. И. И. Мещанинов провел ряд экспедиций в различные пункты Азербайджана, начиная с Нагорного Карабаха и Нахичеванского края, в глубь Айрумских гор и, наконец, в степную полосу Кировабада и в Мильскую степь, а также предпринял несколько археологических поездок в Армению. Большое число специальных статей, исследований, научных отчетов отражает и обобщает результаты его деятельности. Обсуждению теоретических задач и перспектив работы, их методологических недочетов и достижений он посвятил ряд статей [1].

Археологическая работа тесно связала И. И. Мещанинова с молодой тогда наукой Советского Азербайджана. Он был избран почетным членом Общества обследования и изучения Азербайджана, был членом его президиума и его ученого совета, принимал активное участие в его научной деятельности и опубликовал в его изданиях ряд работ [2]. Почти ежегодно он приезжал в Баку, руководя молодыми научными работниками и аспирантами по археологии и языкознанию. При его участии Общество было в дальнейшем преобразовано в Научно-исследовательский институт, а затем в филиал Академии наук СССР, послуживший базой для открытия в 1945 г. Академии наук Азербайджанской ССР, почетным членом которой И. И. Мещанинов был избран при ее основании.

Одновременно с археологическими исследованиями продолжалась и расширялась тесно с нею связанная историко-лингвистическая работа по халдоведению. За время с 1921 по 1933 г. И. И. Мещанинов напечатал более сорока статей, посвященных различным вопросам языка, материальной культуры и истории халдов. Попытка И. И. Мещанинова выделить идеограммы и их детерминативы и установить их чтение явилась важным шагом в деле дешифровки и изучения халдской клинописи [3]. Не менее важное значение имели публикации и дешифровка большого числа новых надписей найденных на территории Армении (в селениях Талин, Джанфида, Ванской церкв, Сурб-Погос и др., 1930—1932); они сопровождались углубленным исследованием и историческим толкованием некоторых ранее известных текстов (например, в работе «Калагранская надпись», 1932, и др.). Одновременные публикации такого же содержания за рубежом, в немецком журнале «Archiv für Orientforschung», VI—VII (1931—1932) создали советскому ученому международную известность и авторитет выдающегося специалиста по халдоведению.

Завершением этого круга публикаций и исследований явились большие обобщающие монографии, посвященные языку урарту: докторская диссертация «Халдоведение. История древнего Вана, включая древнейшие сведения о Закавказье. Система письма и чтение клинописных текстов халдов-урартов» (Баку, 1927); «Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания» (Л., 1932); «Язык ванской клинописи, II. Структура речи» (Л., 1935). Первая книга была издана Обществом обсле-

[1] См.: И. И. Мещанинов, О пользовании этнографическим материалом при археологических работах, «Известия Об-ва обследования и изучения Азербайджана», V, 1928; его же, Недостатки современных методов раскопок, «Сообщения ГАИМК», 4—5, 1931; его же, К вопросу о датировке археологических памятников, «Сообщения ГАИМК», 5—6, 1932.

[2] См.: И. И. Мещанинов, Доисторический Азербайджан и урартская культура, Баку, 1926; его же, Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет, «Известия Об-ва обследования и изучения Азербайджана», VIII, 2, Баку, 1929, и др.

[3] См.: И. И. Мещанинов, Идеограммы и детерминативы в халдских надписях, «Яфетический сборник», II, Пг., 1923.

дования и изучения Азербайджана и явилась результатом лекций и занятий со студентами и аспирантами Азербайджанского университета. Она содержит археологические и исторические данные о халдах-урарту, систему письма, принципы чтения клинописных текстов, грамматическое описание, разбор, перевод и объяснение большого числа надписей, их документальное воспроизведение по фотографиям и словарь. Впоследствии сам автор писал, что его книга в значительной своей части была построена на «основе старой схемы Сэйса»[4], т. е. на итогах почти столетней работы международного халдоведения, формулированных в трудах его крупнейшего в то время представителя, оксфордского ориенталиста проф. А. Сэйса (A. H. Sayce).

Книги о языке ванской клинописи представляют собой две части одного целого, посвященного изучению халдского языка на новых основах яфетической теории. Соответственно этому в первой части автор дает систематизованное изложение взглядов Н. Я. Марра по вопросам языка Ванской клинописи. Вторая часть, наиболее важная и теоретически завершенная, содержит критический обзор изучения языка урарту на Западе и у нас и развернутое систематическое исследование его грамматической структуры, морфологической и синтаксической. Новизна и оригинальность точки зрения исследователя заключается в указании на необходимость изучения грамматической структуры этого языка не «в своей собственной узкой изоляции»[5], но сравнительно с языками кавказскими, так называемыми «яфетическими». «Если язык древнего Вана,— пишет И. И. Мещанинов,— относится к числу кавказских яфетических, то без учета структурных норм последних халдский язык никогда не будет понят. С другой стороны, именно в яфетических языках Кавказа мы наталкиваемся на поразительные аналогии, обойтись без которых халдоведение не может...»[6]. И. И. Мещанинов ставит перед собой задачу исследовать халдский язык, освещая его «брошенным Н. Я. Марром лучом с Кавказа»[7]. Однако, в отличие от своего учителя, вместо материальных сопоставлений, часто очень спорного характера, и «палеонтологического анализа по четырем элементам» он выдвигает в своем грамматическом исследовании структурно-типологические аналогии в области морфологии и синтаксиса, касающиеся предложения так называемого «эргативного строя» (в терминологии того времени — «пассивного строя предложения»). Глава, которую И. И. Мещанинов посвящает «структурному определению обоих халдских языков по данным яфетического языкознания» (там же, стр. 183—279), освобожденная от некоторых особенностей этой терминологии, в сущности содержит сравнительную типологию указанной конструкции в разных кавказских (преимущественно — картвельских) языках, приближаясь в этом отношении к проблематике его позднейших теоретических изысканий.

II. С середины 1930-х годов начинается второй период деятельности И. И. Мещанинова. Избранный в 1932 г. действительным членом Академии наук СССР по представлению своего учителя, он был после смерти этого последнего поставлен во главе центрального лингвистического учреждения страны — Института языка и мышления АН СССР, носившего имя акад. Н. Я. Марра. Состав сотрудников Института он сумел в значительной степени обновить и укрепить привлечением к работе не только представителей школы Марра, но и широкого круга передовых советских лингвистов других направлений, объединив их конкретные специальные исследования вокруг больших вопросов общелингвистической теории. С 1939 по 1950 г. И. И. Мещанинов руководил в качестве академика-секретаря Отделением литературы и языка и состоял членом Президиума Академии наук СССР. Он проявил в этой работе большие организационные способности, неутомимость в труде, беспристрастие, умение быть внимательным к своим старшим и младшим сотрудникам и терпимость в научных спорах и разногласиях.

Научно-исследовательскую работу И. И. Мещанинов сочетал с преподаванием в Ленинградском университете, где он работал в качестве профессора, декана факультета и заведующего кафедрой, сперва общего языкознания, а позднее северных языков. Его лекции по общему языкознанию собирали огромную аудиторию и имели большое значение для воспитания в его многочисленных слушателях и учениках — студентах, аспирантах, молодых преподавателях — живого интереса к вопросам лингвистической теории. Именно по его почину курс общего языкознания вошел как постоянный элемент в программу университетского образования студентов-филологов.

Следует в особенности отметить активную и плодотворную деятельность И. И. Мещанинова по подготовке кадров специалистов по языкам Советского Союза — кавказским, северным (тунгусо-маньчжурским и палеоазиатским), тюркским (в период эвакуации вместе с Институтом в Алма-Ату, в 1941—1944 гг.), притом в особенности кадров национальных, из числа представителей соответствующих народов. Активная связь И. И. Мещанинова в качестве директора Института и академика-секретаря От-

[4] См.: И. Мещанинов, Язык ванской клинописи, стр. 17.
[5] Там же стр. 289.
[6] Там же, стр. 34.
[7] Там же, стр. 17.

деления с научной работой в национальных республиках была отмечена, в частности, его избранием в почетные члены вновь организованной Академии наук Казахской ССР.

В этот второй период своей научной деятельности И. И. Мещанинов становится прежде всего лингвистом-теоретиком. От своего учителя он воспринял основы общей языковедческой теории, которая с конца 1920-х годов все более выдвигается в центр его научных интересов. В 1920-х годах учение Н. Я. Марра стремительно развивалось от «яфетической теории» («третьего этнического элемента» Средиземноморья как «яфетического субстрата» индоевропейских языков) к так называемому «новому учению о языке», выступавшему в качестве универсальной теории языкознания. И. И. Мещанинова, как и многих других лингвистов старого и в особенности тогда молодого поколения, более всего увлекало «рациональное зерно» этого учения: стремление вывести языкознание из тупика формалистической изоляции, в которую оно было поставлено в лингвистической практике младограмматиков; постановка проблемы взаимоотношения языка с другими областями человеческой культуры; рассмотрение языка как общественного явления, его развития вместе с развитием общества, социальной дифференциации языка (упрощенно понимавшейся как «классовость» не только одним Н. Я. Марром, но одновременно с ним и часто независимо от него огромным большинством представителей советской социологической лингвистики того времени); наконец, попытка установить более близкую связь между развитием языка и историей мышления. Именно этот круг проблем определял содержание той новой марксистской лингвистики (не обязательно «яфетидологической»!), которая строилась в эти годы. Прямолинейность и упрощенность Н. Я. Марра и его школы в постановке этих проблем очевидна в настоящее время для всех, хотя этим признанием не снимаются самые проблемы, основополагающие для марксистского понимания языка в его диалектическом единстве как средства человеческого общения и выражения мысли.

Необходимо напомнить, что многие вопросы лингвистической теории, которые в то время ставил Н. Я. Марр, были выдвинуты до него или одновременно с ним передовой лингвистической наукой его времени, как русской, так и зарубежной: критика лингвистического «позитивизма» младограмматиков; отрицание «праязыка» и связанного с ним понятия генеалогического древа языков; преувеличение роли языковых и этнических смешений и «субстратов» в вопросах глоттогенеза и истории языков (в особенности Шухардт); идея единства глоттогонического процесса в его связи с психологией и историей мышления (Вундт); понятие «дологического» или «мифологического» мышления и его определяющая роль на ранних этапах развития мысли, отраженных в языке (Леви-Брюль и Кассирер); поиски универсальных законов семантики и др. Однако фантастическая идея материального единства всех языков мира, подкрепляемая методом «палеонтологического анализа» по их «четырем первоэлементам», который вскоре стал основным для самого Н. Я. Марра, претендовавшего заменить этими миражами «формалистическую» и «буржуазную» сравнительную грамматику, неминуемо наложила печать научного бесплодия на все конкретно-лингвистические приложения этих идей, независимо от их правильности или неправильности.

В 1929 г. И. И. Мещанинов впервые выступает как лингвист-теоретик с опытом систематического изложения «яфетической теории» Н. Я. Марра в ее развитии [8]. Этот опыт популяризации оказался в педагогическом отношении очень удачным и своевременным: работы самого Н. Я. Марра, в которых мысли, порою блестящие и актуальные, порою совершенно фантастические, почти всегда излагались в сырой и хаотической, трудно понятной форме, настоятельно нуждались в таком прояснении, в дидактической рационализации, чтобы сделать их доступными для рядового лингвиста; и может быть, именно это систематическое изложение больше всего содействовало возможности его последующей критики и отделению его указанного выше «рационального зерна». В дальнейшем И. И. Мещанинов, следуя в этом отношении примеру своего учителя, еще неоднократно излагал «по этапам» развитие «нового учения о языке», интерпретируя при этом самостоятельно его актуальные задачи «на современном этапе». В сущности это была творческая реинтерпретация учения Н. Я. Марра, постепенно уходившая все дальше от своего источника. Не порывая внешне с традицией и терминологией своего учителя, И. И. Мещанинов вскоре занял самостоятельные теоретические позиции.

Центральным в его концепции языкового развития становится понятие единства глоттогонического (языкотворческого) процесса развития языка, связанного с развитием мышления и обусловленного в конечном счете развитием общества. Процесс этот закономерно проходит через ряд последовательных, качественно различных стадий, связанных с ломкой общей структуры языка, формированием новых языковых групп («систем») на основе процессов межъязыкового смешения, с сохранением пережитков прошлых стадий, свидетельствующих о пройденном пути.

Сперва И. И. Мещанинов развивал идеи морфологической стадиальности (стадии аморфная, аморфно-синтетическая, агглютинативная, флективная), с прямолинейным

[8] См.: И. Мещанинов, Введение в яфетидологию, Л., 1929.

их приурочением к сменам общественного строя [9], следуя непосредственно за Н. Я. Марром, усвоившим идеи морфологической классификации из европейской лингвистики XIX в. В дальнейшем он уже идет своими путями. В книгах «Новое учение о языке. Стадиальная типология» ([Л.], 1936) и «Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения» (Л., 1940), представляющих обработку курсов, читанных в Ленинградском университете, он избирает главною темой своих исследований, в отличие от своего учителя, сравнительное изучение основных категорий синтаксиса (структуры предложения, его «субъектно-объектных» отношений) в языках разного типа, в связи с проблемой развития мышления и средств его языкового выражения (слово-предложение и его распад на элементы; инкорпорированные комплексы как части предложения; становление вербального предложения; посессивный, эргативный, аффективный и номинативный строи предложения как последовательные стадии, отражающие развитие мышления).

Хотя «стадиальный» характер этих синтаксических типов и последовательность их перестройки были в дальнейшем справедливо поставлены под сомнение самим исследователем (как ранее морфологическая стадиальность), однако грандиозная идея «стадиальной сравнительной грамматики», построенной на типологическом сопоставлении языков разной структуры, оказалась весьма плодотворной для изучения этих языков под знаком структурно-типологических проблем. Она способствовала освобождению исследователей от привычной для традиционного языкознания замкнутости в рамках изолированных по генетическому принципу языковых семей, против которой всегда так ратовал Н. Я. Марр; оно содействовало преодолению «европоцентризма», характерного для общего языкознания старого времени, и вытеснению его сравнением с языками других структурных типов, нежели индоевропейские,— кавказских, позже северных, еще позже — тюркских и монгольских.

Тем самым И. И. Мещанинов своими трудами способствовал включению в общетеоретические и сравнительно-типологические исследования многочисленных языков Советского Союза, в том числе прежде бесписьменных и малоизвестных, стимулируя конкретное изучение этих языков одновременно с их использованием для общелингвистической теории. «Научный работник,— писал по этому поводу И. И. Мещанинов,— столкнулся с материалом исключительной ценности. Ему пришлось уйти в изучение мало исследованных, а иногда и вовсе не изучавшихся языков, крайне разнообразных и своеобразных по своему строю. Богатые разновидности языков СССР требовали подхода к каждому из них с учетом его специфических особенностей. Они же неизбежно вели к их параллельному изучению, вскрывающему моменты схождения и расхождения действующих норм грамматики, что, в свою очередь, уточняло установившиеся нормы каждого объекта исследования. Языки различного строя изучались тем самым более глубоко. Их структурные свойства получали более точное определение и, сравниваемые друг с другом в пределах ими объединяемых групп, давали основу для построения классификационных схем»[10].

Расширяя свои собственные знания в области грамматического строя этих языков, И. И. Мещанинов одновременно учил и учился у своих учеников, на помощь и на работы которых он часто ссылается в своих трудах. Не случайно все советские «северники» и многие специалисты по кавказским языкам прошли через его школу и являлись его прямыми учениками.

Исследования И. И. Мещанинова по «стадиальной типологии» оказали влияние и на развитие советской индоевропеистики, хотя сам И. И. Мещанинов изучением индоевропейских языков никогда специально не занимался. Однако в работах ряда советских германистов с конца 1930-х годов метод типологического сравнения с неродственными языками был широко использован, вместе с сравнительно-историческим методом, при реконструкции генезиса и процесса развития некоторых грамматических категорий (частей речи, склонения имен, видо-временной и залоговой системы глагола), а также при постановке более общей проблемы эргативного (или дофлективного) прошлого индоевропейских языков. Таким сравнением оценивалась возможность и относительная вероятность более глубокой гипотетической реконструкции грамматического развития.

Две завершающие большие работы И. И. Мещанинова в области общего языкознания, опубликованные в середине 1940-х годов,— «Члены предложения и части речи» (М.— Л., 1945) и «Глагол» (М.— Л., 1949) — свидетельствуют о еще более последовательном отходе от учения Н. Я. Марра. Они посвящены сравнительно-типологическому описанию грамматических форм, которые рассматриваются как различные по своей структуре оформления общих «понятийных категорий» и отражающих эти категории «грамматических понятий». Как понятийные категории (например, категория

---

[9] См.: И. И. Мещанинов, К вопросу о стадиальности в письме и языке, «Известия ГАИМК», VII, 5—6, Л., 1931.

[10] См.: И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития, «Вестник ЛГУ», II, 1947, стр. 247.

субъекта), так и соответствующие им грамматические понятия (в данном случае подлежащее), носят в понимании автора характер универсалий, «весьма разнообразных в своем внешнем выявлении» по отдельным языкам: «Одно и то же задание, даваемое содержанием высказывания, получает различные пути своего выражения и в морфологии и в синтаксисе»[11]. Метод исследователя — синхронно-типологический и сравнительный; проблемы стадиального развития отступили на задний план; единство глоттогонического процесса заменяется единством человеческого сознания, которое определяет общность системы понятийных категорий, лежащих в основе структурного разнообразия внешних форм.

Части речи рассматриваются И. И. Мещаниновым как лексические группировки, характеризуемые синтактико-морфологическими показателями. Семантика слова предопределяет первоначально его синтаксическую роль в предложении. Но использование слова в роли определенного члена предложения оказывает, в свою очередь, влияние на закрепление за ним особых формальных признаков, различных для разных языков, которые выделяют его в самостоятельную группу. Таким образом, части речи представляют в своей основе морфологизованные члены предложения.

Книга о глаголе содержит специальный экскурс на ту же тему. Глагол рассматривается по своим грамматическим категориям (лицо, время и вид, наклонение, залог), различающимся по языкам в связи с различными типами синтаксической предикации.

Как своего рода «универсальная грамматика» книги И. И. Мещанинова имели в свое время немалое влияние на практику описания и преподавания языков, иностранных и национальных. Они давали возможность сопоставления тождественных по своему общему понятийному и грамматическому содержанию, но различных по грамматической форме явлений в разных языках, давая как бы систему координат в виде общей терминологии, пригодной для их описания. Диахроническая типология и «стадиальность», как понимали ее Н. Я. Марр и сам И. И. Мещанинов в своих более ранних теоретических работах, в этой новой концепции неизбежно отсутствовали.

Высказывания И. И. Мещанинова в обзорных теоретических статьях, посвященных современному этапу развития «нового учения о языке», особенно наглядно свидетельствуют о совершившемся повороте [12]. Можно высказать предположение, что в эти годы более широкое знакомство с классическими трудами по индоевропейскому и русскому языкознанию, которые были мало известны ему как археологу и ориенталисту по своей первоначальной специальности, сыграло немаловажную роль в этом пересмотре его прежних научных позиций.

Так, И. И. Мещанинов сам почти не пользовался в своих работах пресловутым «палеонтологическим анализом по четырем элементам», хотя не выступал также с прямым опровержением своего учителя. В послевоенное время споры вокруг этого вопроса заставляют его высказать свою точку зрения. «Первоэлементы» языков недоступны для лингвистического анализа— «... они должны были в длительном ходе исторического процесса претерпеть коренные сдвиги в своем состоянии и перейти на новый тип. Таковым оказываются основы слов, выступающие в разросшемся словарном составе языков различных систем. С них и начинается палеонтологический анализ наличной лексики. Тем самым применение анализа по четырем элементам повсеместно во всех языках и во всех периодах их развития само собою отпадало»[13].

Н. Я. Марр отрицал существование закономерных связей между языками одной семьи (по его терминологии — «системы») и тем самым — значение сравнительной грамматики родственных языков, которую он отбрасывал как «формалистическую». И. И. Мещанинов, напротив, подчеркивает «положительное значение», которое «получают сравнительные сопоставления языков одной группы со сравнительными экскурсами в сторону языков других систем». «Устанавливать стадиальные состояния и сдвиги, при всей сложности их диалектической обусловленности, следует, как мне кажется, прежде всего анализом исторического хода развития языка на конкретных и точно проверенных материалах каждого отдельного языка»[14].

Сомнения вызывает у него теперь механически и прямолинейно устанавливаемая связь между развитием языка и мышления. «... не все существующие в сознании представления о свойствах субъекта и действия получают свое грамматическое выражение. Поэтому если чукчи и коряки используют только два падежа для оформления подлежащего, то отсюда вовсе еще не следует, что они не представляют себе отличий между аффектом, обладанием и действием, т. е. тех отличий, которые в яфетических языках Кавказа получили свое выявление и в грамматических построениях. ... И если одни из них не передают особою грамматическою формою осознаваемых различий между аффектом, обладанием и активным действием, то эти все же осознаваемые различия

[11] И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, стр. 4.

[12] См., например: И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития; его же, Учение Н. Я. Марра о стадиальности, ИАН ОЛЯ, 1947, 1; его же, Проблема стадиальности в развитии языка, там же, 3, и др.

[13] И. И. Мещанинов, Учение Н. Я. Марра о стадиальности, стр. 36.

[14] И. И. Мещанинов, Проблемы стадиального развития языка, стр. 187.

остаются у них категориями понятий, хотя бы и без их выделения особым грамматическим построением. Разница между яфетическими языками Кавказа и языками чукотской группы сводится, таким образом, к формальной стороне, что вовсе не вынуждает нас относить их к различному стадиальному состоянию». Но, «если это так, то и противопоставление только что названных языков языкам номинативного строя может быть понято как идущее, равным образом, лишь по формальной линии»[15].

Сомнения И. И. Мещанинова возбуждает и слишком жесткое понимание универсально закономерного перехода от одной «стадии» языкового развития к другой. «Если, углубляя историзм в языковедческую работу, признать наличие в указанных примерах перехода с посессивности на эргативность, то все же не следует спешить с признанием такого рода перехода общим законом для всех вообще языков. Для такого утверждения единичного примера далеко недостаточно. То, что для одних языков является фактом, может не иметь места в других языках. Они могли идти в своем развитии иными путями»[16].

Наконец, концепция универсальных «понятийных категорий» подсказывает исследователю новое истолкование «единства глоттогонии (языкотворческого процесса и его последующего развития)» как универсальной и статической «общности содержания, общности того понятия, которое передается различными языками»[17].

Таким образом можно сказать, что накануне лингвистической дискуссии 1950 г. И. И. Мещанинов в своей теории языка занимал позиции, очень далекие от тех, которые традиционно связывались с именем Н. Я. Марра как его учителя. Недаром многие догматики и начетчики из его собственного лагеря обвиняли его тогда в «измене» научным идеалам своей молодости. Сам И. И. Мещанинов, однако, из уважения к памяти своего учителя, никогда не выступал с прямой критикой его теорий и продолжал рассматривать свои взгляды в рамках лингвистической традиции «учения Н. Я. Марра» как новый «этап» его развития.

III. Лингвистическая дискуссия 1950 г. на страницах «Правды», в которой принял участие И. В. Сталин, сыграла, как известно, важнейшую роль в дальнейших судьбах советского языкознания. Она покончила с безраздельным господством так называемого «нового учения о языке акад. Н. Я. Марра» и дала его резкую критику — прежде всего с точки зрения лингвистического «здравого смысла». В этом была ее несомненная положительная сторона; отрицательная вскоре сказалась в новом догматизме в отношении «учения о языке» И. В. Сталина.

Критика Н. Я. Марра и его школы неизбежно должна была сопровождаться критикой позиций И. И. Мещанинова как ее главы и как долголетнего руководителя советского языкознания. Он должен был отвечать за все ошибки школы Марра, в частности и за такие выдвинутые ею положения, от которых он сам отошел, и за методы администрирования в науке, которые были характерны для тех лет и которым он внутренне никогда не сочувствовал. К этой критике, во многом справедливой, он отнесся как советский ученый, учтя ее бесспорные выводы, но сохранив при этом достоинство личного мнения, снискавшее широкое общественное уважение к нему и любовь, как о том в особенности свидетельствовала та сердечная теплота, с которой был отмечен в 1958 г. его 75-летний юбилей [18].

В последние годы своей жизни И. И. Мещанинов продолжал много и плодотворно работать и написал более 20 статей, опубликованных в разное время в «Вопросах языкознания», «Известиях Отделения литературы и языка АН СССР», «Научных докладах Высшей школы», и в разных специальных лингвистических сборниках; он также написал несколько небольших монографий, из которых три последние остались в рукописи и будут в скором времени опубликованы в изданиях Академии наук СССР. Он состоял научным сотрудником Института языкознания, с обычной для него добросовестностью выполняя свой ежегодный план индивидуальной научной работы; когда позволяло здоровье, он принимал личное участие в дискуссиях по интересовавшим его вопросам (например, по проблемам сравнительной типологии языков).

Желая от теоретических работ обратиться к конкретным специальным исследованиям, И. И. Мещанинов выбрал для этого тему, над которой много лет работал под руководством Н. Я. Марра и в духе его идей — язык урарту (халдский). В 1958 и 1962 гг. вышли в свет две части его новой книги: «Грамматический строй урартского языка», ч. 1 — Именные части речи (М.— Л., 1958); ч. 2 — Структура глагола (М.— Л., 1962); ч. 3, содержащая словарь, осталась в рукописи. Здесь И. И. Мещанинов учел и критику методологических установок «нового учения о языке» Н. Я Марра,

[15] Там же, стр. 182.

[16] Там же, стр. 187.

[17] И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития, стр 245.

[18] К юбилею И. И. Мещанинова Институт языкознания АН СССР выпустил сборник «Вопросы грамматики» (М.— Л., 1960), который содержит 38 статей по разным языкам и библиографию трудов И. И. Мещанинова по 1959 г. (всего 222 наименования). Библиография с 1960 по 1966 гг. печатается в приложении к настоящей статье.

и достижения в области халдоведения, связанные с именами таких ученых, как К. Ф. Леманн-Гаупт и И. Фридрих за рубежом, Г. В. Церетели и Г. А. Меликишвили в Советском Союзе, с археологическими работами Б. Б. Пиотровского и с исследованиями по грамматическому строю картвельских языков А. Г. Шанидзе и А. С. Чикобава.

Свои исходные теоретические позиции И. И. Мещанинов изложил в двух статьях: «Изучение языка клинописных памятников Урарту-Биайны» (ИАН ОЛЯ, 1953, 3) и «Моя текущая работа и ее перспективы» (ВЯ, 1958, 6). Первая из них имеет по преимуществу негативный характер и посвящена критике его старых работ по халдоведению. Рассмотрение каждого языка, согласно учению Н. Я. Марра, строилось «в те годы по схеме общемировой глоттогонии, без достаточного учета специфических свойств каждого изучаемого языка». Это отвлекало исследователя «от конкретного изучения языка, материалы которого в те годы брались для иллюстрации строившихся „новым учением" стадиальных ступеней развития человеческой речи в плане „яфетической теории"... В итоге сам привлекаемый мною материал не оказался в достаточной степени разработанным и даваемое по нему описание грамматического строя не могло быть полным и точным»[19].

Во второй статье, написанной по просьбе редакции «Вопросов языкознания» к 75-летию ученого, И. И. Мещанинов дает позитивную сторону своих новых позиций. Язык урарту, не являясь родственным ни семитическим языкам Древнего Востока, ни языкам индоевропейским, представляется ему по-прежнему не столько генетически родственным, сколько типологически сходным с кавказскими языками; но это сходство требует типологического сопоставления не по отдельным изолированным грамматическим категориям, а «по всему их комплексу, точно устанавливаемому в составе структуры» (стр. 123), или, иными словами, в составе той общей системы, «которой характеризуется язык на определенном этапе его развития» (стр. 126).

На этой теоретической основе строятся тщательное описание и анализ именных и глагольных форм языка урарту как в морфологическом, так и в синтаксическом аспекте. В то же время «урарто-картвельские параллели» во второй части книги «Грамматический строй урартского языка» (стр. 54—72) служат структурному сопоставлению языка урарту с другими языками эргативного строя. Таким образом, давний опыт типологических исследований и изучения кавказских языков не прошли для исследователя даром: они сделали возможным теоретическое обобщение кропотливой аналитической работы.

В области типологических проблем основное место в работах И. И. Мещанинова занимает проблема эргативного строя. Отказавшись, как было сказано, уже в конце 1940-х годов от рассмотрения эргативной конструкции как стадиально предшествующей номинативной и отражающей более древнюю ступень развития «мышления», И. И. Мещанинов углубляется теперь в изучение типологических разновидностей этой конструкции. «В одних языках той же синтаксической системы переходные и непереходные предложения различаются глагольной аффикацией при неизменяемых падежах именных членов (абхазский язык). В других языках они же противопоставляются падежами именных членов при нейтральной форме сказуемого (аварский язык). В некоторых языках той же системы привлекаются как глагольная аффиксация, так и падежи именных членов (даргинский язык). Получающаяся разновидность грамматических форм главных членов предложения обусловлена теми различными приемами, которыми выражаются субъектные и объектные отношения. Они передаются или классными показателями имен, или личным спряжением глагола или падежной системой именных членов, или совместно теми и другими»[20].

Ряд статей, посвященных вопросу об эргативной конструкции, завершается обобщающей монографией, законченной И. И. Мещаниновым незадолго до смерти [21]. И в этих исследованиях основным методологическим понятием, которым пользуется автор, является понятие «системы», определяющей взаимосвязи и взаимодействия ее отдельных элементов. «Эргативная конструкция противопоставляется номинативной всей выработанной в ней синтаксической системой. Отдельные грамматические формы могут совпадать в обеих системах построения предложения, но его главные члены и их грамматическое оформление получают в эргативной конструкции ею устанавливаемое значение. С таким эргативным содержанием используются не только активный и абсолютный падежи с закрепляемым за ним эргативным значением. Они выполняют в структуре предложения специальное назначение. Возлагаемое на них задание не отвечает тому, которое дается падежам номинативного строя предложения»[22].

[19] И. И. Мещанинов, Изучение языка клинописных памятников Урарту-Биайны, стр. 212.

[20] И. И. Мещанинов, Основные грамматические формы эргативного строя предложения, ВЯ, 1964, 5, стр. 3—4.

[21] И. И. Мещанинов, Эргативная конструкция предложения в языках разных типов, М.— Л., 1967.

[22] Его же, Основные грамматические формы эргативного строя предложения, стр. 14.

Именно эта мысль стояла перед И. И. Мещаниновым уже тогда, когда он стал употреблять термин «эргативная конструкция» вместо бывших ранее в обиходе «активная» и «пассивная» (поскольку прежнее словоупотребление могло подать повод к механическому отождествлению этих синтаксических конструкций с «активом» и «пассивом», т. е. действительным и страдательным залогами привычного для нас номинативного строя предложения [23]). «Этот термин введен А. Дирром...»,— объяснял он впоследствии и добавлял: «Я придал тому же термину более широкое содержание, основываясь на том, что синтаксический строй определяется всем комплексом его слагаемых частей, рассматриваемых не изолированно, а в их взаимной связи. ...Эргативная конструкция к тому же характеризуется не столько наличием особого эргативного падежа, сколько самой системой падежных противопоставлений»[24].

Развивая эти мысли, И. И. Мещанинов в дальнейшем приходит к примечательному выводу, что абсолютный падеж, выступающий при эргативном строе как падеж прямого объекта при переходных и как падеж субъекта при непереходных глаголах, не может, как это делалось раньше, отождествляться с винительным и именительным падежами. Эта мысль наиболее отчетливо сформулирована в тезисах его доклада «Основные грамматические формы эргативного строя предложения»: «Эргативная система противопоставляется номинативной всею выступающею в ней конструкциею предложения. Различные в ней построения переходных и непереходных предложений объединяются постановкою в них подлежащего в падеже, устанавливаемом содержанием передаваемого действия. Различное содержание устанавливает и то положение, в котором оказывается член предложения, поставленный в абсолютном падеже. Выполняя задания эргативной конструкции, он оформляет как прямое дополнение переходного предложения, так и подлежащее непереходного. Выступая прямым дополнением, он не обращается в винительный падеж, так же как не обращается в именительный, выступая подлежащим»[25].

Наконец, с новых позиций И. И. Мещанинов возвращается и к своей старой теме — синтаксической классификации языков — в небольшой книжке, озаглавленной «Структура предложения» и опубликованной в серии «Вопросы теории языкознания» (М.— Л., 1963). Не входя в конкретные подробности этой классификации, следует отметить, что она дает синхроническое сопоставление основных синтактико-морфологических типов выражения субъектно-объектных отношений предложения, а не диахронную последовательность стадиальных трансформаций, как в книгах довоенного времени. «Я останавливаюсь здесь,— заявляет автор,— на нескольких конструкциях предложения, резко противопоставляемых по своим грамматическим построениям. В них выступают различные грамматические приемы передачи синтаксических отношений между членами образуемых сочетаний слов. Применение различных синтаксических приемов обусловлено исторически выработанными правилами распределения слов в предложении и их грамматического оформления. Действующие в каждом языке внутренние законы его развития выделяют сложившиеся системы. Они, при сравнении языковых структур, поддаются типологическим сопоставлениям также и в синтаксических построениях слова в составе предложения»[26].

Типологическая характеристика структуры предложения строится на взаимодействии синтаксических и морфологических признаков. «Исследовательская работа приводит к сопоставлениям морфологических и синтаксических построений. Каждое из них получает свои задания, выполнение которых может выдвигать свою тематику. Исследование может останавливаться на оформлении морфемы, но может также переходить и на ее же синтаксическое использование. Получаемая связь морфологии с синтаксисом приводит в итоге к структуре предложения»[27]. «Связь морфологии с синтаксисом не прерывается и при признании за последним ведущего положения в грамматическом построении предложения»[28].

Эта точка зрения на морфологию, которая может быть названа функциональной, свидетельствует о совершившемся уже давно отходе автора от «растворения» морфологии в синтаксисе, свойственного его ранним теоретическим работам.

---

[23] Ср., например, статью: Ю. Г. Курилович, Эргативность и стадиальность в языке, ИАН ОЛЯ, 1946, 5; см. J. Kuryłowicz, Esquisses linguistiques, Wrocław — Kraków, 1960, стр. 95—103.

[24] И. И. Мещанинов., Моя текущая работа и ее перспективы, стр. 126.

[25] «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР», Л., 1964, стр. 5.

[26] И. И. Мещанинов, Структура предложения, стр. 82.

[27] Там же, стр. 102.

[28] Там же, стр. 103.

*

С именем И. И. Мещанинова связана целая эпоха советского языкознания, уже ушедшая в прошлое, но все еще достаточно близкая к нам. Поэтому и его работы встречают разные оценки — положительные и полемические. Автор настоящего посмертного очерка также не мог не быть субъективным в своих оценках и воспоминаниях. Он сам никогда не принадлежал к кругу многочисленных учеников или последователей покойного, но будучи его современником и его товарищем по работе, много лет был свидетелем этой работы и следил за ней с чувством глубокого уважения к его человеческой личности и к его научному творчеству. Теперь после его смерти наступает время для подведения итогов. Подведение это требует не только критики, но и пристального изучения его научного наследия в его развитии и противоречиях этого развития. Мне лично думается, что нам есть чему учиться у И. И. Мещанинова — и его трудолюбию, и беззаветной преданности науке, и его научной терпимости, и умению критически относиться к последовательным этапам своего творческого развития. Думается, что и его теоретические мысли отнюдь не потеряли для нас своей научной актуальности и что они могут помочь нам в ответственном деле построения теории советской лингвистики.

Библиография с 1960 по 1966 г.*

1. Передача субъектных и объектных отношений в языках эргативного строя предложения, ИАН ОЛЯ, 1960, 5, стр. 398—408.
2. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта, ФН, 1961, 1 (13), стр. 1—12.
3. Грамматический строй урартского языка. Ч. 2— Структура глагола, М.— Л., 1962. 86 стр.
4. Агглютинация и инкорпорирование, ВЯ, 1962, 5, стр. 24—31.
5. Структура предложения, М.— Л., 1963 (в серии «Вопросы теории языкознания»), 104 стр.
6. Эргативный строй предложения, сб. «Проблемы сравнительной филологии», М.— Л., 1964, стр. 19—25.
7. Основные грамматические формы эргативного строя предложения, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Тезисы докладов», Л., 1964, стр. 5.
8. Основные грамматические формы эргативного строя предложения, ВЯ, 1964, 5, стр. 5.
9. Агглютинация и инкорпорация, сб. «Морфологическая типология и проблемы классификации языков», М.— Л., 1965, стр. 245—246.
10. Эргативная конструкция предложения в языках разных типов, М.— Л., 1967.

Находится в печати:

11. Язык и мышление, сб. «Язык и мышление».

Подготовлены к печати

12. Словарь урартского языка.
13. Типологические сопоставления структур номинативного и эргативного предложений.

* Дополнение к хронологическому перечню печатных трудов академика И. И. Мещанинова в сборнике «Вопросы грамматики», М.— Л., 1960, стр. 12—28.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. П. ФИЛИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЭТНО- И ГЛОТТОГЕНЕЗА

Отношения между современными славянскими языками иные, чем между разными группами индоевропейских языков. Сравнительно-историческое исследование славянских языков позволяет реконструировать древний общеславянский язык как реальную лингвистическую единицу, существовавшую в течение многих веков и прекратившую свое существование примерно в VI—VII вв. н. э. Иное дело реконструкция индоевропейского языкового состояния. В результате этой реконструкции восстанавливается индоевропейская языковая система как абстракция: исторически реальный «индоевропейский праязык» остается недоступным и в его существование можно верить или сомневаться, был когда-нибудь такой или его вовсе не было. Реальными оказываются реконструируемые диалектные индоевропейские зоны, между которыми имелись соответствия. За этими зонами, по-видимому, скрываются отдельные языки или группы языков, находившихся в родственных отношениях. Древнейшие письменные памятники свидетельствуют о наличии уже совершенно самостоятельных индоевропейских языков. Как возникло индоевропейское языковое родство, какие конкретно-исторические события соответствовали его появлению и раннему его развитию, остается неизвестным. На этот счет высказываются только более или менее вероятные догадки. Является искомой, а не достоверной величиной территория («прародина»), на которой формировалась древнейшая индоевропейская речь, и время возникновения индоевропейского языкового сообщества. Разные косвенные соображения (прямых свидетельств нет) позволяют предполагать, что древнейшая индоевропейская речь складывалась в степных и лесостепных областях между Волгой и Дунаем. Гипотезы балканской и центральноевропейской «прародин» индоевропейцев представляются менее вероятными[1]. Опыты периодизации истории древнейшего индоевропейского состояния также представляют собой более или менее удачные или неудачные рабочие гипотезы, несмотря на множество остроумных и интересных наблюдений и соображений.

Иначе обстоит дело с древним общеславянским (праславянским) языком. Закономерные фонетические, фонологические, грамматические и лексические соответствия между известными нам славянскими языками могут быть объяснены только при предположении происхождения славянских

[1] Некоторые индоевропеисты и археологи утверждают, что прародина индоевропейцев находилась в южной части центральной Европы. См.: W. Wissman, Der Name der Buche, Berlin, 1952; W. Krogmann, Das Buchenargument, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 72, 1955; P. Thieme, Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, Wiesbaden, 1953; P. Bosch-Gimpera, El problema indoeuropeo, Mexico, 1960; G. Devoto, Origini indoeuropee, Firenze, 1962.

языков от одного общего для них языка-предка. Этот язык, который мы называем общеславянским, уже восстановлен во всех существенных чертах (менее всего поддается реконструкция общеславянского синтаксиса и лексической семантики) и оказывается довольно близким к языку дошедших до нас славянских письменных памятников X—XI вв. Начинают проясняться этапы развития общеславянского языка. Разумеется, в объяснениях происхождения общеславянской языковой системы, постоянно возникавших инноваций и их хронологической последовательности многое еще остается спорным и нерешенным, но общий облик общеславянского языка известен. Древние исторические сведения о славянах (прежде всего греческих и римских авторов) представляют их как группу родственных племен. Сознание своего родства и общности своего происхождения до сих пор сохраняется у всех славянских народов не только в книжных источниках или под воздействием литературы. Конечно, общеславянский язык никогда не был монолитной системой, исключающей диалектное деление. Древние славянские племена были многочисленны, постоянно соседили и сталкивались с иноязычными племенами, меняли места своего жительства, испытывали сложные общественные переустройства и т. д., т. е. пережили длительную историю. Все это не могло не отражаться на их языке. Общеславянский язык с самого начала своего существования состоял из близкородственных диалектов или диалектных зон, состав которых и отношения между которыми должны были постоянно изменяться. Не исключено, что в процессе выделения общеславянского языка из балто-славянской лингвистической зоны (или иных зон) в общеславянском единстве оказались генетически разные диалекты. Не каждая диалектная особенность обязательно моложе языковой основы, к которой она относится. К сожалению, древние диалектные члены общеславянского языка остаются пока областью неизведанного. Диалектные зоны, доступные современным методам исследования, относятся к позднему общеславянскому периоду.

Если реальность существования общеславянского языка несомненна и основные особенности его структуры нам известны, то гораздо хуже обстоит дело с определением территории его носителей и абсолютной хронологией его развития, с тем, что носит название славянского этно- и глоттогенеза. Методы реконструкции общеславянского языка (как и любого другого языка) позволяют восстанавливать его систему, тенденции развития этой системы, этапы ее истории, обнаруживать «действующий языковой механизм», но сами по себе они не дают (или почти не дают) никаких прямых свидетельств о пространственных и временных «координатах» реконструируемого языка, о жизни его творцов и носителей. Между тем, задачи историка-языковеда могут считаться выполненными только тогда, когда раскрыт не только механизм языковых изменений, но и условия, в которых эти изменения происходили и которыми они в конечном счете были вызваны, когда за языковыми явлениями открывается история общества, жизнь ушедших поколений.

Историческое языкознание дает косвенные свидетельства о пространственно-временных условиях жизни языка, когда об этом нет никаких письменных данных (или такие данные очень скудны и неопределенны). Начало развития общеславянского языка и истории его носителей не поддается определению. Чисто гипотетические предположения на этот счет основываются главным образом на тех или иных взглядах исследователей на характер и диалектное членение индоевропейского языкового состояния, прародину индоевропейской речи, время распада индоевропейского «праязыка» (если историческая реальность такового признается), тип балто-славянского языкового родства и т. п. По-видимому, можно с уверенностью

утверждать, что в разные доисторические эпохи прародина «протославян» и древнейших славян неоднократно изменяла свои границы и очертания, изменялись также и контакты наших древнейших предков с родственными и неродственными соседями. Совпадения некоторых славянских языковых явлений с соответствующими явлениями романских, германских[2], анатолийских[3] и других языков могут объясняться не только как результат независимого развития, но и как следы прямых контактов в очень отдаленном и хронологически не определимом прошлом. Что касается славянской прародины незадолго до широкого расселения праславянских племен и распада общеславянского языка, то в современной науке существуют две основных противостоящих друг другу гипотезы: вислоодерская и среднеднепровская.

Висло-одерская гипотеза была выдвинута польскими учеными (археологами, лингвистами, этнографами, историками), поддерживается и развивается в настоящее время в Польше и в некоторых других странах[4]. Согласно этой гипотезе, древнейшие славяне сформировались как самостоятельная этноязыковая единица между Вислой и Одрой, причем начало их формирования хронологически остается неопределенным (указываются различные приблизительные даты). Примерно в первых веках н. э. (или около этого) из районов современной Польши начинается расселение славянских племен на юг (через Карпаты и Венгерскую низменность к Дунаю и на Балканы), на восток (к Днепру и далее) и отчасти на запад. Широкое расселение славян вызвало распад их древних диалектов, сложившихся еще на прародине, на самостоятельные этноязыковые единства и положило начало исторически известным славянским народам и языкам. Висло-одерская гипотеза называется польскими исследователями еще автохтонной, поскольку ими предполагается, что исконно славянскими землями являются только области современной Польши. Точнее ее следовало бы называть «польско-автохтонной» гипотезой (с точки зрения всех остальных славян).

Среднеднепровская гипотеза была выдвинута еще в прошлом столетии, поддерживалась и развивалась такими крупными славистами, как Л. Нидерле, М. Фасмер, К. Мошинский и другими. Эта гипотеза представляется наиболее вероятной. Древнеславянские племена в последние века до н. э. и в начале н. э. занимали территорию приблизительно между Западным Бугом и средним течением Днепра. На севере их примерной границей была р. Припять, на юге их землями были правобережные лесостепные районы. Иными словами, прародиной славян указанного времени были современные южная Белоруссия и северная (на запад от Днепра) Украина. Какое очертание имела славянская прародина в более древние эпохи, определить трудно.

Вполне возможно, что в будущем исследователям удастся найти новые и более точные доказательства, которые приведут к существенно иным построениям. В настоящее же время приходится мириться с существую-

---

[2] Например, О. Н. Трубачев в книге «Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции)» (М., 1966) устанавливает ряд славяно-латинских и славяно-германских изоглосс в названиях гончарной посуды (при полном отсутствии славяно-балтийских изоглосс) и предполагает, что в какое-то неопределенное время древнейшей истории существовал центральноевропейский культурно-языковой район.

[3] Вяч. Вс. Иванов, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965.

[4] Из советских языковедов висло-одерскую гипотезу поддерживает В. В. Мартынов. См.: «Славяно-германские взаимодействия древнейшей поры (к проблеме прародины славян)», Минск, 1963; «Лингвистические методы обоснования гипотезы о вислоодерской прародине славян», Минск, 1963.

щими неоднозначными ответами на поставленные вопросы, поскольку более или менее окончательного решения проблемы пока не существует. Поиски прародины славян опираются на следующие доказательства: 1) существенные языковые контакты между праславянскими и их родственными и неродственными соседями; 2) географические показания некоторых слоев праславянской лексики, а также данные топонимики; 3) свидетельства, получаемые посредством других наук. Особо важное значение имеют сведения древних писателей, относящиеся к жизни древних славян и их соседей.

Показания древних авторов свидетельствуют о том, что южные степные и отчасти лесостепные районы между Волгой и Днестром во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э. занимали многочисленные скифские и сарматские племена, принадлежность которых к ираноязычной этнической группировке в настоящее время представляется несомненной[5]. На западе древние иранцы соприкасались с дакийцами и фракийцами, занимавшими восточную половину Балканского полуострова, Румынию, часть Венгрии, вероятно, также самую юго-западную часть Украины. В то же время земли севернее Припяти от восточного побережья Балтийского моря, верхнее и отчасти среднее Поднепровье до верховьев Оки и Волги занимали балтийские племена, на востоке смыкавшиеся с финно-угорскими племенами. О контакте между балтийцами и восточными финно-уграми говорят древние лексические заимствования из балтийских языков в финно-угорские, которые обнаруживаются все более и более по мере расширения исследований. Некоторые названия животных и растений древнебалтийского происхождения являются общими в мордовских, марийских и прибалтийско-финских языках. На очертания древней территории балтийских племен указывают языковые связи балтийцев с другими их соседями, а также в известной степени и показания топонимики. В отличие от устаревших взглядов Я. Калима и Э. Сетеле, полагавших, что предки современных прибалтийских финнов колонизировали северо-восточное балтийское побережье только в конце I тысячелетия до н. э.— начале I тысячелетия н. э. и лишь в это время вошли в контакт с балтийцами, современные исследователи (П. Аристэ, В. Кипарский и др.) считают, что прибалтийско-финские племена были северными соседями балтийцев задолго до н. э., вероятно еще во II тысячелетии до н. э. Создались возможности поставить вопрос о периодизации древнейших заимствований из балтийских языков в прибалтийско-финские, об их относительной хронологии[6]. Распространение древней балтийской топонимики к востоку от современных Литвы и Латвии является предметом исследований с конца XIX в., начиная с серьезной попытки А. А. Кочубинского[7]. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев показывают широкое распространение балтийских гидронимов в верхнем течении Днепра и его притоков, в Подесенье, некоторое проникновение их и южнее Припяти[8]. Если южная граница массовых балтийских топонимов идет довольно

[5] По мнению В. П. Петрова, скифский язык не принадлежит к иранской группе, а представляет собой самостоятельный индоевропейский язык, обнаруживающий ближайшее родство с иранскими, фракийскими и балтийскими языками (В. П. Петров, Язык. Этнос. Фольклор, Киев, 1966, стр. 25—31). Однако эта точка зрения нуждается в надлежащей аргументации.

[6] W. Steinitz, Zur Periodisierung der alten baltischen Lehnwörter im Ostsee-Finnischen, сб. «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz», Warszawa, 1965, стр. 297.

[7] А. А. Кочубинский, Территория доисторической Литвы, ЖМНП, 1897, 1.

[8] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья, М., 1962.

четко по Припяти, а северная примерно совпадает с современной северной границей балтийцев, то восточная их граница «остается наиболее неопределенной и расплывчатой»[9]. Все же можно говорить о наличии следов древней балтийской топонимики по крайней мере в верховьях Оки и Волги[10].

Таким образом, Прибалтика, северное Поднепровье, Центральная Россия, южные области Европейской части СССР по данным современной науки исключаются как возможные области поселения древних славянских племен (по крайней мере во второй половине I тысячелетия до н. э. — в начале н. э.). Широкую полосу севернее Припяти и нижней Десны занимали балтийцы. Восточнее и севернее их располагались финно-угорские племена. Южные степные районы были территорией иранских племен. Карпаты занимали дакийцы, Балканы — фракийцы, иллирийцы и фригийцы. Какие племена находились севернее Карпат, в бассейнах Вислы и Одры? Как было сказано выше, польские ученые считают эти области древнейшей исконно славянской землей, славянской прародиной. Однако вопрос этот оказывается очень сложным. Многочисленные попытки установить славянские этимологии крупнейших рек этого района (начиная с названий Вислы и Одры) дают весьма зыбкие результаты, если не сказать больше. Далеко не решенным является вопрос о пребывании в этих местах древних германцев. Гипотеза о Швеции как о родине готов, основанная на известном рассказе Иордана, находит все меньше сторонников. Выделение особого скандинавского диалектного ареала происходит позже. В первые века н. э. общегерманский язык делился на западногерманский ареал, в который входила и Скандинавия, и восточногерманский ареал, к которому относились готы и другие восточногерманские племена[11]. Если не весь висло-одерский район, то по крайней мере западная его часть была занята восточногерманскими племенами и лишь затем колонизирована древними славянами. Сообщения о венедах, появившихся у юго-восточного побережья Балтийского моря, в которых можно видеть славян, относятся к первым векам н. э. Археологические, антропологические и иные данные при скудости или полном отсутствии прямых исторических свидетельств дают такие многозначные ответы, что они никак не могут считаться решающими. Решающими могут быть языковые свидетельства.

Что говорят сравнительно-исторические исследования о балто-славяно-германо-иранских взаимосвязях во второй половине I тысячелетия до н. э. — в начале н. э.? Как известно, балто-славянская языковая общность истолковывается по-разному. Одни ученые склонны объяснять ее как наследство балто-славянского праязыка, другие считают ее результатом вторичного схождения и контактирования. Но как бы то ни было, факт сходства общеславянского языка и древних балтийских языков является несомненным. Объяснить его можно только тем, что древнеславянские и древнебалтийские племена если не в отдаленной древности, то в интересующее нас время находились в тесных взаимосвязях, в течение веков соседили друг с другом. Территория древних балтийцев нам более или менее известна. С какой стороны примыкали к балтийцам славяне? На север от балтийцев находились западные (прибалтийские) финно-

[9] В. Н. Топоров, О балтийских следах в топонимике русских территорий, «Lietuvių kalbotyros klausimai», II, Vilnius, 1959, стр. 57.

[10] В. Н. Топоров, указ. соч.; его же, Некоторые задачи изучения балтийской топонимики русских территорий, «Вопросы географии», 58. Географические названия, М., 1962.

[11] См.: Э. А. Макаев, Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ, М., 1965, стр. 24—30.

угры, на восток восточные финно-угры. Следовательно, славяне могли быть или к западу, или к югу от балтийцев. Если они находились к западу (или юго-западу) от балтийцев, то в их языке должно быть совпадений с германцами больше, чем у балтийцев, и, наоборот, славяно-иранские связи должны быть слабее связей балтийско-иранских. Однако дело обстоит совсем иначе.

Мы не будем здесь касаться длительной полемики о древнейшем диалектном членении индоевропейской языковой общности. И в настоящее время высказываются на этот счет крайне противоречивые точки зрения. Интересующегося читателя отсылаем к содержательному и объективному очерку Н. С. Чемоданова, излагающему проблему древних связей германских языков с другими индоевропейскими языками[12]. Славяно-германские языковые изоглоссы восходят к временам, когда ни собственно славянских, ни собственно германских языковых групп еще не существовало; эти изоглоссы обычно не являются специфичными только для германцев и славян и находят себе соответствия в других индоевропейских языковых областях. Однозначных свидетельств в пользу непосредственных контактов древних славянских и германских племен в века, предшествующие началу нашей эры, не имеется. Н. С. Чемоданов, исследуя славяно-германские лексические изоглоссы, приходит к выводу, что исконных славяно-германских лексических связей немного, причем почти полностью отсутствуют специально славяно-германские образования в производственной и социальной терминологии. Неширок круг германо-балто-славянских лексических изоглосс. В то же время обширны и разнообразны германо-балтийские лексические параллели, связанные с различными сторонами трудовой деятельности, названиями частей тела, болезней, разнообразных явлений природы и т. д. Если прямые связи между древними германцами и балтийцами оказываются несомненными, то «судя по данным языка, непосредственный контакт германцев со славянами был установлен очень поздно, может быть не раньше начала нашего летоисчисления»[13].

Проблематичны специальные балто-иранские связи. М. Фасмер в свое время даже утверждал, что иранские заимствования в балтийских языках отсутствуют полностью[14]. В то же время несомненен древний слой иранских заимствований в восточных финно-угорских языках. Устанавливаются определенные языковые связи между древними иранцами и славянами[15]. Новые исследования обнаруживают широкий круг ирано-славянских лексических изоглосс[16], которые в значительной своей части не были известны науке и не входили ни в какие подсчеты в известных схемах, относящихся к древнему диалектному членению индоевропейской языковой общности. В. И. Абаев пишет: «... бросается в глаза обилие специфических скифо-славянских схождений. По количеству и весу сепаратные скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой»[17]. Число вновь открываемых ирано-славянских лексических связей несомненно будет возрастать. Реконструируются ирано-славянские контакты

---

[12] «Сравнительная грамматика германских языков», I, М., 1962, гл. 1.

[13] Там же, стр. 79.

[14] M. Vasmer, Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung, Berlin, 1941, стр. 10.

[15] Обзор работ о славяно-иранских связях см. в статье: А. А. Зализняк, Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода, ВСЯ, VI, М., 1962.

[16] См.: В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, М.— Л., 1958, и ряд других его работ.

[17] В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 135.

в фонологической и грамматической областях[18]. Все это с несомненностью свидетельствует о непосредственном соседстве древних славян с иранскими племенами.

Итак, общеславянский язык во второй половине I тысячелетия до н. э. имел безусловные схождения с древнебалтийскими диалектами и несомненные ощутительные связи с североиранскими языками. В то же время особенности, которые объединяли его с общегерманским языком, как и с другими европейскими языками, имеют опосредствованный характер и восходят к эпохе древнейших диалектных зон индоевропейского языкового состояния. Попытки обнаружить лексические и иные заимствования из общегерманского языка в общеславянский и обратно положительных результатов не дали. Старая гипотеза об особом германо-балто-славянском языковом единстве, которой продолжают придерживаться некоторые современные языковеды, является мало обоснованной и сомнительной. Иначе обстоит дело с балто-германскими связями. Наличие таких связей, длившихся продолжительное время, не подлежит сомнению. Все это может быть объяснено географическим положением древних славянских племен: древние славяне находились между балтийцами и северными иранцами. От германцев их отделяло какое-то другое население, возможно северноиллирийское. Первые достоверные лексические заимствования в общеславянском языке из германского датируются первыми веками н. э. Славяно-восточногерманские контакты начинаются в Привислинье, куда продвинулись славянские племена. Предполагается также относительно кратковременное готское воздействие в среднем Поднепровье и в Поднестровье. Западнобалтийские племена, в отличие от славян, издревле соприкасались с германцами в низовьях Вислы и других районах южнобалтийского побережья. Славяне несомненно поздно встречаются с угро-финнами. Первые славянские заимствования в прибалтийско-финские языки восходят ко времени не ранее VII—VIII вв., а в восточнофинноугорские языки в еще более позднее время. Это обстоятельство указывает на то, что древнеславянские племена жили на запад от Днепра (если не принимать во внимание высказываемой, но пока недоказанной гипотезы о нефинноугорских загадочных языках центральной России, которые могли быть полностью ассимилированы восточнославянскими диалектами и восточнофинноугорскими языками). Полоса территории на северо-востоке от них (в Подесенье) занималась балтийцами, которые отделяли финно-угров от славян. В этом районе вероятен контакт между балтийцами и иранцами: непосредственное воздействие иранских языков на балтийские языки было гораздо слабее, чем на общеславянский язык, но полностью оно не исключается, как показывают некоторые современные исследования. Таким образом, взаимосвязи общеславянского языка с соседними языками дают основание предполагать, что славяне во второй половине I тысячелетия до н. э. занимали земли между средним течением Днепра и Западным Бугом. Если бы их местопребыванием был Висло-Одерский край, невозможно было бы объяснить наличие непосредственных языковых связей между славянами и иранцами и отсутствие таковых между славянами и германцами, значительные и многовековые контакты между балтийцами и германцами и более слабые, чем у славян, связи балтийцев с иранцами.

[18] См.: В. Н. Топоров, Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса, «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 28, 1960; А. А. Зализняк, О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами, «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 3, 1963; В. И. Абаев, Превербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе, «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964, и некоторые другие работы.

Очень рано, в первые века н. э., славянские племена появляются в Привислинье и у юго-восточного побережья Балтийского моря.

На среднеднепровско-западнобужскую территорию указывает и древняя география некоторых слоев общеславянской лексики. В общеславянском языке широко представлены названия деревьев и растений, животных, птиц и рыб, характерных для умеренной лесной и лесостепной зоны. В то же время обозначения таких типичных представителей леса западных областей, как бук, тис, явор, центральноевропейская лиственница (польск. *modrzew* и др.), и ряда других деревьев и растений являются сравнительно поздними заимствованиями локального (не общеславянского) характера. В общеславянской лексике имелось обилие названий озер, болот, лесов и других особенностей ландшафта, обычных для указанной территории. Характерно, что славянские национальные названия болот и озер,— как правило, исконного происхождения. «Заимствования, как правило, имеют узколокальный характер и составляют незначительную часть болотоведческой терминологии. Основная масса — славянская»[19]. Вместе с тем обнаруживается полное отсутствие исконной морской терминологии, названий животного мира моря, специфических особенностей гор и степей. С точки зрения висло-одерской гипотезы все эти факты необъяснимы, поэтому их научная значимость подвергается сомнению рядом исследователей. Конечно, на пути лингвистической географии древней общеславянской лексики имеются большие трудности. В данном случае особенно важна доказательная увязка истории слов, их значений с историей обозначаемых реалий. На помощь лингвистической палеогеографии должна прийти разработка соответствующих разделов палеоботаники, палеозоологии, палеоландшафта, палеоклимата. Эти науки достигли определенных успехов, которыми мы можем воспользоваться, в частности, и в изучении интересующих нас областей. Говорят, что ботанические и зоологические зоны меняются сравнительно быстро, поэтому на основании современных зон распространения тех или иных деревьев или животных нельзя делать глубоких ретроспективных заключений. Конечно, верно, что упомянутые зоны изменяются, особенно в наше время, когда воздействие человека на природу резко усилилось. Однако это вовсе не означает, что история распространения специфических особенностей ландшафта, животного и растительного мира не восстановима, особенно если речь идет о последних двух-трех тысячелетиях, и не сопоставима с лингвистическими данными.

Палеоботанические и палеозоологические находки, сведения, заключающиеся в письменных источниках, сравнительно-историческое изучение соответствующего материала позволяют установить историю природы правобережной лесостепи и лесной зоны. Современные исследователи прослеживают перемены, происходившие к западу от среднего течения Днепра, в то же время указывая, что лесостепь — древний устойчивый ландшафт [20], что южная граница леса и степи, хотя и подвержена колебаниям, особенно в связи с деятельностью человека, в древности проходила приблизительно там же, где и в хорошо известное нам историческое время, что климат за историческое время существенно не изменился [21]. В общем известен состав растений и животных областей к западу от Днепра на

[19] В. В. Мокиенко, Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением «болото», «Местные географические термины в топонимии. Тезисы докладов и сообщений», М., 1966, стр. 20.

[20] Ф. Н. Мильков, Лесостепь русской равнины. Опыт ландшафтной характеристики, М., 1950, стр. 107.

[21] И. Е. Бучинский, Очерки климата русской равнины в историческую эпоху, Л., 1954, стр. 25—30.

рубеже н. э., и он соответствует нашим лингвистическим наблюдениям. Известна также (разумеется, не до конца) история растительного и животного мира земель к югу и к юго-востоку от балтийского побережья. «Главнейшее дерево лесов Германии — обыкновенный бук — достигает наибольшего своего распространения в Центральной Европе к концу бронзового века, примерно за 800 лет до н. э.»[22]. Восточная граница бука за последние две-две с половиной тысячи лет и даже более существенно не изменялась. Вполне восстановима даже история распространения культурных растений, наиболее подверженных всякого рода коренным изменениям. «Изучение культурной растительности Старого Света,— писал Н. И. Вавилов,— обнаружило один чрезвычайно важный факт, именно, что несмотря на интернационализацию культурных растений, несмотря на многочисленные переселения народов, колонизацию, глубокую древность земледелия, до сих пор при систематико-географическом изучении можно устанавливать области максимального первичного разнообразия сортов и ряд закономерностей в распределении наследственных форм. Сопоставление данных по географии разновидностей обнаружило, что культурные расы, разновидности, виды характеризуются определенными географическими ареалами и что, в общем, к решению вопроса о центрах формообразования культурных растений приложимы те методы, которые ботаник и зоолог применяют для видов диких растений и животных»[23]. Н. И. Вавилов блестяще определяет первичные районы культурных растений и прослеживает пути их дальнейшего распространения, восстанавливая их историческую географию. Между прочим, он замечает: «На основе такого рода аналитических ботанических изысканий большую ценность приобретают данные археологии, истории и лингвистики. Приуроченные к определенным ботаническим видам, они могут иногда значительно дополнить и углубить сведения о прошлом культурных растений»[24]. А с точки зрения историка-лингвиста, данные ботаники и зоологии в определенных случаях должны послужить опорой для лингвистических реконструкций. География растений, животных и особенностей ландшафта не противоречит, а подтверждает наше предположение о некоторых специфических явлениях общеславянской лексики и о среднем Поднепровье и примыкающих к нему с запада областях, как о праславянской родине. И если для обоснования этой гипотезы нужно еще многое сделать в исследовании географии общеславянской лексики и в ее увязке с ботаникой и зоологией, то уж во всяком случае очевидно, что в расположении морей и гор за интересующий нас отрезок времени никаких заметных изменений не произошло. Между тем, вряд ли можно предполагать, что племена, жившие между Вислой и Одрой, не были знакомы с Балтийским морем и Карпатами.

Конечно, нужно учитывать возможности пребывания предков древних славян в других областях с иными географо-климатическими условиями, в связи с чем значения многих унаследованных от этих предков ботанических и зоологических терминов могли измениться или утратиться. Могло играть свою роль в некоторых случаях табуирование, нужно учитывать также возможности наличия названий «экзотических» животных и растений, отсутствовавших на славянской прародине, трудности установления первичных значений слов по данным современной славянской лексики и многие иные препятствия, стоящие на пути исследователя по исторической лексикологии и этимологии. Однако все эти трудности

[22] Е. В. Вульф, Историческая география растений, М.— Л., 1954, стр. 408
[23] Н. И. Вавилов, Центры происхождения культурных растений, Л., 1926, стр. 16.
[24] Там же, стр. 19.

обычны для исторической лексикологии и этимологии и не являются чем-то специфическим именно для названий растений и животных. Отказываться от реконструкции географии ботанических, зоологических и топографических терминов только потому, что лексикологу приходится встречаться со всякого рода подводными камнями, было бы равнозначным отказу от исторической лексикологии и этимологии вообще. К счастью, такой скептицизм не имеет под собой никаких серьезных оснований. Лексикология развивалась и будет развиваться, постепенно совершенствуя свои методы. Заманчивые перспективы открываются и перед славянской лингвистической палеогеографией.

В дискуссии о прародине славян широко используются данные топонимики. Конечно, топонимические показания важны, особенно тогда, когда принадлежность топонимов к определенному языку твердо установлена и топонимы поддаются определению с точки зрения относительной хронологии. Следы балтийской топонимики в северном Поднепровье и в верховьях Волги и Оки ясно свидетельствуют о том, что на этих территориях находились когда-то балтийские племена. В какое время появляются здесь балтийцы, были ли они в этих местах единственным этническим образованием или же жили вперемежку с племенами иного происхождения, остается пока неясным: на тех же землях прослеживаются угро-финские и славянские топонимы, а также названия неопределенные. На юге России представлены топонимы иранского происхождения (что вполне соответствует свидетельствам Геродота и других писателей древности), перекрываемые более поздними тюркскими названиями и еще более поздними русскими именами. Не подлежит сомнению наличие на севере России и в центральных русских областях мощного гидронимического слоя древних финно-угорских племен. Очень сложным является топонимический состав земель западнее среднего течения Днепра. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев отметили некоторое количество балтийских топонимов южнее Припяти[25]. Т. Лер-Сплавинский, один из создателей висло-одерской гипотезы прародины славян и стойкий ее защитник, на основании наблюдений названных авторов поспешил сделать вывод: поскольку балтийские топонимы встречаются по правому берегу Припяти, в северной Волыни и западной Киевщине, вопрос о прародине славян можно считать окончательно решенным — она могла быть только между устьями рек Вислы и Одры и ни в коем случае не в среднем Поднепровье[26]. Однако в среднем Поднепровье имеются также несомненно славянские, иранские и иные, во многих случаях спорного или вовсе невыясненного происхождения, гидронимы. Нельзя также не обратить внимания на то, что севернее Припяти балтийские топонимы имеют более или менее сплошное распространение, тогда как южнее Припяти они располагаются вперемежку с явно небалтийскими названиями. Очень сложно обстоит дело с топонимикой висло-одерского бассейна: наряду со славянскими топонимами там имеются топонимы неславянские, а названия крупных рек — сплошь неславянского происхождения (попытки установить их славянские этимологии никак нельзя назвать удачными). Если основываться только на топонимических данных, то получится, что для славян вообще нигде не найдется места, поскольку нет областей с несомненной сплошной славянской гидронимией (как это уже давно отмечалось разными исследователями). Анализ происхождения древних топонимов, как известно, еще очень далек от совершенства. Как правильно замечает в своей очень трезвой статье А. К. Матвеев, в топонимике слабо отражаются «морфологи-

[25] См.: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, указ. соч.

[26] См.: Т. Лер-Сплавинский, О северо-восточных окраинах праславянского языка, ВЯ, 1964, 1.

ческие и синтаксические ярусы языка», «семантику лексических и грамматических элементов субстратной топонимики раскрыть крайне трудно», «топонимическое этимологизирование представляет собой область, в которой до сих пор процветает крайний субъективизм», топонимическая этимология «почти всегда условна, так как в огромном большинстве случаев ее невозможно доказать»[27].

Вообще нужно заметить, что чем дальше в глубь времен, тем труднее установить языковую принадлежность топонимов. Если неизвестно или весьма гадательно значение апеллятивов, лежащих в основе топонимов, если очень условна трактовка их фонетических и морфологических особенностей, то это и означает, что языковая отнесенность топонимов не установлена. Положение особенно осложняется тогда, когда в топонимике отложились древнейшие названия генетически родственных языков, в интересующем нас случае языков славянских и балтийских. В. Н. Топоров, на наблюдения которого ссылается Т. Лер-Сплавинский, пишет, что близость древних славянской и балтийской фонологических систем, «как и тот факт, что огромная часть балтийского и славянского корнеслова совпадают, значительно затрудняет выяснение всех следов балтийской топонимики на русских территориях и препятствует во многих случаях установлению сколько-нибудь твердых критериев для различения балтийских и славянских названий»[28]. Нельзя не согласиться с В. П. Петровым, который считает, что балтийские топонимы южнее Припяти следует рассматривать как языковые реликты эпохи общности балто-славянской гидронимии[29]. Нужно также иметь в виду, что на славянской прародине как одном из районов древнейшей индоевропейской территории надо предполагать и наличие таких топонимов, происхождение которых относится к времени, когда еще не было ни праславян, ни прибалтийцев, ни других известных нам индоевропейских этноязыковых групп. Таким образом, данные топонимики вовсе не противоречат нашей гипотезе о прародине славян.

Нужно еще сказать о вкладе археологии и антропологии. Много лет ведутся споры о приоритете в освещении проблем этногенеза между лингвистами и археологами. Археологи, занимающиеся вопросами этнического определения археологических культур, считают, что данные языкознания не позволяют более или менее точно локализовать этнические единицы и не дают возможности устанавливать их хронологию, тогда как археологические материалы имеют определенные пространственные и временные координаты. Конечно, верно, что языкознание в установлении места и времени носителей реконструируемого языка наталкивается на огромные трудности. Все же эти трудности могут преодолеваться в процессе пополнения наших знаний и усовершенствования методов исследования. Сравнение реконструируемых языковых систем, лингвистическая палеогеография, привлечение данных других наук для объяснения древних языковых явлений в определенных случаях позволяют устанавливать пространственно-временной контур искомой этнической величины хотя бы в виде рабочей гипотезы. И уж во всяком случае этническая принадлежность реконструируемой языковой системы бесспорна. Можно спорить о деталях структуры общеславянского языка и его диалектов, о ее возникновении и развитии (здесь предстоит сделать еще очень многое), но что

[27] А. К. Матвеев, Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики, ВЯ, 1965, 6.

[28] В. Н. Топоров, О балтийских следах в топонимике русских территорий, стр. 62—63.

[29] В. П. Петров, Балтика і славіка в гідронімії України, «III республіканська ономастична (гідронімічна) конференція (тези)», Київ, 1965, стр. 116.

на общеславянском языке говорили именно исконные славяне и славянизированные племена (т. е. тоже славяне), это ни у кого не вызывает сомнения. Если определено, где и когда говорили на общеславянском языке, значит установлено, где и когда жили славяне. Если выяснено, как образовался общеславянский язык, значит в основном решена проблема этногенеза славян. Язык — постоянный однозначный признак этнической общности древности, поэтому в его исследовании ключ к решению этногенетических вопросов.

Разумеется, древние племена и народности не только говорили, но и производили средства к существованию, имели экономическую и общественную организации, сносились со своими соседями и воевали с ними, веровали, создавали фольклор и т. д. Каждая этническая общность имела свои особенности в хозяйстве и культуре. Восстановить историю этнической общности — значит всесторонне описать всю ее жизнь от начала зарождения до распада или поглощения другой общностью или слияния с нею. Это совершенно очевидно. К сожалению, от жизни бесписьменных племен в материальной и духовной сфере мало что сохранилось. Приоритет в реконструкции древнего прошлого, воссоздаваемого путем анализа остатков материальной культуры, безусловно принадлежит археологии, которая переживает «век великих открытий». Однако материальная культура часто имела сходство у самых разнородных племен и народностей, обусловленное одинаковым уровнем производительных сил и одинаковыми условиями естественной среды, а также и различия, которые были подвижны, изменчивы, поэтому их география далеко не всегда совпадала с географией этнических общностей. Эти своеобразия материальной культуры совершенно очевидны. «Что касается экономической и культурной общности, то обе эти формы общности обычно бывают очень расплывчаты, и сравнительно редко границы их совпадают с этническими границами»[30]. Правда, археологи говорят, что имеются и собственно этнические элементы в остатках материальной культуры (орнамент, своеобразные приемы строительства жилищ, формы одежды и украшений, специфика культов и погребальной обрядности и т. д.), по которым можно судить об этнических общностях. Вероятно, это верно. Некоторые особенности материальной и духовной культуры, не вызываемые прямой производственной необходимостью, оказываются очень устойчивыми, много веков передаются из поколения в поколение (современная этнография знает немало таких примеров). Однако еще не выработана такая методика исследований подобных явлений, которая позволяла бы безусловно и однозначно определять их этническую принадлежность, когда о племени или народности нет никаких письменных или языковых свидетельств. По-видимому, это обусловлено тем, что устойчивые «этногенные» признаки материальной культуры имели разное происхождение и распространение, какие-то из них совпадали в определенную эпоху с границами этнической общности, а какие-то нет, и практически нет возможности отличать «этнические» явления от «неэтнических», когда речь идет о доистории. Поэтому если этническая принадлежность общеславянского языка не может вызывать никаких сомнений, то структура археологических признаков носителей этого языка остается неизвестной — археология дает слишком разнозначные ответы.

Нет ни одной археологической культуры, которую все археологи единодушно определяли бы как праславянскую. Известно, какие разноречивые истолкования получали и получают «лужицкая культура», куль-

[30] С. А. Токарев, Проблема типов этнических обобщений (к методологическим проблемам этнографии), ВФ, 1964, 11, стр. 44.

туры, расположенные на территории современной Польши и в среднем Поднепровье. Поскольку, по нашему мнению, сравнительно-историческое языкознание свидетельствует о среднем Поднепровье как древнем очаге славянства, зарубинецкая культура (II в. до н. э.— конец II в. н. э., а в более северных областях до IV—V вв. н. э.) должна считаться славянской, хотя из самих памятников зарубинецкой культуры, рассматриваемых в собственно археологическом аспекте, этого вовсе не видно, и находятся археологи, которые полагают, что «в распоряжении исследователей нет решительно никаких оснований для отнесения этой культуры к славянам», что зарубинецкая культура принадлежала западным балтийцам [31]. Разумеется, нет также решительно никаких оснований, в том числе и лингвистических, считать зарубинецкую культуру западнобалтийской. Одна и та же культура допускает самые различные «этнические» истолкования. Например, И. И. Ляпушкин считает, что славянская археологическая культура появляется на Днепре поздно, что славяне появились в Поднепровье откуда-то из западных районов современных славянских земель [32] или же в VI в. н. э. с юга, из поречья Дуная [33]. Примерами непримиримых противоречий такого рода полна археологическая литература. Даже VI—VIII вв. н. э., буквально накануне образования древнерусского государства, в археологическом отношении оказываются очень неопределенными [34].

Если выйти за пределы славянской проблематики, мы в общем столкнемся с тем же положением. Даже культура древних этрусков, богатая и разнообразная, этнически может быть определена лишь тогда, когда будут наконец расшифрованы загадочные этрусские надписи [35].

Очень часто встречается утверждение, что проблемы этногенеза могут успешно и всесторонне освещаться только в результате совместных усилий ученых разных специальностей [36]. В принципе это верно. Однако мы далеки еще от научно обоснованных и непротиворечивых синтетических обобщений. Пока что попытки археологов использовать лингвистические данные в общем похожи на неумелые партизанские разведки. То же можно сказать и о «синтетических построениях» представителей других специальностей. А пока что язык продолжает оставаться единственным бесспорным признаком определения этнической принадлежности древних племен и народностей. Опираясь на этот признак, можно и нужно использовать данные археологии, особенно и прежде всего географию и хронологию реалий, названия которых важны для исследований в области лингвистической палеогеографии. «Наложения» археологических культур на реконструируемые лингвистические территории и обратные «наложения» не могут дать каких-либо надежных результатов, так как современная археология восстанавливает историю материальной культуры древнего населения, а не этническую его историю.

---

[31] См.: В. В. Седов, Гидронимия Голяди, «III республіканська ономастична (гідронімічна) конференція (тези)», стр. 131—132. См. также: его же, Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Автореф. докт. диссерт., М., 1966.

[32] См.: И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян, «Исследования по археологии СССР (Сборник в честь М. И. Артамонова)», Л., 1961, стр. 208—209.

[33] См.: И. И. Ляпушкин, Некоторые вопросы из предыстории восточных славян, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», 100, 1965, стр. 122—123.

[34] См.: Предисловие к сб. «Славяне накануне образования Киевской Руси. Материалы и исследования по археологии СССР», 108, М., 1963, стр. 5—6.

[35] См.: Ф. П. Филин, Несколько общих замечаний о проблемах этногенеза, «Сборник в честь 75-летия академика Н. И. Конрада» (в печати).

[36] См. обзор мнений в статье: Г. С. Кнабе, Вопрос о соотношении археологических культур и этноса в современной зарубежной литературе, «Советская археология», 1959, 3.

Немаловажным является выяснение антропологического происхождения этнических общностей. Расовое смешение древнего населения в эпоху родовой обособленности происходило в гораздо меньших размерах, чем в поздние этапы истории, но все же оно несомненно имело место. Расселение первобытных индоевропейских племен в разных странах Евразии очень рано привело к расовому разнообразию индоевропейского населения, постепенно сталкивавшегося с различными расами и разновидностями рас. Многочисленные попытки реконструировать «исходный» антропологический тип «праиндоевропейцев» относятся скорее к области научной фантастики, нежели к науке. Давно уже установлено, что древняя индоевропейская речь, как она восстанавливается в современной науке,— явление историко-культурное, а не расовое. То же можно сказать и о носителях общеславянского языка, имевшего длительную историю. Отрывочные сведения о физическом облике древних славян, имеющиеся у древних писателей, слишком неполны и противоречивы. Достоверного антропологического типа древних славян наука не имеет. Поиски их чистого расового типа обречены на неудачу, так как такового не было. Однако было бы очень интересно выяснить, из каких антропологических компонентов складывались славяне. С течением веков эти компоненты, несомненно, изменялись. Теперешние славяне представляют очень сложную, смешанную антропологическую картину, конечно, сильно отличающуюся от той, которая была тысячелетия назад. Как устанавливают современные исследователи, русские имеют 12 областных антропологических типов. «В основе русских антропологических вариантов и некоторых дославянских лежит один общий антропологический строй, очень древний, восходящий к ранненеолитическому или мезолитическому времени. Исходный общий тип, названный древним восточноевропейским, отчетливо выступает в суммарной характеристике современных групп русского населения»[37]. Совершенно очевидно, что у других славянских народностей имеется несколько иное антропологическое основание и в то же время «древний восточноевропейский тип» проступает не только у русских, но и у их некоторых неславянских соседей. Верно, что именно антропологическим данным «в конечном счете принадлежит решающая роль в решении вопроса о физическом родстве различных племен»[38], но границы физического родства издревле не совпадали с границами этноязыковыми. Антропология может оказать существенную помощь в освещении проблем этногенеза, но не ее данные являются основными в этой области знаний.

В первые века н. э. древняя славянская территория значительно расширяется. Серьезные изменения происходят в ней в эпохи «великого переселения народов». Бесспорные исторические свидетельства о славянах повествуют о том, что они занимали уже огромные пространства. Как известно, в VI в. н. э. славяне колонизируют Балканский полуостров. На западе к VIII—IX вв. они достигают Эльбы и пересекают ее. На востоке перед образованием древнекиевского государства славянские племена оказываются на Волхове и у Чудского озера, в междуречье Оки и Волги, вероятно и на Дону. То, что мы достоверно знаем о их расселении, совершенно не совпадает с той территорией, которую они занимали тысячелетием раньше. Поэтому-то наши предположения о их ранней прародине, основывающиеся на косвенных свидетельствах, могут быть только более или менее правдоподобными рабочими гипотезами. Самой правдоподобной, с нашей точки зрения, является гипотеза о среднеднепровско-западнобужской прародине славян.

[37] Сб. «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», под ред. В. В. Бунака, М., 1965, стр. 272.

[38] Там же, стр. 179.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

Й. МИСТРИК

МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В СТИЛИСТИКЕ

Применительно к стилистической типологии и стилистическому анализу вообще точные методы до настоящего времени еще воспринимаются с известным скептицизмом. Между тем показателем определенной стилистической мотивированности текста остаются наличие или отсутствие элемента или же разного рода количественные данные. Следовательно, и интуиция, из которой исходят чаще всего, возникает под влиянием наличия или отсутствия определенного явления.

Источником недоверия по отношению к чистым математико-статистическим методам в этой области являются следующие моменты: 1) установленный количественный показатель часто понимается и оценивается как изолированный, в то время как правильная характеристика текста возможна лишь на основе целого комплекса данных и с учетом контекста; 2) математический показатель возводится в степень критерия, хотя его следует считать лишь сигналом определенного качества, который может стать отправным пунктом при диагностировании текста; 3) игнорируется тот факт, что языковые элементы стилистически поливалентны и что в двух различных ситуациях один и тот же языковой элемент может функционировать в двух, если угодно, даже в противоположных значениях; 4) языковая сторона текста часто квалифицируется без учета связей, которые возникают при ее взаимодействии с факторами экстралингвистическими; 5) упускается из виду то, что количественный признак не может быть показателем эстетических качеств высказывания. Ни вариативность, ни стереотипность, ни богатство элементов сами по себе не являются эстетическими категориями и носителями внутренне присущих эстетических качеств. Подобные качества языковой элемент передает только тогда, когда, включаясь в текст, он образует определенное отношение или, иными словами, когда он взаимодействует с внеязыковым элементом, например элементом тематическим; 6) очень часто при математико-статистическом анализе подсчитывается все, что можно. Однако для качественного анализа текста одни цифровые данные совершенно иррелевантны, в то время как другие могут сигнализировать различные стилистические свойства текста. Следовательно, математико-статистический анализ нельзя производить вслепую, хотя иногда, как известно, совершенно случайно установленный количественный показатель становится исходной точкой для серьезного анализа.

Статистические данные без их правильного анализа могут скорее сбить с верного пути, чем указать направление исследования. Статистические данные очень поливалентны, ими нетрудно пользоваться, но легко и злоупотребить ими. Например, простое перечисление или амплификация в тексте, выраженная в цифрах, полностью тождественны с анафорой, эпифорой, эпанострофой или с рефреном. Изолированный количественный по-

казатель не даст нам возможности различить названные понятия. Точно так же может ввести в заблуждение и среднее арифметическое размера предложения, если при этом не учитываются верхняя граница, разницы в длине, некоторые средние данные, полученные не установлением среднего арифметического, а другими способами.

Математико-статистический подход является лишь одним из многих методов, которые можно применять при анализе стилистических контекстов. Ошибка состоит лишь в том, что он соответствующим образом не развивается. Некоторые принципы статистического анализа лексики указал П. Гиро[1]. Однако до сих пор нет образцов анализа морфо-синтаксической стороны текста, которая намного ярче показывает тектонику высказывания. В нашей статье приведем несколько примеров анализа только в качестве иллюстрации.

А. Художественный стиль характеризуется более богатой шкалой поливалентности элементов, чем стили нехудожественные. Поэтому прямолинейность точных данных более полезна при стилистическом анализе нехудожественных текстов, в которых стилистическая ценность языкового элемента имеет более четкие и однозначные границы, чем в художественных текстах. Поэтому для анализа очень большое значение имеет подбор репрезентативного комплекса, его отношения к исходному комплексу и общая точка зрения на субъективные стилеобразующие факторы.

а) Для характеристики индивидуального стиля автора существенным является индекс дистрибуции лексических единиц в тексте. Вертикальное распределение слов носит экспоненциальный характер и представлено гиперболой (см. рис. 1).

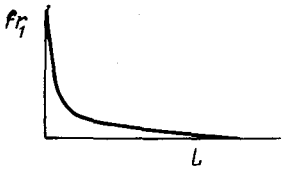


Рис. 1

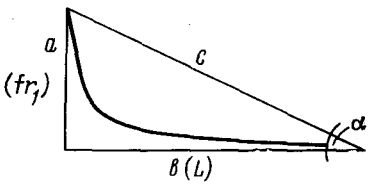


Рис. 2

(fr_1 = наибольшая установленная частота элементов; L = число слов, которые встретились в тексте хотя бы один раз). Однако для вычисления индекса падения дистрибуции важную роль играет длина C или величина угла α; см. рис. 2. Отношение $fr_1 - L$ высчитывается при помощи теоремы Пифагора. Чем больше C или меньше α, тем богаче словарь и более симметрична дистрибуция слов. Противоположные данные служат позитивным выражением концентрированности лексики.

б) П. Гиро считает важным индекс итерации (индекс повторения слова в замкнутом тексте):

$$I_i = \frac{N}{L}$$

(N = число лексических единиц в тексте вообще; L = число слов, которые встретились в тексте хотя бы один раз).

---

[1] P. Guiraud, Les caractères statistiques du vocabulaire. Essai de méthodologie, Paris, 1954.

Однако он недостаточно подчеркивает влияние размера исследуемого текста на повторяемость слова. Произведения Пушкина, которые содержат 544 777 лексических единиц (N) при 21 197 самостоятельных словах (L), характеризуются индексом итерации $I_i = 25{,}7$, в то время как, например, в одном номере словацкого детского журнала объемом в один авторский лист нами установлен $I_i \doteq 3$, хотя известно, что в подобной литературе словарь функционально ограничен. В кратком пособии по математике (при $N \doteq 20\,000$) мы установили $I_i = 29$. Эмпирическая кривая, выражающая I_i, имеет логарифмическую форму и поэтому число, выражающее I_i, может использоваться как стилистический показатель лишь при сравнении текстов одинаковой длины.

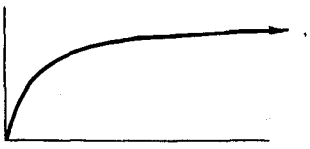


Рис. 3

Дистрибуция и I_i не обязательно должны характеризовать все произведение в целом. Эти данные могут относиться также к определенному интервалу. Для одних целей устанавливается дистрибуция и I_i во всем произведении, для других — только в некоторых его частях.

в) Для языка поэзии имеет значение показатель исключительности (специфичности) лексики (I_e). Он выражается отношением между числом слов с f_1 («исключительные» слова, т. е. слова, которые встретились только один раз) и величиной всего текста (N) (f — фреквенция):

$$I_e = \frac{20Lf_1}{N}.$$

Чем выше I_e, тем богаче текст «исключительными» словами, тем ниже степень предсказуемости лексической единицы, тем привлекательнее текст. Предсказуемость в процентах можно, однако, высчитать и по формуле

$$p = 100 - \frac{Lf_1 100}{N}.$$

Высокий уровень «исключительности» является свидетельством работы автора по отбору выражений, низкий уровень «исключительности» сигнализирует спонтанность высказывания, асимметричность в использовании слов и большую зависимость от содержания мысли. В поэзии бывает до 50% «исключительных» слов, в художественной прозе их намного меньше.

г) При изучении лексики произведения можно определять и плотность текста. Понятие плотности очень близко понятию концентрации у П. Гиро. Индекс плотности (I_g) зависит от числа повторяющихся слов в тексте и от длины текста. Он чувствителен главным образом к тематическим словам и совершенно независим от случайных слов. Поэтому, хотя П. Гиро учитывает только 50 первых наиболее частых слов, мы учитываем все, которые автор употребил «суверенно», т. е. те, которые повторил. Мы учитываем также тот факт, что примерно 50% текста составляют вспомогательные слова, и поэтому в формуле (в числителе) слова с $f_{1<}$ умножаем на два:

$$I_g = \frac{2Lf_{1<}}{\frac{1}{10}N} = \frac{20Lf_{1<}}{N}.$$

При этом $Lf_{1<}$ обозначает число слов, которые характеризуются в тексте частотой большей, чем 1 (это те слова, которые встретились в тексте хотя бы раз). Чтобы дать индекс в целых числах, мы ставим в знаменателе одну десятую N.

Индекс плотности показывает степень использования в тексте тематических слов. Чем богаче тематика, тем выше I_g, чем однороднее в тематическом отношении текст, тем I_g ниже. В научных монографических сочинениях он опускается ниже 1, в газетах, наоборот, поднимается выше 3. Индекс плотности так же, как и индекс итерации, зависит от многих факторов. Примарным здесь является стилистический прием, который определяет тематическое богатство, затем идет композиция вообще и, наконец, такой фактор, как личность самого автора. Наиболее важными и почти единственными решающими факторами и здесь являются объективные стилеобразующие факторы. И при стилистической характеристике высказывания имеется показатель, омонимичный I_g. И хотя он более чувствителен в отношении характера текста, чем C у П. Гиро, все-таки и он знаменателен главным образом при сравнении.

д) Объем, экстенсивность словаря (I_{ext}) можно высчитать простым объединением I_g и I_e. Первый из них является выражением организации замкнутого текста, повторяющихся слов, второй — отражает распределение лексики текста. К тем же результатам можно прийти, используя формулу

$$I_{ext} = \frac{2L}{\frac{1}{10}N} = \frac{20L}{N},$$

причем

$$I_{ext} = \frac{20Lf_{1<}}{N} + \frac{20Lf_{1\leq}}{N} = \frac{20L}{N}.$$

Экстенсивность словаря является показателем широты лексики, разнообразия выражений и лексической насыщенности текста. Ее величину следует, однако, оценивать не с эстетической позиции, а с точки зрения функциональной годности и согласованности: таким образом, нельзя сказать, что тот текст является эстетическим, который имеет высокий индекс экстенсивности, или наоборот.

е) Можно было бы еще определить среднюю длину интервала, в котором повторяются слова с $f_{1<}$. Индекс (= длина интервала) средней частоты повторяющихся слов ($I_{\bar{f}}$) можно установить по формуле

$$I_{\bar{f}} = \frac{N-L}{Lf_{1<}}.$$

Если на основе этой формулы мы установили, что в районной газете $I_{\bar{f}} = 4{,}5$, то это означает, что после отнятия от N всех входящих в N единиц, которые не повторяются (Lf_1) или встретились первый раз как неповторяющиеся ($Lf_{1<}$) (вместе $Lf_1 + Lf_{1<} = L$), теоретически существуют интервалы длиной в 4,5 слова, в которых повторяется одно и то же слово. Поэтому вычисленный $I_{\bar{f}}$ можно было бы назвать также индексом стереотипности. $I_{\bar{f}}$ является высоким — как положительный стилистический элемент — там, где имеет значение не форма, а содержание высказывания, т. е. в тех случаях, когда предполагается беглое чтение или когда высказывание является спонтанным, нестилизованным. Высокую степень стереотипности, а следовательно, высокий $I_{\bar{f}}$ имеет профессионально-разговорная речь, низок $I_{\bar{f}}$ в художественных и вообще беллетризованных текстах.

Б. Для познания тектоники текста наиболее существенным является способ распределения морфо-синтаксических категорий, а также и лексико-грамматических категорий (например, классов слов). Для стилистического анализа некоторые из них не имеют никакого значения. Это, например, категории рода, числа и одушевленности, которые являются лишь

отражением темы и поэтому встречаются совершенно бессистемно. Зато определенную систему можно обнаружить в частоте появления классов слов с соединительными способностями (предлоги, союзы), в появлении связующих слов (местоимения), глаголов, имен, а также актуализирующих категорий (лицо, время, глагольный вид) и сигналов управления (падеж).

Связанность, глагольность, управление — эти признаки несвойственны поэзии, для нее характерна гипертрофия субстантива, междометия, местоимения и категорий субъективизации. Аналогично положение в лиризованной прозе. Повествовательная проза, наоборот, требует соединяющих средств, глагола, ясного управления, категорию времени, применения видовых форм. Разговорный текст строится на местоимениях в глаголах. Границы жанра и личность поэта выявляются в пропорциональности и паритетности этих морфо-синтаксических и лексико-грамматических признаков в тексте. (Пользуясь случаем, следует подчеркнуть, что из конкурирующей пары жанр — личность автора более высокое место в иерархическом ряду занимает жанр, отношение между ними всегда разрешается в пользу жанра.)

а) Распределение классов слов в тексте раскрывается при помощи процентных показателей. Например, релевантные данные о дисперсии союзов определяются отношением знаменательных слов (*auts*) к союзам (*conj*):

$$D = \frac{\Sigma_{auts}}{\Sigma_{conj}}.$$

б) Функционирование актуализирующих категорий выражается посредством функции $y = f(x)$. Там, где в качестве независимой переменной (x) выступает значащий элемент (например, лицо, ограниченное время, совершенный вид), там всегда $y < x$. Это можно выразить при помощи графика (см. рис. 4).

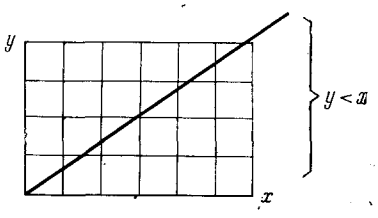


Рис. 4

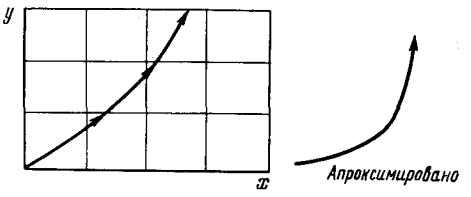


Рис. 5

В случае обратного отношения ($y > x$) функция $y = f(x)$ не является стилистическим показателем. Обратные величины мы установили при обследовании времен в разговорном тексте, категории лица в изложении, информации или в повествовании. Для разговорного текста являются релевантными данные о лице (1 и 2-е лицо), для повествовательного текста — об ограниченных временах (прошедшее и будущее время). Данные о виде являются значимыми в связи с напряженностью изложения. Мы установили, что драматичность ситуации сопровождается увеличением в тексте количества глаголов совершенного вида. При этом интересно, что данное явление сопровождается гипертрофией форм 1-го лица и ограниченных времен. При обследовании соотношения совершенного и несовершенного вида в одной словацкой пьесе (I. Stodola, Marína Harvanová) удалось установить нарастание частоты форм совершенного вида по сравнению с формами несовершенного вида: в 1-м действии $y = 1{,}13\,x$; во

2-м действии $y = 0{,}7x$; в 3-м действии $y = 0{,}67\,x$. Если изобразить это на графике (см. рис. 5), то выявится возрастание частоты форм совершенного вида, что гармонирует с нарастанием драматизма в произведении.

Таким образом, актуализирующие категории тоже являются показателями стилистики текста. Но эти данные нельзя абсолютизировать, их можно лишь включить в комплексную оценку.

в) Синтаксическое целое имеет свои границы как в отношении содержания, так и в отношении формы. Ограниченность по содержанию отдельных предложений (высказываний) или, напротив, их спаянность в отношении к окружению неодинаковы: они могут быть разной степени.

Спаянность текста можно выразить и формально, а посредством измерения формы ее можно точно описать. Показателем четкости границ, а тем самым спаянности текста является начало предложения.

Тексты, в которых предложения характеризуются расплывчатостью границ, отличаются непрерывностью, спаянностью, связанностью, допускают беглое чтение и легкое восприятие. Они характеризуются компактностью высшей степени. И наоборот, тексты, в которых предложения имеют более четкие, резкие границы, являются менее компактными, аналитическими.

Показателем четкости границ предложения может служить принадлежность начального слова к определенной части речи. Особенно важно то, начинается ли предложение сочинительным союзом, глаголом, местоимением или же именем существительным. Как видно, речь идет о классах слов, которые с лексико-грамматической точки зрения явно разнородны. Однако их функционирование в структуре текста определяется не принадлежностью к той или иной части речи. Эту категорию слов с точки зрения тектоники текста объединяет то, что при их помощи новое предложение или абзац (если они стоят вначале) тесно примыкает или свободно присоединяется к предшествующему тексту или связывается с известной ситуацией. Соединительные союзы, глаголы и местоимения — это слова-конекторы, которые, находясь в начале предложения, цементируют и сгущают текст. Определения (при глаголе наречия, при имени существительном прилагательные или числительные) в этой ситуации решающей роли не играют. Могло бы показаться, что здесь имеется прямая зависимость с тем, из каких частей речи состоит предложение. Действительно, в большинстве случаев так и бывает. Кажущееся или действительное соответствие заключается, однако, не в том, что количественный перевес определенной части речи в целом тексте eo ipso приводит, как следствие, к количественному перевесу слов той же самой части речи в начале отдельных предложений. Соответствие здесь непрямое, оно вызывается совершенно другими причинами, при этом часто случайными. Можно было бы сказать, что только благодаря совпадению обстоятельств, обусловленных функцией высказывания, границы предложений, например, в информационном стиле являются более резкими, чем в рассказе, а не потому, что информационный стиль характеризуется относительным перевесом имен, а рассказ — глаголов. Степень компактности текста, зависящая от начальных слов отдельных предложений, измеряется совершенно независимо от распределения классов слов в тексте. Поэтому о степени компактности можно говорить и в отношении текстов, состоящих из однотипных классов слов. Возможны такие случаи, когда в информациях с совершенно одинаковым распределением классов слов границы предложений будут совершенно различны и, следовательно, будет различной компактность предложений и всего текста.

г) Наиболее ярким показателем спаянности текста является сочинительный союз в роли начального слова предложения в тексте. Он указы-

вает на тесную смысловую связанность нового предложения с текстом. Подчеркиваем, что речь идет о сочинительном союзе. С точки зрения структуры текста союзы следует рассматривать как эндоклитические и экзоклитические. Эндоклитические — это те, которые являются частью предложения, объединяют члены простого или сложного предложения. Такими являются подчинительные союзы. Экзоклитические — это те союзы, которые подключают предложение к контексту. Таковы сочинительные союзы. Если в начале нового предложения стоит эндоклитический союз, то это ничего не говорит о компактности предложений в тексте. Экзоклитический союз — или союзное выражение — это сильный цементирующий элемент, который стирает границы между предложениями. Отмеченная ситуация однозначно подсказывает, что́ здесь может или должно стать предметом статистического изучения.

д) Общность и смысловую связь предложения с предшествующим контекстом ясно показывает положение глагола — сказуемого в начале предложения: чем выше в тексте процент предложений с глаголом вначале, тем текст более спаянный и непрерывный. Глагол в начале предложения как бы ускоряет процесс восприятия. Мы признаем глагол стоящим в начале предложения и в том случае, если перед ним стоит наречие меры.

Союз, глагол и местоимение в начале предложения (так называемое «мягкое» начало) сигнализируют смысловую компактность текста, высшую степень когерентности и непрерывности. Тенденции, проявляющиеся в их пропорциональной встречаемости по сравнению с именами, весьма близки вплоть до того, что их можно объединить в одно множество.

е) Там, где оказывается низкий процент предложений с «мягким» началом, там, понятно, высок процент предложений с «твердым» началом. Это относится прежде всего к информативным и директивным текстам. «Твердым» (резким) началом предложения мы считаем такое начало, которое представлено именем существительным с эвентуальным определением. Именем существительным предложение начинается чаще всего тогда, когда необходимо разъяснить исходный момент высказывания или когда нужно при помощи падежа описать определенные обстоятельства. Начинать предложение именем существительным (хотя бы и распространенным посредством определения) это значит примерно то же самое, что начинать новую тему, без увязки с тем, что уже известно. Однако и здесь существуют известные отклонения. Статистический анализ однозначно показывает, что наиболее острое начало связано с подлежащим, затем с дополнением и только потом с обстоятельством.

ж) При помощи абзацев текст горизонтально расчленяется на относительно самостоятельные и по содержанию относительно замкнутые части. Членение по содержанию адекватно выражается и формально: между абзацами разделы более отчетливы, чем между предложениями. И у абзаца показателем четкости границ является часть речи, стоящая в его начале, т. е. принадлежность первого слова к определенной части речи. Прежде всего покажем, что имеется (и какое имеется) различие между четкостью границ предложения и четкостью границ абзацев. Что касается начальных слов предложений в начале или середине абзаца, то в одном труде, написанном научным стилем (E. Pauliny, Dejiny spisovnej slovenčiny), наблюдается положение, изложенное в табл. 1.

Границы между абзацами объективно являются более четкими, чем границы между предложениями внутри абзаца; в противном случае членение не помогало бы наглядности и понятности высказывания. Рассматриваемый момент используется в художественном стиле для повышения напряженности. Поэтому, например, вполне естественно, если в художественном тексте расхождение между указанными границами ниже, а в некото-

Таблица 1

Характер начала предложения	В начале абзаца			Внутри абзаца			Различие в %
	число случаев	в %		число случаев	в %		
Подлежащее, выраженное именем	147	34,9	63,8	299	26,4	45,8	−18
Дополнение, выраженное именем	54	12,8		113	10,0		
Обстоятельство, выраженное именем	68	16,1		106	9,4		
Спрягаемые формы глагола	53	12,6	36,1	249	22,0	54,1	+18
Союзное выражение	63	15,0		197	17,3		
Местоимение	36	8,5		168	14,8		
Всего	421	99,9		1132	99,9		

рых случаях почти совсем отсутствует. В качестве аргументации этого нашего тезиса приведем результаты статистического анализа авторской речи в трех новеллах словацкого писателя М. Урбана.

Сравнение текстов Урбана (расхождение: 8,5%) и Паулини (расхождение: — 18%) более ясно раскрывает членение текста у Паулини. В повествовании и описании у Урбана границы между отдельными абзацами несравненно более расплывчаты (см. табл. 2).

Таблица 2

Характер начала предложения	В начале абзаца			Внутри абзаца			Различие в %
	число примеров	в %		число примеров	в %		
Подлежащее, выраженное именем	28	26,2	40,2	79	22,3	31,7	−8,5
Дополнение, выраженное именем	7	6,5		19	5,4		
Обстоятельство, выраженное именем	8	7,5		14	4		
Спрягаемые формы глагола	45	42,0	59,8	172	48,6	68,3	+8,5
Союзное выражение	14	13,1		54	15,2		
Местоимение	5	4,7		16	4,5		
Всего	107	100,0		354	100,0		

Несколько иной уровень, чем абзац, представляет собой самостоятельная реплика, например, в драме. В одной словацкой драме (J. Tajovský, Tma) расхождение в четкости начала предложения внутри реплики и в начале реплики (абзаца) равно всего 2,7% в пользу предложения, стоящего в начале реплики: среди первых слов в предложениях, стоящих в начале

реплик (тем самым eo ipso и реплики), 9,6% составляют имена существительные, во внутренних предложениях их 12,3%.

В одной поваренной книге (Dullová, Úsporné varenie) 98,5% абзацев (рецептов) начинается дополнением, внутри же абзацев наблюдается большая симметрия: подлежащее, выраженное именем, в начале предложения — 1,4%, дополнение — 55%, обстоятельство — 1,6%, спрягаемый глагол — 8,7%, союзное выражение — 26,6%, местоимение — 6,7%. Таким образом расхождение здесь — 41,2%.

Расхождение между границами предложения и границами абзаца показывает степень компактности текста, но еще в большей мере — выразительность его горизонтального членения. Чем больше это расхождение, тем сильнее предполагается тематическая, пространственная, временная однородность текста. Эмпирически можно принять тезис, что там, где расхождение в степени четкости превышает число 40, предполагается вычленение части текста при помощи отдельного заголовка или новой нумерации.

Выяснение „системы" в частоте появления языковых элементов в нехудожественных стилях является исходным пунктом и при изучении функционирования этих элементов в стиле художественном. Подобные элементы становятся стилеобразующими, в частности, потому, что возникает противоречие между их обычным употреблением («нормой») и необычным использованием в художественном тексте.

В. Конкретный текст представляет собой систему, состоящую из более мелких целых, которые в свою очередь состоят из более мелких подчиненных им составных элементов. Что касается таких физических единиц, как предложение, слово или абзац, то предполагается возможность измерения их физических свойств и прежде всего длины. Под длиной лингвистических единиц понимается их структурная длина, которая измеряется количеством элементов, образующих целое: длина слова измеряется числом его слогов, размер предложения — числом слов или членов предложения, длина абзаца — числом предложений, входящих в его состав, и т. д.

И в физических свойствах (конкретно в длине) лингвистических элементов отражается стилистический характер текста. Они являются теми средствами, которые непосредственно связаны с морфологией текста. Результаты изучения длины языковых единиц свидетельствуют о том, что отношения между сложным целым и его элементами по длине могут стать одним из критериев при анализе и типологии текстов.

Измерением длины слова можно установить отнесенность употребительных слов к определенному стилистическому строю. Слова разговорного и диалогического стиля характеризуются в среднем небольшой длиной в слогах. Подобное же положение наблюдается в пояснительных и описательных текстах. Те тексты, в которых употребляются абстрактные выражения или исключительные слова, имеют, естественно, более высокое среднее арифметическое длины в слогах. Длина в слогах обратно пропорциональна ритмичности высказывания.

Для вычисления слогового среднего арифметического в конкретном тексте необходимо знать параметры и уравнение Фукса — по нему рассчитывается дистрибуция слов, измеряемых числом слогов:

$$P_i = \frac{e^{-(i-1)} \cdot (\bar{i} - 1)^{i-1}}{(i-1)!}$$

(i — число слогов в слове; $e = 2{,}71828$; $\bar{i}$ — среднее число слогов в слове конкретного языка).

При изучении физических свойств предложения, можно установить средний размер предложения [2], разницы в длине предложений, дисперсию типов, средние и существенные отклонения, коэффициент вариантности, переменную и другие пропорции в отношении к целому комплексу. Полученные данные сигнализируют определенные свойства текста, но их необходимо дополнить и другими данными, установленными в результате анализа иных языковых уравнений текста.

Среди устанавливаемых данных о размере предложения наибольший интерес представляют сведения о таких средних величинах, как среднее арифметическое, медиана, модус и о взаимных отношениях всех этих трех величин. Теоретически возможно их абсолютное совпадение. Чем больше склоняется к нулю числовой показатель соотношения отдельных

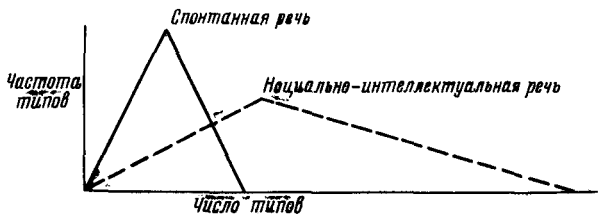


Рис. 6

средних величин, тем более стереотипной, ритмической и симметричной является конструкция текста. Противоположная ситуация наблюдается тогда, когда этот показатель отклоняется от нуля. Наиболее значимым для стилистической типологии он является при помещении текста на оси между полюсами спонтанной разговорной речи, с одной стороны, и понятийной стилизованностью, с другой стороны. Средние величины сигнализируют свойства текста, заданные дистрибуцией конструктивных типов, а также характер текста, проявляющийся в отношениях между предложениями; выраженными чередованием длины интервалов предложений. Следует со всей определенностью сказать, что признак физического характера слова и предложения (длина) в большинстве случаев указывает и на определенное грамматическое или лексическое значение единицы.

Для стилистического анализа и описания имеют значение статистические данные о распределении элементов. В спонтанном высказывании очевидна их асимметрия, для интеллектуально-ноциального текста типичной является тенденция к симметричному распределению элементов. Примером этого может служить дистрибуция предложений и слов с определенными физическими свойствами (особенно длиной) и дистрибуция всех грамматических категорий. В доказательство этого приведем аппроксимированную ломаную кривую, показывающую распределение типов предложений и слов в замкнутом тексте (см. рис. 6).

Учитывая указанные тенденции в распределении типов, необходимо, например, при диагностировании повествовательного текста отдельно рассматривать авторскую речь и речь персонажей.

---

[2] Размер предложения достаточно обстоятельно исследовал Г. А. Лесскис. См.: Г. А. Лесскис, О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х годов XIX в., ВЯ, 1962, 2; его же, О зависимости между размером предложения и характером текста, ВЯ, 1963, 3; его же, О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста, ВЯ, 1964, 3.

*

Мы не ставили себе целью описать в данной статье все способы, применяемые при математическом анализе текста. Показанные в ней приемы приведены лишь как аргументы в пользу нашего исходного тезиса.

В заключение отметим следующее. Язык выступает только как одна из составных частей конкретного стилизованного текста. Но вместе с тем он является единственным выразительным средством, при помощи которого кодируются мысли и чувства автора. Если посредством языка (и через язык) достигается передача представлений автора, тогда, очевидно, и на обратном пути, при декодировании первым сигналом является языковой факт. Некоторые свойства языковой сущности измеримы, и их можно описать при помощи точных методов. Математико-статистические данные допускают оценку с разных сторон; однако то же самое относится и к интуиции обыкновенного читателя. Если же статистик умеет соединить подсознательную интуицию с точными данными, то проводимый им точный анализ является полезным и, возможно, скажет больше, чем только приблизительная оценка. Источником скепсиса и недоверия по отношению к математическому анализу является, как мне кажется, недостаточная его разработанность, а также то, что в математической лингвистике математика во вред делу становится целью, а языковой элемент — средством. Правильным является обратное соотношение. На данном этапе статистика нуждается в большей скромности, но также и в признании. Точные методы в стилистике — дело новое, и поэтому необходимо уделять им особое внимание и критически их развивать.

Перевел со словацкого *Л. Н. Смирнов*

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

Л. ГАЛЬДИ

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА И ТЕХНИКА СТИХА

В книге В. В. Виноградова «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» суммируются сведения о разных вариантах стихотворения Тютчева «Silentium!». Когда это стихотворение уже напечатанное в «Молве» (1833), издается и в пушкинском «Современнике» 1836 г., «вся пьеса получает иную, более сложную, но очень стройную ритмическую композицию (с измененным метром 4 и 5-й строк первой строфы и строки 5-й в третьей строфе)»[1]. Как отметил Д. Д. Благой, «образная выразительность пьесы в этой второй редакции достигает предельной степени»[2].

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне, ∪́∪∪́∪∪́
Безмолвно, как звезды в ночи: ∪́∪∪́∪∪́
Любуйся ими — и молчи.

Но даже в этом контексте первая «неправильная» («с точки зрения школьной метрики») линия ритма не является исключением. Легко заметить, что подобные «неправильности» находятся и в последней строфе:

Лишь жить в себе самом умей.
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум; ∪́∪∪∪́∪́
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи: ∪́∪∪∪́∪́
Внимай их пенью и молчи.

«В тургеневском издании стихотворений Тютчева в 1854 г. — пишет В. В. Виноградов,— оказались выправленными строки с „неправильным“ метром... Измененные строки звучат: в первой строфе —

Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне, ∪́∪∪∪́∪́
Как звезды ясные в ночи... ∪́∪∪∪́∪́

и в четвертой —

Их заглушит наружный шум
Дневные ослепят лучи»[3]. ∪́∪∪∪́∪́

---

[1] В. В. Виноградов, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963, стр. 133; см. также: Д. Благой, Тургенев — редактор Тютчева, сб. «Тургенев и его время», Первый сборник, М.— Пг., 1923, стр. 154.

[2] Д. Благой, указ. соч., стр. 154.

[3] В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 134.

С точки зрения метрики можно установить, что тургеневское издание отражает очень характерную позицию: считаются «правильными» те вариации ритма [4], которые являются простыми пиррихическими ипостасами (по традиционной терминологии) [5], например ⏑–⏑⏑–⏑– вместо ⏑–⏑–⏑–⏑–, но исправляются те строки, в которых обнаруживается и сдвиг ударения [хотя, по определению И. Сельвинского, «ипостаса — это замена ударных гласных неударяемыми или неударяемых ударными (разрядка наша.— *Л. Г.*) при полном сохранении метрического строя» [6]]. Именно по этой причине исчезли даже такие особенно выразительные вариации, как «Встают и заходят оне» и «Безмолвно, как звезды в ночи», в которых вместо простого четырехстопного ямба находим ритмическую реализацию: ⏑–⏑⏑–⏑⏑–. Последнее ритмическое образование является — хотя два ямба (первый и последний) остались нетронутыми — почти переходом от четырехстопного ямба к другому размеру: к тому, который в итальянской метрике называется «novenario tronco». По русской терминологии этот стих идентичен с «трехстопным амфибрахием» (АМ^3) у Лермонтова («Гремя нарушал тишину») и у Некрасова («Подбитые бурей кресты») [7]. Иными словами, в оформлении тютчевского четырехстопного ямба играет роль не только традиционная «пиррихизация» (или «пеонизация» [8]), для которой имеются и хорошие статистические данные, но и «амфибрахизация», т. е. случайный переход от Я^4 к АМ^3 [9].

Следовательно, объективное и тщательное описание метрики одного автора не может удовлетворяться такими общепринятыми понятиями, как вышеупомянутая «пиррихизация»; кроме того, надо обращать внимание и на те факты, о которых до сих пор писалось гораздо меньше. У Лермонтова, например, специфический колорит трактовки его ямбовых размеров объясняется относительно частой ипостасой начальной стопы: у него вместо ⏑–⏑– находим и –⏑⏑– потому, что эта реализация может дать особый рельеф, например, отрицательному восклицанию, поставленному в начале фразы и ритмической единицы. Вынос отрицания *нет* в начало строки во французских стихотворениях Лермонтова («*Non*, si j'en crois mon espérance, / J'attends un meilleur avenir») и в многих его русских стихах заслуживает внимания исследователя [10]. Если, по мнению Л. Тимофеева, стих рассматривается «как выразительное единство, как „поэтический концерт", в котором слиты, наряду с ритмом, и лексика, и синтаксис, и звуковая и интонационная окраска слов и т. д.» [11], мы не можем не ценить экспрессивность таких лермонтовских стихов, как «*Нет*, я не Байрон, я другой» или в области пятистопного ямба: «*Нет*! Все мои жестокие мученья — / Одно предчувствие гораздо больших бед» [12].

Из этих наблюдений наш единственный вывод может быть следующим: что касается техники данного поэта, мы не можем удовлетворяться про-

---

[4] Эта интерпретация ритмических фактов основывается на таких исследованиях, как, например, статья А. Жовтиса «Шевченковский четырехстопный ямб» (сб. «Брат наш, друг наш», Алма-Ата, 1964).

[5] См.: И. Сельвинский, Студия стиха, М., 1963, стр. 23.

[6] Там же, стр. 23.

[7] См. об этом: Г. Шенгели, Техника стиха, М., 1960, стр. 68—69.

[8] И. Сельвинский, указ. соч., стр. 25.

[9] Г. Шенгели, указ. соч., стр. 109.

[10] См.: L. Gáldi, Remarques sur l'expressivité de la syntaxe poétique de Lermontov, «Studia slavica», IX, 1—4, 1963, примеч. 41 к стр. 68.

[11] Л. Тимофеев, Стих — слово — образ (о книге Ж. Крафта «La forme et l'idée en poésie», Paris, 1944), «Вопросы литературы», 1962, 6, стр. 82.

[12] К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаления», 1830).

стым каталогом примененных им размеров (т. е. трудами типа пушкинского «справочника» [13]), а в случае каждого размера мы должны стремиться к подробному и функциональному описанию всех ритмических вариаций изученного нами метра [14]. И относительно творчества одного поэта такой анализ может осуществляться по меньшей мере в трех фазах. За *анализом одного стихотворения*, т. е. микроконтекста, где структура, функция и взаимодействие разных вариаций особенно очевидны (в теснейшей связи с «иррадиацией» содержания и с применением разных языковых выразительных средств), должен следовать подобный систематический анализ макроконтекста т. е. разных пьес, из которых состоит цикл или собрание стихов автора. В этом случае структурные элементы имеют уже другое значение: горизонт начинает расширяться. Третья фаза нашего анализа, т. е. метрическое и ритмическое описание целого творчества автора, открывает нам и исторические перспективы: именно эти перспективы развития индивидуальной стихотворной техники представляют нам многосторонне и, так сказать, динамическим образом личность и ориентацию автора [15].

Конечно, все это может быть только частью стилистического анализа индивидуальной поэтической речи, как, например, в книге К. Шолтес о языке и стиле венгерского поэта Михая Бабича [16]; и все-таки я предпочитал бы видеть ряд самостоятельных монографий, посвященных личной метрике разных поэтов и составленных на основе современных принципов.

Но существует ли «личная метрика»? Безусловно, нет двух поэтов, у которых, даже в одну и ту же эпоху, пропорция примененных ими метров была бы абсолютно идентична; еще большими колебаниями характеризуются возможные вариации данного размера у двух поэтов (несмотря на общие черты литературной «моды» той или иной эпохи). У Пушкина замечено меньше «влажных» рифм, чем у Лермонтова [17]; и строки, начинающиеся словом *нет*, являются более характерными во втором случае, чем в первом (хотя и у Пушкина встречаются строки типа «*Нет*, не покинул я тебя» [18]).

Последние замечания переводят нас уже в область истории национального стихосложения. Мне кажется весьма удивительным, что среди исследований по литературе многих народов Европы нет ни подробных монографий об индивидуальной технике стиха, ни хотя бы планов, касающихся составления таких синтезов, как, например, труд французского автора Ж. Лота о начальном периоде французского стиха [19]. Несколько лет назад о таких планах говорилось, например, в Польше.

---

[13] Н. В. Лапшина, И. К. Романович, Б. И. Ярхо, Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина, [Л.], 1934.

[14] В отношении понятий «метр» и «ритмическая вариация» наша позиция сходна со взглядами В. М. Жирмунского (см. его «Введение в метрику», Л., 1925, стр. 13 и сл.). Ср. также наши статьи: «Le mètre et le rythme», «Etudes Hongroises», Paris, 1936—1937; «Essai d'une interprétation fonctionnelle du vers», «Acta linguistica Hung.», 1953; «Le mètre et ses variantes typiques», в сб. в честь Р. Якобсона, 1966, стр. 176—180.

[15] К сожалению, пока еще очень мало монографий, посвященных индивидуальной метрике одного поэта как замкнутой системе. Труд А. Кассанья о метрике Бодлера (A. Cassagne, Versification et métrique de Ch. Baudelaire, Paris, 1906) является устарелым и очень удаленным от функциональных взглядов наших дней.

[16] J. Soltész K., Babits Mihály költői nyelve, Budapest, 1965.

[17] О важности «влажных» рифм см. мою статью: «Lermontov versművészete magyar köntösben», сб. «Orosz-magyar tanulmányok», I, Budapest, 1961, I, стр. 414—415.

[18] «Словарь языка Пушкина», II, М., 1957, стр. 847.

[19] G. Lote, Histoire du vers français, Paris, I — 1949, II — 1951, III — 1955; P. Verrier, Le vers français, I—III, Paris, 1931—1932.

За исследованиями по национальному искусству стиха должно последовать — хотя бы теоретически (потому что до сих пор еще очень мало конкретных примеров) — то, что я называл пять лет назад на нашем будапештском совещании о современных методах литературной компаративистики «сравнительной метрикой» («métrique comparée»)[20]. Не надо думать, что, упоминая о европейском распространении самых разных традиционных метров, я слишком удаляюсь от своего предмета. Наоборот, я уверен, что только «сравнительная метрика» позволит определить особый характер личной (и национальной) техники стиха в рамках общеевропейского развития поэтических форм; только таким образом можно будет определить место данного поэта как в сфере специфически национального развития, так и в перспективах международных тенденций в области стихосложения.

До сих пор говорилось исключительно о проблемах более углубленного анализа общеевропейских традиционных метров на основании некоторых примеров, взятых из русской поэзии. К этим очень кратко изложенным замечаниям добавлю в виде дополнения еще два факта. Прежде всего применительно к каждой национальной системе стихосложения желателен не только формальный анализ творчества поэтов (т. е. «la grande poésie», по французской терминологии), но одновременно и всестороннее описание метрических и ритмических форм народной поэзии. Именно в Центральной и Восточной Европе существовал в течение веков особенно важный «осмос» между этими двумя областями поэтического творчества; по всей вероятности, даже техника так называемых русских «паузников» [21] могла находить разные модели и опорные пункты в ассилабической народной поэзии.

Последнее замечание относится к тем преимущественно современным поэтическим формам, которые, не входя в рамки известных классических размеров, не могут быть описаны посредством традиционной терминологии. Вопреки этим препятствиям «моя метрика» охватывает или, лучше сказать, стремится охватить всевозможные поэтические формы, включая и «вольные стихи», или «vers libres». Возьмем, например, такой маленький цикл, как стихотворения Евтушенко о Франции и преимущественно о Париже. Речь идет всего о десяти стихотворениях, написанных от 1960 г. до 1962 г. и опубликованных в томе «Взмах руки». Можно сказать, что Евтушенко «мыслит катренами» [22] и в том случае, если его текст, на первый взгляд, не состоит из регулярных четверостиший. Строки этих синтаксически резко ограниченных катренов имеют, по-видимому, очень разнообразную структуру; все-таки в большинстве случаев превалируют такие качества, как трехтактность (присутствие трех ударений), поднимающийся ритм (ямбы, анапесты, пеоны типа ∪∪∪–) и «рифмы-сюрпризы», которые являются часто остроумными ассонансами. Возьмем, например, одно четверостишье из импрессионистского репортажа «Луковый суп» [23]:

Все свежеет —
мускулы,
мысли. –∪–∪–∪∪–∪

[20] L. Gáldi, Littérature comparée et métrique comparée en Europe orientale, «Acta litteraria», Budapest, 1962, стр. 207—212.

[21] См.: И. Сельвинский, указ. соч., стр. 29—39.

[22] «Le poète pense en vers»,— сказал Теодор де Банвиль («Petit traité de poésie française», Paris, 1903, стр. 53). См. также замечение М. Фубини: «Dante pensa per terzine» (Metrica e poesia. I, Milano, 1962, стр. 199).

[23] Евг. Евтушенко, Взмах руки, [М.], 1962, стр. 9.

Ну-ка, брат, еще —
не срамись! ∪∪⏑∪⏑∪∪⏑
Погляди,
как вторую миску ∪∪⏑∪∪⏑∪⏑∪
поглощает английская мисс. ∪∪⏑∪∪⏑∪∪⏑

«Трехтактность» доминирует и в более длинных строках, например в начале элегии «На мосту» [24]:

Женщина с мужчиною одни ⏑∪∪∪⏑∪∪∪⏑
на мосту у сонной синей Сены — ∪∪⏑∪⏑∪⏑∪⏑∪
над пустынным смыслом толкотни, ∪∪⏑∪⏑∪∪∪⏑
над огнями призрачными всеми. ∪∪⏑∪∪⏑∪∪⏑

В конце того же текста характер строк определен такой классической фигурой, как анафора, которая в данном случае принимает даже вид триколона, т. е. известной фигуры «groupement ternaire» французских романтиков. В этих строках анафорическое слово почти не принадлежит к структуре ритмического единства:

Дай нам бог,
чтоб где с тобою ни были,
мы всегда стояли на мосту.
На мосту,
навеки в небо врезанном,
на мосту, чья суть всегда свята,
на мосту, простертом надо временем,
надо всем,
что ложь и суета...

Таким образом можно описать и другие поэтические «репортажи» этого цикла, как «Парижские девочки», «Фоли-Бержер» и даже стихотворение «Се ла ви!», которое со своим рефреном является удачным русским вариантом типичного французского шансона:

Если у него карман не пуст,
если у подруги классный бюст,
то с игрой бургундского в крови
парижанин скажет:
«Се ла ви!»

С другой стороны, именно в этом цикле Евтушенко возвращается и к традиционным размерам. В пятистопных ямбах написаны — и не случайно! — стихотворения «Булыжники Парижа» и «Восклицательный знак»; как не найти в этих строках, несмотря на отсутствие цезуры, отклики таких классических общеевропейских метров, как французский «décasyllabe» и итальянский «endecasillabo»:

Была та ночь парижская пустынна.
Я шел под сенью низких облаков
и где-то у святого Августина
увидел трех рабочих пареньков
(«Восклицательный знак»).

[24] Там же, стр. 11—12. Ср.: И. Сельвинский, указ. соч., стр. 40—58.

В творческом огне поэтического вдохновения возрождается даже четырехстопный ямб: этим размером написана очень современная элегия Евтушенко «Верлен». Она, как известно, состоит из двух частей; чтобы охарактеризовать первую, достаточно сослаться на следующие строки:

Приятно,
выпив джина с джусом
и предвкушая крепкий сон,
вслух поцитировать со вкусом...
Верлена чтить —
хороший тон!

Во второй части стихотворения причины выбора именно этого метра так очевидны всем русским читателям, что я предпочитаю цитировать эти строки без всякого комментария:

Он не укладывался в рамки
благочестиво лживых фраз,
а он прикладывался к рюмке
и был безнравственным для вас.
Сужу об этом слишком быстро?
Кривитесь вы...
Приятно, да?
Убило медленным убийством
его все это, господа.
Его убило все, что было
насмешками из-за угла,
все, что моралью вашей было,
испепеляющей дотла.
Вы под Верлена выпиваете
с набитым плотно животом.
Вы всех поэтов убиваете,
чтобы цитировать потом!

Таким образом сосуществование поэтических форм разных периодов прошлого — от Лермонтова до Маяковского — представлено в рамках одного поэтического цикла, т. е. одной индивидуальной стихотворной системы; такова хоть одна сторона личности поэта, представленная не только его идеями, но и синтезом, инструментовкой разных размеров и их «во многом подсознательно» [25] примененных вариаций.

[25] И. Сельвинский, указ. соч., стр. 28.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

М. Л. ГАСПАРОВ

ЯМБ И ХОРЕЙ СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ И ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО СТИХА

Ямб и хорей — наиболее изученные размеры русской поэзии. Начиная с работ А. Белого (1910) и Б. Томашевского (1917—1920), лучшие русские стиховеды сосредоточивали свое внимание главным образом на них. Однако материал, которым они пользовались, обычно был ограничен классической поэзией XIX в. Всеобъемлющее исследование К. Тарановского [1] охватывает материал приблизительно лишь до поколения Фета; и только в области одного размера, 4-стопного ямба, автор делает экскурс в следующий период, период Блока и Ахматовой [2]. Весь последующий 50-летний опыт русской поэзии совершенно не тронут стиховедами: в лучшем случае здесь мы располагаем лишь отдельными импрессионистическими наблюдениями.

Настоящая заметка возникла как подготовительный материал для краткого очерка истории русского стиха от Ломоносова до наших дней. Сперва предполагалось сделать лишь несколько подсчетов, чтобы хоть приблизительно ориентироваться в области того «белого пятна», каким является для стиховеда стих XX в. Но материал оказался интересным, подсчеты расширились и в результате охватили более 55 000 стихов более чем 35 авторов.

Исследованию подверглось только распределение ударений по стопам ямбического и хореического стиха — т. е. строение ритмической кривой двухсложных размеров. Состав ритмических вариаций («модуляций» или «ритмических фигур») и расположение словоразделов не разбирались.

Что касается материала, то исчерпать всю продукцию советских поэтов было делом заведомо невозможным, да и ненужным. Поэтому максимальная порция стихов одного автора была определена в 400 стихов (анализ по отдельным сотням внутри такой порции показал, что она достаточна для выявления наиболее устойчивых закономерностей ритма). В тех случаях, когда творческий путь поэта был долгим, когда он явно менял свою ритмическую манеру или когда он пользовался размером не только в лирике, но в поэме и в драме, из произведений одного поэта обычно бралось несколько порций. Источником текстов обычно служили наиболее полные издания избранных произведений каждого поэта — однотомники, двухтомники, собрания сочинений. Все поэты, рассмотренные нами, принадлежат к «старшему» и «среднему» поколениям советской литературы; авторы, начавшие творческий путь в 1940—1950-х годах, временно оставлены в стороне. Так как охват материала не был исчерпывающим, все цифры процентных показателей округлены до 0,5%, чтобы не вводить читателя в заблуждение мнимой точностью.

---

[1] К. Тарановски, Руски дводелни ритмови, I—II, Београд, 1953.

[2] К. Тарановски, Руски четворостопни јамб у првим двема деценијама XX века, ЈФ, XXI, кн. 1—4, 1955—1956.

*Четырехстопный ямб** Таблица 1

№ п/п	Авторы	Стопы				Число стихов
		I	II	III	IV	
1	Д. Бедный, 1923—1927	74	98	36,5	100	400
2	В. Хлебников, «Лад», 1920	83,5	88	45	100	397
3	Б. Пастернак, 1912—1913	88	73	52	100	184
4	Б. Пастернак, 1914—1917	87,5	83,5	44	100	367
5	Б. Пастернак, 1918—1922	87	83	48	100	250
6	Б. Пастернак, «В. Б.», 1923	89	72	54	100	284
7	Б. Пастернак, «В.». 1931	89	79	52	100	284
8	Б. Пастернак, 1941—1944	82	72	39	100	284
9	Б. Пастернак, 1956—1959	84,5	72,5	43,5	100	300
10	Н. Асеев, 1946—1959	82	90,5	49	100	240
11	Э. Багрицкий, 1922	83,5	78,5	42	100	370
12	П. Антокольский, 1915—1934	82	80,5	50	100	522
13	П. Антокольский, 1960-е	75	87,5	44	100	400
14	И. Сельвинский, 1941—1945	81,5	80,5	47,5	100	248
15	И. Сельвинский, 1946—1963	78,5	86,5	45	100	210
16	Н. Тихонов, 1919—1929	85	94	44	100	199
17	Н. Тихонов, «Слово», 1942	84	94	49,5	100	377
18	Н. Тихонов, 1948—1951	89,5	95	46	100	192
19	М. Светлов, 1957—1963	77,5	83,5	40,5	100	278
20	И. Уткин, 1925—1928	87	85	49,5	100	159
21	И. Уткин, 1941—1944	87	93,5	51,5	100	246
22	Н. Ушаков, 1923—1926	79	83	35	100	280
23	Н. Ушаков, 1931—1936	81,5	76,5	50	100	226
24	Н. Ушаков, 1945—1961	77,5	83,5	39	100	247
25	Н. Заболоцкий, 1926—1928	88,5	94	31	100	(1007)
26	Н. Заболоцкий, «Т. З.», 1930	92	94,5	37	100	(400)
27	Н. Заболоцкий, 1937—1957	78	99	22	100	(?)
28	Л. Мартынов, «Тоб. л.», 1937	77	81	42,5	100	400
29	Л. Мартынов, 1962—1964	78	78,5	50,5	100	335
30	В. Саянов, 1932—1938	85	92	40,5	100	280
31	В. Саянов, «Кол.», 1927—1955	78,5	83	48,5	100	400
32	А. Прокофьев, 1932—1938	74	92,5	43	100	248
33	А. Прокофьев, 1963—1965	84	97	45,5	100	214
34	П. Васильев, «Хр. с.», 1936	79	87,5	50,5	100	400
35	Я. Смеляков, 1940—60-е	75	95,5	33	100	400
36	А. Сурков, 1939—1945	85,5	86,5	49	100	400
37	М. Исаковский, 1930—1951	84,5	98	52	100	200
38	А. Твардовский, 1940—1946	84,5	98	50	100	400
39	А. Твардовский, «ЗДД», 1950	84	96,5	51,5	100	400
40	Н. Рыленков, 1930—1936	81,5	98,5	43	100	240
41	Н. Рыленков, 1950—1958	74,5	97	52,5	100	308
42	С. Щипачев, 1937—1940	82,5	82	51	100	191
43	С. Щипачев, 1952—1964	81,5	86	50	100	278
44	Д. Кедрин, «Конь», 1940	81,5	95	48	100	400
45	С. Маршак, 1940—50-е	81,5	85,5	43	100	320
46	К. Симонов, 1937—1939	71	90	39	100	348
47	К. Симонов, «Л. П.», 1937	86	90	46	100	400
48	К. Симонов, 1946—1954	79,5	82	57	100	343
49	П. Шубин, «Зрини», 1939	85,5	83,5	50	100	263
50	П. Шубин, 1944—1946	83	82	40,5	100	172
51	О. Берггольц, «Лгр. п.», 1942	82,5	88	54	100	323
52	М. Алигер, 1934—1939	91,5	85	47	100	189
53	М. Алигер, «Зима», 1938	87	89	46,5	100	400
54	М. Алигер, 1946—1948	86,5	85	46	100	281
55	Е. Долматовский, 1942—1947	86	80	50,5	100	277
56	Н. Грибачев, 1954—1960	82,5	88	59,5	100	400
	Всего	82,2	87,2	46,8	100	16 154
	Ср.: теоретич. 4-ст. ямб	77,9	66,6	52,1	100	
	XVIII в.	93,2	79,7	53,2	100	
	XIX в. (мл. покол.)	82,1	96,8	34,6	100	
	нач. XX в.	83,5	87,4	49,1	100	

Таблица 2

*Четырехстопный хорей***

№№ п/п	Авторы	Стопы				Число стихов
		I	II	III	IV	
1	Д. Бедный. 1923—1926	70,5	100	43,5	100	440
2	В. Маяковский, 1928	61,5	95,5	52,5	100	240
3	Б. Пастернак, 1914—1919	64	93	59,5	100	306
4	Б. Пастернак, 1924—1959	57,5	91,5	48	100	262
5	Н. Асеев, 1946—1959	64,5	95	47,5	100	339
6	П. Антокольский, 1920—1934	66	91,5	52	100	176
7	П. Антокольский, 1950—60-е	69	95,5	52	100	196
8	Н. Тихонов, «С. в. г.», 1957	60	99,5	47,5	100	400
9	И. Уткин, 1925—1928	52	99,5	44	100	318
10	Н. Заболоцкий, 1928—1930	58,5	100	43	100	380
11	Л. Мартынов, 1960—1964	42	90,5	41,5	100	184
12	В. Луговской, 1935—1953	64	91,5	54	100	282
13	М. Исаковский, 1936	54,5	100	49	100	400
14	А. Твардовский, 1936—1938	52,5	99,5	51	100	400
15	А. Твардовский, «ВТ», 1941—1946	47	99,5	54,5	100	400
16	Н. Рыленков, 1946—1955	51,5	99,5	54	100	256
17	Д. Кедрин, 1934—1941	43,5	100	52	100	348
18	П. Шубин, «Кот.», 1939	62,5	79,5	59	100	220
	Всего	57,5	96,5	50,2	100	5547
	Ср.: XVIII в.	63,3	89,5	54,8	100	
	XIX в.	54,3	98,8	46,4	100	

Весь сравнительный материал по стиху XVIII—XIX — начала XX в. заимствован из вышеназванных исследований К. Тарановского.

Таким образом, и по кругу проблем и по кругу материала настоящая работа представляет собой лишь набросок необходимого будущего исследования. Однако, думается, и в таком виде она позволяет уловить основные черты развития основных двухсложных размеров в русской поэзии советского времени.

Предварительные выводы

1. Средняя ударность стоп почти по всем размерам изменяется по сравнению с XIX в. В 4-стопном ямбе конца XIX в. на одну стопу приходилось в среднем 78,4 ударения, в советское время — 79,1; в 4-стопном хорее соответственно 74,9 и 76,9; в 5-стопном ямбе 79,0 и 75,2; в 5-стопном хорее 76,0 и 68,9. В 5-стопных размерах, более «молодых» размерах русского стиха, средняя ударность понижается: это естественное следствие того, что данный размер становится более привычным и ритм его более не нуждается в усиленном подчеркивании сильных мест. Как известно, то же

* Из крупных произведений в таблицу вошли: 2. В. Хлебников, «Ладомир»; 6—7. Б. Пастернак, «Высокая болезнь» и «Волны»; 17. Н. Тихоноз, «Слово о 28 гвардейцах»; 26. Н. Заболоцкий, «Торжество земледелия»; 28. Л. Мартынов, «Тобольский летописец»; 31. В. Саянов, «Колобовы»; 34. П. Васильев, «Христолюбовские ситцы», 39. А. Твардовский, «За далью даль», I—II; 44. Д. Кедрин, «Конь»; 47. К. Симонов, «Ледовое побоище»; 49. П. Шубин, «Слово об Иозане Зрини»; 51. О. Берггольц, «Ленинградская поэма»; 53. М. Алигер, «Зима этого года». Цифры по Заболоцкому взяты из подсчетов А. Кондратова (A. Kondratow, Czterostopowy jamb N. Zabołockiego i niektóre zagadnienia statystyki wiersza, сб. «Poetyka i matematyka», Warszawa, 1965) и в суммарный подсчет не вошли. Теоретические данные о «естественном» 4-стопном ямбе взяты из подсчетов Н. Рыковой (приводятся в сб. «Poetics—Poetyka—Поэтика», II, Warszawa, 1966, стр. 183).

** Из крупных произведений в таблицу вошли: 8. Н. Тихонов, «Серго в горах»; 15. А. Твардовский, «Василий Теркин»; 18. П. Шубин, «Котовцы».

Таблица 3

*Пятистопный ямб****

№ п/п	Автор	Стопа I	II	III	IV	V	цез.	Число стихов
1	Б. Пастернак, 1917—1918	87	73,5	90	58	100	61	321
2	Б. Пастернак, «Сп.», 1924	85	79,5	78	54	100	47,5	364
3	Б. Пастернак, 1923—1931	88	79,5	82	51,5	100	55	140
4	Э. Багрицкий, рифм. 1922—1923	81,5	73,5	71	40	100	50	368
5	Э. Багрицкий, бел. 1918—1923	85	65,5	70,5	38,5	100	42,5	296
6	П. Антокольский, 1915—1934	79,5	80	77	50	100	51,5	365
7	П. Антокольский, «Р. и Г.»	80	74,5	77,5	53,5	100	42	650
8	П. Антокольский, 1960-е	80	72	80	44	100	46	400
9	И. Сельвинский, «Л. В.», 1944	85	66,5	79	55,5	100	41	400
10	И. Сельвинский, 1941—1945	83	64,5	93,5	36,5	100	43,5	385
11	Н. Тихонов, 1919—1929	85	74	75	37	100	47,5	248
12	Н. Тихонов, «Юрга», 1926—1930	79	89	94	43,5	100	80	119
13	Н. Тихонов, 1948—1951	80	80,5	90,5	45,5	100	66,5	310
14	Н. Ушаков, 1933—1946	81,5	72,5	76,5	51,5	100	46	248
15	Н. Заболоцкий, 1947—1958	77	77	89	22,5	100	52	359
16	Л. Мартынов, «Иск. р.», 1937	77,5	69	80,5	35	100	53,5	400
17	Л. Мартынов, 1962—1965	70,5	70,5	78	38,5	100	50	384
18	В. Инбер, «Пут. дн.», 1938	87,5	68	81	41	100	40,5	400
19	В. Инбер, «Пулк. м.», 1941—1943	85,5	62,5	83	40	100	43	400
20	В. Луговской, «Ж.», 1933	74	64,5	75	35,5	100	37	407
21	В. Луговской, «С. В.», 1956	83	59,5	82,5	46	100	39	928
22	В. Саянов, 1930—1937	85,5	88	91,5	29,5	100	65,5	382
23	В. Саянов, «Пр.», 1945	81,5	81,5	90	38,5	100	45	400
24	А. Прокофьев, 1931—1941	78	74	94	35	100	62	275
25	Б. Корнилов, 1932—1936	75	61,5	87	26	100	55	242
26	Б. Корнилов, «М. А.», 1935	81	62	86	22	100	52,5	400
27	П. Васильев, 1934	81	76	85,5	37	100	66	341
28	Я. Смеляков, 1940—60-е	89,5	71	88	25,5	100	64,5	330
29	А. Сурков, 1941—1942	88	77,5	86,5	42	100	45	400
30	А. Сурков, 1958—1960	86,5	74	79	49,5	100	39	400
31	М. Исаковский, 1936—1942	86,5	85,5	86	36	100	54,5	400
32	А. Твардовский, 1941—1948	87,5	81,5	89	51,5	100	58,5	238
33	Н. Рыленков, 1932—1941	78,5	76	81,5	37	100	48,5	336
34	Н. Рыленков, 1951—1958	83,5	78,5	80,5	45,5	100	50	336
35	С. Щипачев, 1937—1940	88	79,5	75,5	45	100	41,5	266
36	С. Щипачев, 1953—1964	86	80	75	48	100	42,5	350
37	Д. Кедрин, «Р.», 1938	82	78	79	63	100	53	400
38	Д. Кедрин, «В.», 1933—1940	82,5	77,5	76	46	100	56,5	203
39	С. Маршак, 1940—50-е	85	75	84,5	45	100	54	352
40	К. Симонов, 1939	84,5	65	88,5	30,5	100	49,5	400
41	К. Симонов, «П. Л.», 1936—1941	88	75	87,5	40	100	48,5	400
42	К. Симонов, 1946—1954	84	79,5	84,5	49,5	100	45	205
43	П. Шубин, «Тов.», 1939	83,5	76	88,5	37,5	100	45	400
44	П. Шубин, 1942—1947	87,5	77,5	83	42	100	60,5	297
45	О. Берггольц, 1941—1943	82,5	72,5	85	38	100	49,5	400
46	О. Берггольц, «Б.», 1946—1954	83,5	77	78	60,5	100	44,5	400
47	М. Алигер, 1935—1939	84,5	70,5	84,5	35,5	100	46,5	400
48	М. Алигер, 1951—1952	84,5	65	82,5	42	100	46	400
49	Е. Долматовский, 1942—1949	87,5	68	86	37,5	100	43	366
50	Н. Грибачев, 1954—1960	80,5	74,5	79,5	46,5	100	54	279
51	С. Смирнов, 1948—1955	81,5	77	91	27	100	47	272
	Всего	82,8	69,1	83,1	41,3	100	50	17 698
	Ср.: теоретич. 5-ст. ямб	87,4	50,6	69,0	41,6	100	31,9	
	Ср.: XIX в. (цезур.)	86,0	75,2	95,3	39,3	100	100	
	XIX в. (бесцезур.)	82,8	73,7	84,6	53,8	100	60,8	

постепенное понижение ударности наблюдалось и в 4-стопном ямбе и хорее в первые полтора века их развития. Но теперь в этих более «старых» размерах происходит противоположное, средняя ударность в них повышается: это уже следствие новых ритмических тенденций, о которых речь дальше.

2. Среднее распределение ударений по стопам (ритмическая кривая) обнаруживает по всем размерам одни и те же отклонения от ритма, установившегося в конце XIX в.: сильные стопы слабеют, слабые усиливаются, ритмическая кривая сглаживается. В 4-стопном ямбе слабеет 2-я стопа и усиливаются 1-я и 3-я; характерный для XIX в. ритм типа «Адмиралтейская игла» осложняется ритмом типа «На лáковом полу́ моём», более характерным, как известно, для XVIII в. В 4-стопном хорее происходит то же самое, лишь в меньшей степени. В 5-стопном ямбе более всего слабеет опорная 3-я стопа. В 5-стопном хорее усиливается 1-я и слабеет 2-я стопа; канонизировавшийся после Лермонтова ритм «Выхожу́ оди́н я на доро́гу» осложняется ритмом типа «Ша́хматные ко́ни карусе́ли». В 6-стопном ямбе слабеет 2-я стопа и усиливается 3-я: вместо ритма пушкинской поры «И обесси́ленно безмо́лствует иску́сство» господствует симметрический ритм типа «Уса́тые полки́ суво́ровских солда́т».

Все эти сдвиги в ударности отдельных стоп отдаляют ритм стиха XX в. от ритма XIX в. и приближают его к ритму XVIII в. В 4-стопном ямбе и хорее показатели XX в. лежат как раз между показателями XIX и XVIII вв. В 5-стопном хорее рисунок ритмической кривой XX в. гораздо ближе к ритмической кривой долермонтовского, чем послелермонтовского стиха. А в 6-стопном ямбе XX в. тенденция XVIII в. к ударности 3-й стопы (к мужской цезуре) проявляется даже сильнее, чем в самом XVIII в.: стих такого строения, как у советских поэтов, был в XVIII в. разве что у Тредиаковского и раннего Ломоносова, но не у позднейших авторов.

Поэтому мы вправе говорить о своеобразной а р х а и з а ц и и ритма в ямбах и хореях советского времени.

3. Начало этой архаизации ритма, по-видимому, восходит к стиху начала XX в. Для 4-стопного ямба это с несомненностью доказано работой К. Тарановского («Руски четворостопни јамб...»); характерно, что средние ритмические кривые, выведенные К. Тарановским для 4-стопного ямба начала XX в. и нами для 4-стопного ямба советского времени, дают редкое по точности совпадение. Для 5-стопного хорея это в высшей степени вероятно, судя по предварительным подсчетам ритма отдельных поэтов начала XX в.: так, характерное повышение ударности на 1-й стопе мы находим уже у таких авторов, как Горький («Девушка и смерть») — 64,3%,

*** Из крупных произведений в таблицу вошли: 1. Б. Пастернак, «Драматические сцены» и «Белые стихи»; 2. его же, «Спекторский», I—III; 5. Э. Багрицкий, стихотворения белым стихом из «уленшпигелевского» цикла; 7. П. Антокольский, «Робеспьер и Горгона»; 9. И. Сельвинский, «Ливонская война»; 16. Л. Мартынов, «Искатель рая»; 18—19. В. Инбер, «Путевой дневник» и «Пулковский меридиан»; 20—21. В. Луговской, «Жизнь» («Пятая поэма») и «Середина века» («Сказка о дедовой шубе», «Берлин, 1936», «Первая свеча»; чтобы не затемнять общей картины, в общей сумме учтена лишь половина подсчитанных стихов); 23. В. Саянов, «Праздник»; 6. Б. Корнилов, «Моя Африка»; 37—38. Д. Кедрин, «Рембрандт» и «Варвар»; 41. К. Симонов, «Первая любовь»; 43. П. Шубин, «Товарищ»; 46. О. Берггольц, «Верность». Переводы из Шекспира и Шиллера пока намеренно не брались. Если выделить крупные произведения в отдельные группы, получится такая картина:

	I	II	III	IV	V	Цез.	Число стихов
Лирический стих	83,0	65,4	84,3	40,0	100	48,0	10 993
Эпический стих	82,7	69,5	82,4	39,4	100	59,5	4655
Драматический стих	82,5	74,0	78,2	57,5	100	44,5	2050

Теоретические показатели «естественного» 5-стопного ямба выведены С. И. Гиндиным (по частотам ритмического словаря советской прозы, опубликованным нами в журнале «Теория вероятностей и ее применения», VIII, 1, 1963, стр. 103). В предпоследнем столбце таблиц указана частота словоразделов после 4-го слога, на месте традиционной цезуры; бросается в глаза сильное уменьшение «цезурованных строк» в 5-стопном ямбе XX в. по сравнению с XIX в.

Таблица 4

Пятистопный хорей ****

№ п/п	Автор	Стопа					Число стихов
		I	II	III	IV	V	
1	Б. Пастернак, 1916—1956	60,5	88,5	80	44	100	199
2	Н. Асеев, «Эл.», 1924	72,9	79	84,5	43,5	100	192
3	Н. Асеев, 1927—1928	59,5	79,5	82,5	43	100	302
4	С. Есенин, 1924—1925	44	96,5	91,5	41	100	452
5	Э. Багрицкий, «Сказ.», 1922	58	75	58,5	49,5	100	226
6	Э. Багрицкий, 1923—1924	54	84	71	35	100	271
7	П. Антокольский, 1920—1934	64	76	82	41	100	298
8	П. Антокольский, 1950—60-е	67	73	90,5	41,5	100	212
9	И. Сельвинский, 1946—1962	63	66	96,5	37	100	315
10	Н. Тихонов, 1919—1924	56	83	83	39	100	302
11	М. Светлов, 1942—1945	55,5	74,5	82,5	34,5	100	173
12	М. Светлов, 1957—1964	67,5	74,5	83	41	100	369
13	Н. Ушаков, 1932—1945	60	86,5	78	50,5	100	313
14	Н. Заболоцкий, «Сл.», 1938—1946	47,5	88	93,5	26,5	100	400
15	Н. Заболоцкий, 1948—1957	49.5	86	97	14,5	100	268
16	Л. Мартынов, 1961—1964	47	78	74	42	100	299
17	В. Инбер, 1946—1960	58	67,5	85,5	36	100	360
18	В. Луговской, 1935—1940	58,5	77	80	44	100	290
19	В. Луговской, 1947—1952	66,5	75	98,5	45	100	255
20	В. Саянов, 1927—1937	60	90	91,5	39	100	225
21	А. Прокофьев, 1929—1931	62,5	72,5	93,5	27	100	264
22	А. Прокофьев, 1934	55	79,5	92,5	34,5	100	353
23	А. Прокофьев, 1963—1965	60,5	80,5	91,5	46	100	320
24	Б. Корнилов, 1933—1936	55	77	80,5	30,5	100	348
25	Б. Корнилов, «Самс.», 1936	52,5	76	84	26	100	319
26	П. Васильев, 1934	71	80,5	85,5	40,5	100	315
27	П. Васильев, «Жен.» 1936	67	74	93,5	41	100	210
28	Я. Смеляков, 1930-е	43,5	80,5	81,5	22	100	171
29	Я. Смеляков, 1940—60-е	67,5	68	89	22	100	302
30	А. Сурков, 1941—1945	60,5	76,5	87,5	40,5	100	355
31	М. Исаковский, 1935—1950	50	93	85	32	100	234
32	Н. Рыленков, 1930—1937	51	91	93	25	100	344
33	Н. Рыленков, 1952—1958	57	86	83	50,5	100	404
34	С. Щипачев, 1937—1960	58,5	86,5	76,5	51	100	300
35	Д. Кедрин, 1934—1942	49,5	85	82,5	50	100	322
36	П. Шубин, 1934—1940	65	73,5	85,5	47,5	100	342
37	П. Шубин, 1944—1949	63	67	86	34,5	100	248
38	О. Берггольц, 1941—1943	69	78	82,5	38	100	227
39	О. Берггольц, 1950—1957	71,5	76	85	42	100	210
40	М. Алигер, 1934—1939	63,5	69,5	87,5	30,5	100	396
41	М. Алигер, «Тв. п.», 1945	61	76,5	85,5	44	100	400
42	Е. Долматовский, 1944—1953	62	73	85	43,5	100	360
43	Н. Грибачев, 1954—1960	50,5	83	85,5	33	100	374
44	С. Смирнов, 1948—1956	51	88	94	25	100	400
	Всего	54,5	74,5	80,3	35,4	100	14139
	Ср.: теоретич. 5-ст. хорей:	51,1	65,1	63,9	45,1	100	
	Ср.: XVIII—XIX (до 1850)	63	87	85	56	100	
	XIX (после 1850)	47,5	96,5	88	48	100	

**** Из крупных произведений в таблицу вошли: 2. Н. Асеев, «Электриада»; 5. Э. Багрицкий, «Сказание о море, матросах и Летучем Голландце»; 14. Н. Заболоцкий, »Слово о полку Игореве»; 25. Б. Корнилов, «Самсон»; 27. П. Васильев, «Женихи»; 41. М. Алигер, «Твоя победа». Сравнительные показатели выведены из процентных (а не числовых, ибо у отдельных поэтов этот размер представлен крайне неравномерно) данных К. Тарановского о 5-стопном хорее до 1850 г. (Тредиаковский, Державин, Кюхельбекер, Лермонтов, К. Павлова, Бенедиктов) и после 1850 г. (Курочкин, Некрасов, Майков, А. К. Толстой, Полонский, Фет). Теоретические показатели рассчитаны нами.

Таблица 5

Трехстопный ямб *****

№ п/п	Автор	Стопа			Число стихов
		I	II	III	
1	Б. Пастернак, 1936	91	49	100	244
2	С. Кирсанов, 1957—1960	83,5	49,5	100	400
3	И. Уткин, 1926—1928	91	43,5	100	156
4	А. Прокофьев, 1927	87	41,5	100	187
5	А. Твардовский, 1943	89	69	100	188
6	Н. Рыленков, 1945	92,5	61,5	100	364
7	С. Щипачев, 1937—1940	89	56	100	277
8	Д. Кедрин, 1939—1942	98	44	100	180

***** Из Пастернака разобраны «Путевые записки», из Кирсанова — «Ленинградская тетрадь» (любопытна эта связь 3-стопного ямба с рифмовкой МЖМЖ и жанра дескриптивной лирики, ср. «Башни Сигнаха» Н. Тихонова, почти одновременные с «Путевыми записками»), из Рыленкова — «Мария», из Кедрина — «Князь Василько» и «Сказка о семи братьях».

Таблица 6

Шестистопный ямб *******

№ п/п	Автор	Стопа						Число стихов
		I	II	III	IV	V	VI	
1	Д. Бедный, 1921—1927	78	80	57,5	91,5	42	100	295
2	П. Антокольский, 1915—1934	81,5	70	67,5	84,5	53,5	100	462
3	С. Кирсанов, 1944	83,5	49	92,5	86,5	37,5	100	104
4	Н. Заболоцкий, 1947—1957	78	65	92	90,5	40,5	100	114
5	Л. Мартынов, 1939	80,5	56,5	87,5	93	42	100	400
6	В. Саянов, 1937	93,5	53	97	93,5	49,5	100	91
7	Н. Рыленков, 1935—1954	89,5	50	97	89	53,5	100	144
8	Д. Кедрин, 1939	90	50	100	91	51	100	300
	Ср.: XVIII в.	91,8	64,4	73,1	95,1	44,1	100	
	XIX в. (1820—1840)	88,6	69,5	67,1	94,4	38,8	100	
	Ср.: теорет. 6-ст. ямб	80,7	57,3	59,4	89,4	32,2	100	

******* Из Кирсанова разобрана элегия «Два дуба», из Мартынова — «Домотканая Венера», из Саянова—«Пушкин» и «Посад», из Кедрина—перевод из Петефи «Янош Кукуруза». Переводы с французского намеренно не брались. Теоретические показатели «естественного» 6-стопного ямба рассчитаны нами (только для цезурованного 6-стопного ямба с мужским окончанием!).

Таблица 7

Шестистопный хорей *******

№ п/п	Автор	Стопа						Число стихов
		I	II	III	IV	V	VI	
1	С. Есенин, 1925	57	81,5	100	68,5	55	100	93
2	В. Саянов, 1939	63	75,5	100	55	64	100	300

******* Из Саянова разобрана «Оренбургская повесть». У обоих авторов хорей — цезурованный, у Саянова допускается дактилическое наращение в цезуре.

Бальмонт — 70,8, В. Иванов — 61, С. Соловьев — 63, ранний Гумилев — 70,7, Ходасевич — 69,5, Ахматова — 63,5, Цветаева — 70 (у Бунина, Блока, Кузмина, Волошина, Мандельштама этот показатель не поднимается выше 51%) [3]. Наконец, и для 5-стопного ямба, по-видимому, ха-

[3] Данные по Бунину, Блоку, Ахматовой взяты из статьи А. Астаховой «Из истории и ритмики хорея», сб. «Поэтика», I, Л., 1926; по Горькому, Бальмонту, Гумилеву, Волошину, Мандельштаму — из подсчетов К. Тарановского, частично не

рактерное ослабление 3-й стопы начинается еще в 1900—1910-х годах (в ритмах типа: «На стекла вечности уже легло Мое дыхание, мое тепло...».

Таким образом, архаизация ритма в XX в. не ограничивается 4-стопным ямбом, а распространяется на все ямбические и хореические размеры; она не ограничивается началом века, а продолжается, и даже усиливается, и в советское время.

4. Индивидуальные отклонения от средней линии ритма в советское время больше, чем когда бы то ни было: так, индивидуальные расхождения в ударности 2-й стопы 4-стопного ямба не превосходили у поэтов XVIII в. 20%, у поэтов второй половины XIX в. — 13%, а у советских поэтов они достигают 27%; расхождения в ударности 2-й стопы 5-стопного хорея в XVIII—XIX вв. не превышали 20%, а у советских поэтов они достигают 30%. Это значит, что в ямбах и хореях советских поэтов сосуществуют самые несхожие ритмические тенденции: одни поэты продолжают традицию архаизованного ритма начала XX в., другие — через голову поэтов начала XX в. продолжают традицию «гладкого» стиха XIX в. Первых мы будем условно называть «архаизаторами», вторых — «традиционалистами». Между теми и другими — множество переходных ступеней; равнодействующая между этими разнородными ритмическими тенденциями отдельных поэтов дает средний ритм поэтической эпохи — величину, которую, конечно, нельзя фетишизировать.

Интересно посмотреть, какие из поэтов выражают обе крайние ритмические тенденции в самой яркой форме. По 4-стопному ямбу в числе архаизаторов оказываются Пастернак, Багрицкий, Алигер, Долматовский, Ушаков 30-х годов, в меньшей степени — ранний Антокольский, Сельвинский, Шубин, Уткин (у всех 2-я стопа слабее 1-й [4]); в числе традиционалистов — Бедный, Исаковский, Твардовский, Рыленков, Тихонов, Заболоцкий, Кедрин (2-я стопа — 95% и более). По 4-стопному хорею: архаизаторы — Пастернак, ранний Антокольский, Мартынов, Шубин, Луговской (2-я стопа — до 94%); традиционалисты — Бедный, Исаковский, Твардовский, Рыленков, Уткин, Тихонов, Кедрин, Заболоцкий (2-я стопа — 99,5—100%). По 5-стопному хорею: архаизаторы — Антокольский, Асеев («Электриада»), Сельвинский, поздний Луговской, П. Васильев, поздний Смеляков, Шубин, Берггольц, Алигер (1-я стопа — 63% и более); традиционалисты — Есенин, Исаковский, Рыленков, Щипачев, Мартынов, Заболоцкий, Кедрин (1-я стопа — ниже 60%, 2-я стопа у всех, кроме Заболоцкого, сильнее 3-й; особняком стоит ритм Багрицкого, на котором мы здесь останавливаться не можем). Наконец, по 6-стопному ямбу: традиционалисты — Бедный и Антокольский (2-я стопа сильнее 3-й), архаизаторы — все остальные. 5-стопный ямб в данной связи не рассматривается: это — самый «нейтральный» из классических размеров, за ним нет отчетливых традиций, и поэтому противоположность различных ритмических тенденций чувствуется здесь слабо.

Легко заметить, что в противоположных группах мы все время находим одни и те же имена. И легко заметить, что «архаизаторы», продолжающие ритмическую тенденцию начала XX в.— Пастернак, Антокольский, Сельвинский, Багрицкий, Луговской и др. — не только по ритму, но и по стилю, по образному строю, по тематике ближе к поэтам начала XX в., чем «традиционалисты» — Бедный, Исаковский, Твардовский,

опубликованных, за сообщение которых автор приносит проф. К. Тарановскому глубокую благодарность; по остальным поэтам подсчеты наши. Из Цветаевой рассмотрены 11 лирических стихотворений; поэма «Новогоднее» (1927) дает иной, в высшей степени парадоксальный ритм 56,5—77—52—71—100 (на 186 стихов), в рассмотрение которого мы здесь не можем углубляться.

[4] Еще более резко выражен «архаический» ритм в 4-стопном ямбе М. Цветаевой (1920—1923), в таблицу не включенном: он дает кривую 88—54—45—100%!

Рыленков и др., во всех отношениях ориентирующиеся на традиции «чистого» XIX в. Можно было бы возразить, что такое совпадение ритмических и стилистических ориентаций легко было предвидеть заранее. Но это не совсем так. Например, по тематике и стилю стихов Суркова мы бы ждали увидеть его рядом с Твардовским и Исаковским, а находим мы его среди поэтов, гораздо более близких к ритму начала XX в., например к стиху Гумилева. Неожиданно и соседство Заболоцкого и Кедрина с Твардовским и Исаковским; но при ближайшем рассмотрении можно согласиться, что и те и другие могут быть названы «традиционалистами» не только в области метрики, хотя и образцы и приемы их традиционализма различны. Неожиданно и соседство Бедного и Антокольского среди «традиционалистов» 6-стопного ямба, хотя и тут нетрудно найти общее между этими несхожими авторами: для обоих 6-стопный ямб — не экзотика, не материал для стилизации, а живое явление, и они свободно применяют его вне тематических ограничений, в самых близких им жанрах — Антокольский в патетической лирике, Бедный — в стихотворной публицистике.

5. Связь ритмических тенденций с жанрами не совсем ясна из-за ограниченности материала; однако можно отметить, что в 5-стопном ямбе XX в. эпос и драма дают более сглаженную ритмическую кривую, чем лирика, тогда как в XIX в. было наоборот (может быть, это следствие «лиризации» больших жанров в поэзии XX в.).

Эволюция ритмических тенденций в творчестве отдельных поэтов также не поддается еще обобщениям; однако можно отметить, что в 4-стопном ямбе у большинства поэтов от ранних стихов к поздним усиливается традиционалистическая размашистость ритма, а в 5-стопном хорее (и в меньшей степени — в 5-стопном ямбе), напротив, усиливается архаизаторская сглаженность ритмической кривой. Наиболее разительный пример — эволюция 5-стопного хорея у Смелякова.

6. Можно ли свести обследованную выше архаизаторскую тенденцию в ритме к какому-нибудь одному действующему в русских 2-сложных размерах фоническому закону — закону акцентной диссимиляции или закону усиления первого ударного слога между двух безударных? Думается, что нет. Правда, мы видим, что в 4-стопном ямбе и хорее, в 5- и 6-стопном ямбе происходит одинаковый процесс: альтернирующий ритм слабеет, акцентная диссимиляция убывает; но в то же время в 5-стопном хорее альтернирующий ритм («Шáхматные кóни карусéли») усиливается. Привести эти два явления к одному знаменателю не удается.

Можно ли вывести эту архаизаторскую тенденцию из влияния каких-либо отдельных поэтов допушкинской традиции на современных поэтов? Для 4-стопного ямба это пытался сделать К. Тарановский, указывая на интерес поэтов-символистов к таким авторам, как Тютчев, Жуковский, Батюшков, ранний Пушкин. Думается, для объяснения ритмических тенденций целой эпохи это недостаточно. Можно согласиться, что стилизация «под XVIII век» имела место в 6-стопном ямбе XX в. («Домотканая Венера» Мартынова, «Два дуба» Кирсанова, элегии Заболоцкого); можно с большим сомнением допустить влияние допушкинских поэтов на 4-стопный ямб XX в.; но совершенно невозможно предположить, например, чтобы 5-стопный хорей Бальмонта, Гумилева и советских поэтов складывался под влиянием 5-стопного хорея Державина, Кюхельбекера или К. Павловой.

Поэтому при современном состоянии исследования разумнее всего видеть в этой тенденции возвращения русского ямбического и хореического стиха от ритма XIX в. к ритму XVIII в. лишь частный случай общей закономерности, открытой еще формалистами и их предшественниками,— именно, взаимоотталкивания двух смежных литературных эпох.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. А. КЛИМОВ

К СОСТОЯНИЮ ДЕШИФРОВКИ АГВАНСКОЙ (КАВКАЗСКО-АЛБАНСКОЙ) ПИСЬМЕННОСТИ

Длительные поиски памятников агванской (кавказско-албанской) письменности, предпринимавшиеся несколькими поколениями кавказоведов и арменистов, стимулировались сохранившимися в армянской исторической традиции недвусмысленными указаниями о наличии некогда своего письма у агван (албанцев) — кавказской народности, населявшей значительную часть западного Азербайджана; агваны примерно в одно время с армянами и грузинами приняли христианство и в течение нескольких веков играли выдающуюся роль в культурной истории Закавказья. Средневековые армянские источники единодушно приписывают создание агванского алфавита и письменности около 430 года н. э. армянскому ученому и просветителю Месропу Маштоцу (что, в частности, довольно детальным образом описывает современник и биограф последнего Корюн). При этом сообщается, что он предварительно изучал местный «гаргарский» язык, посетил Агванию и организовал при содействии местного царя Арсвагена и епископа Иеремии перевод богослужебной литературы [1]. А. Г. Шанидзе обратил внимание на второе письмо армян в Иран к православным, написанное после первого Двинского собора 505 г., в котором отмечается, что у первых «такая же вера, о чем мы писали вам раньше, в согласии с грузинами и албанцами [агванами. — *Г. К.*], письмом каждой страны» [2]. Особенно много указаний о существовании агванской письменности содержится в компилятивном сборнике исторических известий об Агвании до X столетия, известном под названием «Истории Агвании», приписываемом Мовсесу Дасхуранци (или Мовсесу Каганкатваци). Помимо повторения сведений Мовсеса Хоренаци, здесь агваны непосредственно фигурируют среди народов, имеющих свою письменность; упоминаются книги и доски, по которым совершалось поминание святых в школах, упоминаются грамоты царя Вачагана III (491—510 гг.), отмечается предание писаний огню хазарами во время опустошительных нашествий последних в VII в. и т. д. [3]. Наконец, И. В. Абуладзе в этой связи обратил внимание на известный в армяноведческой литературе еще с 1895 г. памятник под характерным названием «Рассказ о святом божественном елее, который нашли святые отцы на Востоке агванским письмом и перевели на армянский язык...» [4].

[1] См.: К о р ю н, Житие Маштоца, Ереван, 1962, стр. 105—108; М о в с е с Х о р е н а ц и, История Армении, СПб., 1889, стр. 313—314 (на арм. яз.); М о в с е с К а г а н к а т в а ц и, История Агвании, Тифлис, 1913, стр. 104 и 132 (на арм. яз.)

[2] См.: А. Ш а н и д з е, Язык и письмо кавказских албанцев, «Вестник отделения общественных наук АН ГрузССР», I, 1960, стр. 169.

[3] См.: М о в с е с К а г а н к а т в а ц и, История Агвании, стр. 12, 60—61, 75, 133 и др.

[4] См.: И. В. А б у л а д з е, Новое сведение о существовании письменности у кавказских албанцев, «Сообщения Груз. филиала АН СССР», I, 4, 1940, а также: Л. М. М е л и к с е т - Б е к о в, По поводу заметки о письменности у кавказских албанцев, «Сообщения Груз филиала АН СССР», I, 7, 1940; И. В. А б у л а д з е, Еще к вопросу об албанской письменности, там же.

Поиски памятников агванской письменности получили еще один стимул в 1937 г., когда после последовательного обнаружения целого ряда средневековых армянских тайнописей, выдававшихся в рукописях за агванское письмо [5], И. В. Абуладзе нашел в армянском учебном сборнике (Эчмиадзин, № 7117) XV в. список агванского алфавита, подлинность которого с самого начала не вызывала особых сомнений [6]. Список алфавита содержит пятьдесят две буквы, выполненные не без стилизации под армянское уставное письмо, с подписями их названий, проливающими свет на их фонетические значения. Могло сложиться впечатление, что с обнаружением алфавита в распоряжении науки оказался ключ, который оставалось лишь применить к соответствующему материалу памятников (поступившая в 1953 г. в собрание американского арменист А. Курдяна рукопись со вторым списком агванского алфавита, по-видимому, переписанном около 1580 г. с первого списка, не сообщает сколько-нибудь новой положительной информации [7]). Проблема прочтения агванских письменных памятников, которые еще предстояло выявить, представлялась тем более простой, что армянская традиция отождествляет исторических агван с современными удинами, небольшой кавказской народностью, говорящей на одном из лезгинских языков и живущей ныне в четырех населенных пунктах (Нидж, Варташен, Мирзабекли — в Азербайджанской ССР, Октомбери — в Грузинской ССР), но, судя по местным преданиям, топонимике и свидетельствам очевидцев, еще в относительно недавнем прошлом распространенной на значительно более широкой территории — в Карабахе, Мингечауре, Таузе и т. д. [8]. Еще в XVIII в., жалуясь Петру I на притеснения турок, удины писали о себе: «мы агванцы и по нации утийцы». В то же время небольшая рукопись под заглавием «Начальные основания грамматики на агванском языке, писанные армянскими буквами», высланная в 1842 г. Ф. Коргановым в Российскую Академию наук,

---

[5] См.: E. Boré, Correspondence et mémoires d'un voyageur en Orient, II, Paris, 1840, стр. 34—53; N. Karamianz, Einundzwanzig Buchstaben eines verlorenen Alphabets, ZDMG, 40, 1886; см. об этом также: А. [Г.] Шанидзе, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки, «Изв. ИЯИМК [Груз. филиала АН СССР]», IV, 1, 1938, стр. 46—52.

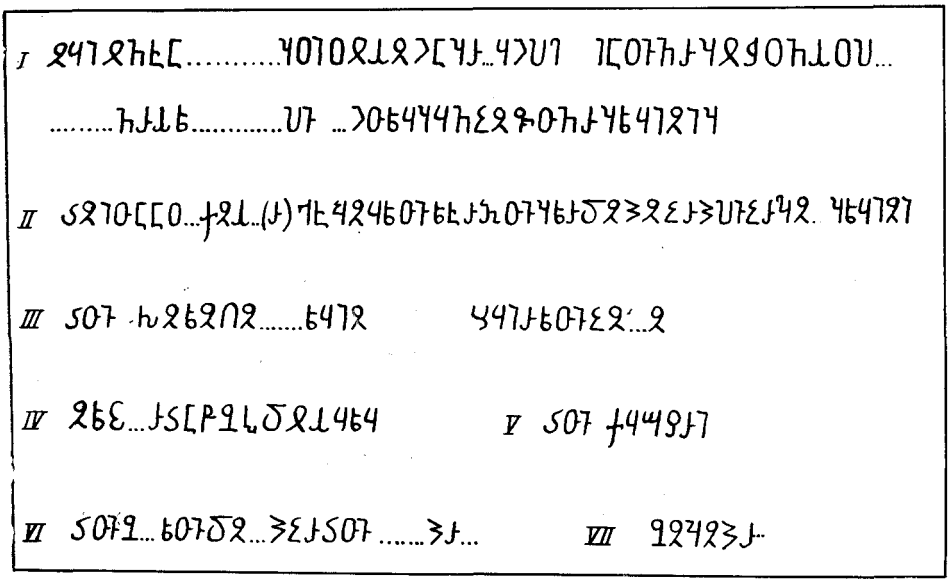
[6] См.: А. Г. Шанидзе, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев...; И. [В.] Абуладзе, К открытию алфавита кавказских албанцев, «Изв. ИЯИМК [Груз. филиала АН СССР]», IV, 1, 1938. Ср.: H. W. Bailey, Caucasica, JRAS, pt. 1—2, 1943, стр. 4; G. Dumézil, Une chrétienté disparue. Les albaniens du Caucase, «Mélanges asiatiques», CCXXXII, années 1940—1941, fasc. 1, стр. 126—127; Р. Ачарян, Албанский алфавит, «Изв. Арм. филиала АН СССР», 3—4 (8—9), 1941 (на арм. яз.); К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э., М.— Л., 1959, стр. 311—312; Д. Дирингер, Алфавит, М., 1963, стр. 385. Сомнения в подлинности данного алфавита высказывал лишь Л. М. Меликсет-Бек, см. его доклад «К вопросу о генезисе армянского, грузинского и албанского алфавитов» («Материалы по истории Азербайджана», II, Баку, 1957, стр. 61—62).

[7] См.: H. Kurdian, The newly discovered alphabet of Caucasian Albanians, JRAS, April 1956, стр. 81—83; А. Г. Шанидзе, Новые данные об алфавите кавказских албанцев (второй список албанского алфавита), «Труды Первой конференции Закавказских университетов», Баку, 1959.

[8] См.: М. Бархударянц, Агвания и соседи, Тифлис, 1893, стр. 102 (на арм. яз.); Л. М. Меликсет-Беков, К истории удин (Utica—Armeniaca), «Труды Тбилисского гос. ун-та», XXII, 1942, стр. 25—53; В. Н. Панчвидзе, Грамматический анализ удинского языка. Докт. диссерт., Тбилиси, 1948 (на груз. яз.); A. Schiefner, Versuch über die Sprache der Uden, «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg», VII-e série, VI, 8, 1863; А. М. Дирр, Грамматика удинского языка, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XXXIII, Тифлис, 1904; Е. Ф. Джейранишвили, О первоначальном значении географического названия Kurmux, «Иберийско-кавказское языкознание», XIII, Тбилиси, 1962; Г. Ворошил, История и этнография удин (рукопись).

содержит сведения по грамматике удинского языка[9]. Область удинов — Утик — действительно играет центральную роль в истории Агвании. Здесь находились обе столицы страны — Кабала и позднее Партав (впрочем, приводимое А. Шифнером местное предание о древнем удинском царстве со столицей в Берда носит следы книжного происхождения[10]). Отсюда происходят вероятные авторы «Истории Агвании»; существует даже точка зрения о том, что первоначальная редакция этого памятника была составлена по-агвански и лишь в X в. была переведена на армянский язык[11].

Лишь в 1948—1952 гг. на месте земляных работ по строительству Мингечаурской ГЭС азербайджанским археологам удалось обнаружить небольшую группу агванских эпиграфических памятников, датирующихся на основании общей стратиграфии пластов мингечаурских поселений № 2 и № 3, а также нумизматических находок V в.— началом VIII в. [12]. Весь корпус агванской эпиграфики составляют ныне семь памятников (надпись на постаменте алтарного креста и шесть различного рода граффити) с общим числом знаков несколько менее двухсот.



Корпус агванской эпиграфики

Первое же сопоставление агванской эпиграфики со списком алфавита показало тщетность надежд на использование последнего в качестве ключа для прочтения найденных памятников. Существенные расхождения между буквами алфавита и графемами самих надписей подкрепили точку зрения о неадекватности рукописного алфавита, в течение более чем полутысячелетия отделенного от своего оригинала промежуточными версия-

[9] См.: А. Г. Ш а н и д з е, Язык и письмо кавказских албанцев, стр. 175.
[10] См.: A. S c h i e f n e r, Versuch über die Sprache der Uden, стр. 57.
[11] См. об этом, например: З. И. Я м п о л ь с к и й, К изучению летописи кавказской Албании, «Изв. АН АзербССР», 1957, 9, стр. 154—155; З. Б у н и я т о в, Азербайджан в VII—IX вв., Баку, 1965, стр. 97.
[12] См.: Р. М. В а и д о в, Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура, «Изв. АН АзербССР». Серия обществ. наук, 4, 1958 (на азерб. яз.).

ми; знание рукописного алфавита позволило А. Г. Шанидзе лишь идентифицировать серию мингечаурских надписей в качестве агванских. А. Г. Шанидзе справедливо констатировал в связи с этим, что читать надписи при полном отсутствии других данных посредством существующих списков алфавита — «такая же трудная задача, как читать болнисские (древнегрузинские.— *Г. К.*) надписи V века при посредстве одного лишь грузинского алфавита из той же армянской рукописи XV века, где помещен и албанский алфавит»[13]. Последнее обстоятельство поставило перед агванистикой дополнительную задачу реконструкции первоначального облика списков агванского алфавита.

Задача отождествления языка агванских надписей решалась в плане верификации традиционного представления об удинах как наследниках агван. Продолжающееся исследование как будто не обманывает ожиданий. Так, в пользу удинской гипотезы свидетельствуют элементы агванского словаря и грамматики, известные через армянскую литературную традицию. Как показали работы П. Ингороква, Э. Агаяна и А. Г. Шанидзе, некоторые агванские названия месяцев бесспорно интерпретируются по-удински. Например, название одиннадцатого месяца *Exna* «Жатвенный» представляет собой форму генитива на *-na* от удин. *ex* «жатва» (ср. аналогичное груз. *Mḳa-ta twe*), название второго месяца *Ţulen* «Виноградный» является формой генитива на *-en* от удин. *ţul* «виноград» (ср. аналогичное груз. *Stul-isa-j*). Еще один формант удинского генитива *-un* А. Г. Шанидзе видит в агванском названии первого месяца *Navasard-un* (ср. аналогичное груз. *Axalc̣l-isa-j*)[14]. Удинизмы прослеживаются и в упоминавшейся выше «Истории Агвании» Мовсеса Дасхуранци. Так, в названии леса *č̣əłax* («История Агвании», стр. 108, 109) здесь распознается удин. *č̣äläg* «лес», а в имени дочери агванского царя Вачагана III *Xənčiḳ* («История Агвании», стр. 93) очевидна производящая основа удин. *xunči* «сестра» (в целом имя интерпретируется как «Сестричка»). В настоящее время к систематическому изучению удинизмов этого памятника приступил В. Л. Гукасян (Г. Ворошил). В этом отношении интересно было бы изучить и упоминавшийся выше «Рассказ о святом божественном елее...», по мнению И. В. Абуладзе, вероятно, содержащий агванизмы (см. выше стр. 68).

Исследователями агванского алфавита постоянно подчеркивалось его разительное соответствие фонологическим системам лезгинских языков и особенно — удинского[15]. А. Г. Шанидзе отметил, в частности, что пятидесяти двум буквам агванского алфавита, противостоят пятьдесят три — пятьдесят четыре фонемы в удинских диалектах. Богатство агванского алфавита в обозначении шипящих согласных было сопоставлено им с наличием двух рядов шипящих в удинском. Он же справедливо полагает, что в характеристике Мовсесом Хоренаци «гаргарского» языка, изучавшегося Месропом Маштоцем, как изобиловавшего «гортанными звуками», можно видеть указание на серию фарингализованных гласных, особенно богато

[13] А. Г. Шанидзе, Язык и письмо кавказских албанцев, стр. 173.

[14] См.: П. [И.] Ингороква, Древнегрузинский языческий календарь в памятниках V—VIII веков, «Bull. de Musée de Géorgie», VII (1931—1932), Tiflis, 1933 (на груз. яз.), стр. 300—303; А. Г. Абрамян, Труды Ованеса Имастасера, Ереван, 1956, стр. 77; Э. Агаян, Названия месяцев у агванцев, «Изв. [АН АрмССР]», Обществ. науки, 1946 (на арм. яз.); А. Г. Шанидзе, Язык и письмо кавказских албанцев, стр. 175—186. Вследствие кавказоведческой направленности работы при передаче армянских слов и материала, почерпнутого из армянских письменных источников, здесь используется фонологическая транскрипция, принятая в кавказском языкознании.

[15] См.: А. Г. Шанидзе, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев..., стр. 34—37; его же, Язык и письмо кавказских албанцев, стр. 174; И. [В.] Абуладзе, К открытию алфавита кавказских албанцев, стр. 70. Ср. также: G. Dumézil, Une chrétienté disparue. Les albaniens du Caucase, стр. 128.

представленную в удинском и цахурском языках (*ą*, *ę*, *į*, *ǫ*, *ų* и *ǫ̇*). Отсутствие в агванском алфавите знака для *ʒ* (буква *ʒaj*, как правильно отмечает А. Г. Абрамян, стоит в списках алфавита на необычном для закавказских ответвлений арамейской письменности порядковом месте, и отражает фонему типа *ǯ*) может быть сопоставлено с отсутствием фонемы *ʒ* в исконно удинском материале (согласно В. Н. Панчвидзе, *ʒ* крайне редко встречается и в современном удинском[16]). С фонетической характеристикой удинского *l* согласуется и отмеченный А. Г. Периханян факт передачи агванского *l* через армянское *ł* (ср.: *Ḳabała* «Кабала», *Xałxał* «Халхал», *Ḳałanḳaṭujk* «Каганкатуйк», и т. п.).

Подсчеты показывают, что статистическая структура агванского текста оказывается очень близкой к таковой удинского и в то же время существенно расходится с соответствующими параметрами ближайше родственных лезгинских языков (статистической обработке был подвергнут текст удинского перевода евангелия С. Бежанова)[17]. Так, почти идентично процентное соотношение гласных и согласных в обоих текстах (соответственно 73 и 97 против 72 и 98). В корпусе из 160 знаков (таково общее число графически наиболее четко отождествляющихся знаков в агванских надписях) разных гласных в среднем соответственно встречается в агванском тексте 8, в удинском — 8. Сходным образом убывает в обоих сравниваемых текстах частотность появления отдельных гласных. При порядке *a* — 23, *e* — 15, *i* — 12, *o* и *ǫ* — 11, *u* и *ų* — 9 в удинском, имеем *a* — 25, *e* — 13, *i* — 12, *o* и *ǫ* — 10, *u* и *ų* — 11 в агванском. В области согласных очень важным представляется наличие высокой частотности *b*, отождествляемого для агванских текстов относительно надежно, 8 и 12 соответственно в обоих текстах. Это тем примечательнее, что за исключением удинского и территориально удаленного арчинского во всех других лезгинских языках частотность *b* очень низка ввиду отсутствия в них перехода общедагестанского **w* > *b* (ср. удин. *bac* ~ лезг. *waš* «сто», удин. *beγ* ~ рутул. *wireγ* «солнце», удин. *boq* ~ лезг. *wak* «свинья» и т. д.).

Все эти обстоятельства поддерживают гипотезу о том, что «гаргарский язык», для которого согласно исторической традиции Месроп Маштоц и его агванские сотрудники создали письменность, был либо одним из древнеудинских диалектов, либо близкородственным удинскому языком[18]. В свою очередь последний вывод оправдывает применение в дешифровке и интерпретации агванской письменности этимологической методики вполне конкретной ориентации[19]. Если агванские памятники представляют собой древнейшую письменную фиксацию одного из нахско-дагестанских языков, их дешифровка, открывающая второй древнеписьменный кавказский язык, приобретает для кавказского языкознания большую важность.

*

Наиболее значительные достижения в изучении обоих списков агванского алфавита и, в частности, в реконструкции первоначального облика

[16] См.: В. Н. Панчвидзе, Грамматический анализ удинского языка, стр. 169.

[17] «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», 30, Тифлис, 1902.

[18] См. об этом: А. Г. Шанидзе, Язык и письмо кавказских албанцев, стр. 189; А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, Ереван, 1964, стр. 69; Г. Ворошил, О древнеагванском алфавите и удинском языке, «Изв. АН АзербССР». Серия обществ. наук, 1, 1962, стр. 90.

[19] В прошлом удинский материал привлекался, впрочем без сколько-нибудь объективных оснований и успеха, к интерпретации урартских клинописных памятников; см. А. Пайазат, Ключ халдского языка, Ереван, 1936.

последнего оказались связаны с исследованиями А. Г. Шанидзе, А. Г. Абрамяна и В. Л. Гукасяна.

С самого начала была очевидна некоторая неадекватность фонетических значений, приписанных буквам алфавита, ввиду невозможности передать тридцатью шестью знаками стандартной армянской графики пятьдесят две единицы агванского алфавита[20]. Независимо от того, является ли список агванского алфавита, обнаруженный в 1953 г., действительно списком с открытого еще в 1937 г. (как полагают А. Курдян, А. Г. Абрамян и другие[21]), установлено, что расхождения обоих списков в названиях букв, несомненно, обязаны графическим искажениям первого[22].

А. Г. Шанидзе установил бо́льшую близость в отношении порядка букв агванского алфавита к армянскому, чем к грузинскому. Агванские и армянские буквы, отражающие специфику фонетических систем этих языков, в отличие от грузинского алфавита не сосредоточены в конце алфавита, а распределены между буквами, обозначающими общие с греческим звукотипы[23]. Если в начале и в конце агванского алфавита порядок букв почти совпадает с армянским, то в его середине дополнительные по сравнению с армянским алфавитом буквы оказались размещенными с интервалом в одну букву. А. Г. Периханян отмечает значительное сходство названий агванских букв с армянскими, грузинскими и через них с соответствующими арамейскими[24]. По своей огласовке эти названия особенно приближаются к армянским (ср. агв. *bet*, *gim*, *daṭ*, *xen*, *nuc*, *wew*, *ṭiwr* при арм. *ben*, *gim*, *da*, *xe*, *nu*, *wew*, *ṭiwn*). А. Г. Абрамяну принадлежит заслуга в гипотетической реконструкции подлинных фонетических значений и начертаний целого ряда букв агванского алфавита[25]. Общее типологическое сходство агванских букв с армянскими и грузинскими не вызывает сомнений и выдает в них арамейскую графическую основу[26]. Однако неудовлетворительное состояние дешифровки агванских надписей пока не позволяет провести между алфавитами достаточно далеко идущие аналогии. Из двух наметившихся в этом отношении точек зрения одна констатирует формальное сходство лишь у фонетически сходным образом ориентированных букв агванского, армянского и грузинского алфавитов[27], а другая, развиваемая преимущественно в работах Г. Г. Севака, проводит графические параллелизмы, полностью отвлекаясь от конкретной фонетической соотнесенности букв в каждом из этих алфавитов[28]. Несмотря на очевидный факт большой близости агванских букв к своим арамейским прототипам, характер параллелизма их большинства с армянскими

[20] См. об этом: А. Г. Шанидзе, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев, стр. 35—36; Г. Ворошил, О древнеагванском алфавите и удинском языке, стр. 84, 89; R. H. Hewsen, On the alphabet of Caucasian Albanians, «Revue des études arméniennes». Nouvelle série, I, Paris, 1964, стр. 429.

[21] См.: H. Kurdian, указ. соч., стр. 81; А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 8.

[22] А. Г. Шанидзе, Новые данные об алфавите кавказских албанцев, стр. 204—205.

[23] А. Г. Шанидзе Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов, «Материалы по истории Азербайджана», II, стр. 38—43.

[24] А. Г. Периханян, К вопросу о происхождении армянской письменности, «Переднеазиатский сборник», II, М., 1966, стр. 125.

[25] А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 25—38.

[26] См.: Е. А. Пахомов, Монеты Мингечаура, в кн.: «Материальная культура Азербайджана», II, Баку, 1951, стр. 151; Г. Г. Севак, Месроп Маштоц: создание армянских письмен и словесности, Ереван, 1962, стр. 42; З. Буниятов, Азербайджан в VII—IX вв., стр. 55.

[27] См.: А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 39.

[28] См.: Г. Г. Севак, Месроповы письмена, начала и источники их строения, сб. «Месроп Маштоц», Ереван, 1963, стр. 163—196 (на арм. яз.); ср. также: А. Г. Периханян, указ. соч., стр. 129.

и грузинскими приводит ряд исследователей к выводу о производности агванского алфавита не непосредственно от одной из северомесопотамских разновидностей арамейского письма, а только через посредство армянского и отчасти грузинского алфавитов[29]. Последнее обстоятельство особенно интересно с точки зрения традиционного известия об авторстве Месропа Маштоца в отношении всех трех рассматриваемых закавказских алфавитов.

Даже если игнорировать существование списков алфавита, буквенный характер агванского письма легко определим, так как на весь корпус эпиграфики, составляющий немногим менее 200 знаков, насчитывается лишь около 35 графических инвариантов (пока еще не завершенная работа по отождествлению написаний на камне и граффити в качестве вариантов графем велась в основном А. Г. Абрамяном[30]). На буквенный принцип письма указывает и характер частоты появления новых знаков на равных следующих друг за другом отрезках текста (вместе с тем, он свидетельствует о многобуквенности лежащего в его основе алфавита). Направление письма слева направо, до сих пор специально не обосновывавшееся, без труда устанавливается по характеру пробелов в строках, по наклону письма и ряду других признаков (ср., например, приписку на последней — при чтении слева направо — грани круговой надписи на постаменте креста). Словоделение осуществляется редко.

Применение к агванскому тексту дистрибутивной методики, предложенной впервые В. В. Шеворошкиным[31], позволяет не только определить в нем наличие специальных знаков для гласных, но и разграничить последние (таковыми являются , , , и) от графем со значением согласных. С точки зрения этой методики не исключена гласная интерпретация и для и . Наконец, исключительная сочетаемость с и графемы , а также соображения типологического порядка, дают исследователям основания думать, что сочетания и также передавали гласные. Конкретные фонетические значения графем гипотетически определяются посредством сопоставления статистической структуры агванского и удинского текстов, на основе отдельных рабочих чтений, типологических аналогий с древнегрузинскими и древнеармянскими графемами, а также при учете реконструкции списков алфавита. Проще обстоит с фонетической интерпретацией графем для гласных. Наиболее часто встречающийся агванский знак соотносим с частотно преобладающим почти во всех лезгинских языках, в том числе — в удинском, гласным *а*. Агванский типологически тесно связан с грузинским *о*: при этом «согласный» по своей дистрибуции , выступающий только в указанной выше позиции, типологически отвечает грузинскому *w* и при учете осо-

[29] См.: А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 39; А. Г. Периханян, указ. соч., стр. 66—67; G. Dumézil, Une chrétienté disparue. Les albaniens du Caucase, стр. 125; R. H. Hewsen, указ. соч., стр. 429—430. Согласно точке зрения Г. Г. Севака, все три закавказские системы письма строились не на арамейской, а на южносемитской графической основе (Г. Г. Севак, указ. соч., стр. 202—205; его же, Месроп Маштоц: создание армянских письмен и словесности, стр. 46—49).

[30] См.: А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 21—24.

[31] См.: В. В. Шеворошкин, О структуре звуковых цепей, «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963, стр. 164—181; его же, Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965 стр. 163—167.

Я	Ч	Ь	Ю	Ц	Ъ	Ы	Э
-Яч	ЯЧЭ	Чы-	Чо7	ЭЦЭ	Ль-	0Гћ	чЭЯ
ЦЯЭ	-чЭ	ЬЧЭ	Ъо-	0-Ц	0ЬЧ	ЦЯ-	0Э0
ЄЯф	ЬЧЧ	ЬЧЧ	ЄО7	Чя4	ЧЬЧ	0Гб	-ГЄ
ГЯЭ	ЧЧЧЬ	ЬЧЬ	40Ћ	ЭЦ7	Ч6О	0Г-	ЧЭЯ
ЬЯЭ	ЬЧЭ	ЬЧЬ	ЦО-Ц	ЭО-Ь	ЧЬЬ	ЦЭЄ	Я7Ч
ЦЯЦ	ЯЧЬ	ЬЬЬ	ЭО-Ь	ЬЬЬ	Чы-	0Г-	Я7О
ЧЯЧ	ЬЧЭ	ЄЬЧ	ЧО-Ћ	ЬЬЬ	Я6Я	0Г€	ЧЭЯ
ЯЭЯ	ЬЧЭ	ЄЬЧ	ЦЬЧ	ЬЬЬ	Ь6Ч	0Г4	Я7Ч
ЭЯЄ	ЧЧЭ	-ЬЧ	ЦЬ	ЬЬЬ	Ь6О	0Г9	ЧЭЯ
ЧЯ-	ЬЧ-	-ЧЬ	ЬО7	ЬЬЬ	Я6Ч	0Г5	ЧЭЦ
ЬЯЛ	ЬЧЧ	ЬЧ-	ЬО7	ЬЬЬ	Ч6Ь	0Г-	Ц7Ц
ЛЯ-	ЧЯЭ	ЬЧЧ	ЬО7	ЬЬЬ	Ь6О	ЦЭЧ	Ц7Ц
ЭЯ-	ЭЯЧ	ЬЧЧ	ЬО7	ЬЬЬ	Ь6Ь	ЦЭЧ	Ц7Ц
-ЯЬ	ЧЯЭ	ЬЧЧ	ЬО7	ЬЬЬ	Ь6Ь	ЦЭЧ	Ц7Ц
ЬЯЛ	ЧЯЭ	ЬЧЧ	ЬО7	ЬЬЬ	Ь6Ь	ЦЭЧ	Ц7Ц
ЯЧЬ	ЧЯЭ	ЬЧЧ	ЬО7	ЬЬЬ	Ь6Ь	ЦЭЧ	Ц7Ц

Ь	Г	Ч	Ѕ	Ɛ	Ꙗ	Ɜ	Ɔ
ЯЋЬ	ЬГ-	-ЧО	-ЅЯ	ЋЄЯ	ЯЬЯ	ЯЖЯ	ЯЖГ
ЋЬЈ	ЖГЧ	ГЧЈ	ЈЅЯ	ЯЄЈ	ЋЬО	ЈЖЧ	ЧЖЧ
ОЋЬ	ЖГО	ЈЧЯ	-ЅО	ЋЄЯ	ЈЬЬ	-ЖЄ	ЬЄЈ
-ЋЈ	ОГГ	ЧЧЧ	ЈЅГ	ЖЄЯ	ЯЬ-	-ЖЈ	-Ɔ7
ЧЋЄ	ГГО	ЈЧЬ	-ЅО	ЖЄЈ		Я Ж-	
ОЋЈ	ЅГЬ	ЖЧ-	-ЅО	ЈЅО			
		-ЧЬ	ЈЅО				

9	Ɉ	Ƨ	Ч	Ո	Ƴ	Ɛ	Ꙁ	Ζ
Ћ9-	-ЈЯ	-ЅЯ	ЈЧЯ	ЯПЯ	-ҮЧ	-Ьɛ	ЧЭЈ	ЯΖЯ
-9Я	ЋЈЧ	ЋЅЯ						
РЯЬ								

Ф	Ц	Ф	Ч	Ѣ	Ҳ	Р	Ь	Ц
ЯЅО	ЧЛ-	Я9Ф	-ЧЬ	ЬЋЯ	ЈЋО	ЬРЧ	9Ь-	ЧЧЯ

бенностей удинского вокализма дает основание для интерпретации сочетаний и в качестве *u* (*-ow*) и *ų* (*-ǫw*) соответственно. Для агванских и с высокой встречаемостью, исходя из системы удинского вокализма и его статистических закономерностей естественно допустить значения типа *e* и *i*. Наконец, графема , дистрибутивно характеризующаяся как гласная, может быть вариантом . Таким образом, в большинстве случаев находят формальное подтверждение фонетические интерпретации «гласных» графем, предложенные А. Г. Абрамяном на основе интуитивного с точки зрения теории дешифровки критерия их сходства с буквами списков алфавита [32].

Намного сложнее фонетическая интерпретация агванских «согласных» графем, продвинувшаяся значительно слабее. Исследование статистической структуры текста в большинстве лезгинских языков (удинском, цахурском, лезгинском, агульском, табасаранском, крызском, хиналугском), показывает, что максимальная встречаемость характеризует здесь среди согласных сонорные *n*, *j*, *r* , *l* и *m*. Кроме того, в удинском в отличие от большинства других лезгинских языков очень высока частотность появления *b*, *x*, *t*, *ḳ* и *ṭ*. Видимо, эти значения и следует прежде всего искать в первой десятке по частотности своего употребления агванских графем , (впрочем, некоторое типологическое сходство шестого и седьмого знаков, а также их взаимоисключающая дистрибуция в эпиграфическом материале — если первый из них встречается только в лапидарной надписи, то другой налицо лишь в граффити — свидетельствуют о том, что они могут быть аллографами одной графемы). Исходя из отдельных рабочих чтений (см. стр. 77—78) и реконструкции списков агванского алфавита намечается следующая интерпретация согласных:

b, *n*, *r*, *s*, *m*, *z*, *w* (малое), *k*, *x*.

Целый ряд отмеченных выше параллелизмов агванского письма с армянским и грузинским — направление письма слева направо, наличие специальных знаков для гласных, передача гласного *u* сочетанием *ow* (и, повидимому, гласного *ų* сочетанием *ǫw*), а также общая стилизация графем под греческое унциальное письмо — дают основание квалифицировать и агванское письмо как грецизованную вариацию одного из несемитических ответвлений арамейской графической основы и подозревать участие его в оформлении деятелей грекофильского направления.

Если в области дешифровки агванских надписей наметился некоторый прогресс, то в целом значительно менее удовлетворительно состояние их интерпретации. Имеющиеся трудности прежде всего объясняются ограниченностью корпуса текста (за исключением краткой последовательности , а также заключительной для трех надписей формулы , слова в нем не повторяются), а также отсутствием билингв (как справедливо отмечает В. Л. Гукасян, нет оснований считать, что фрагмент армянской надписи из четвертого храма Судагылана по содержанию тесно связан с агванской надписью на постаменте креста [33]). Единст-

[32] См.: А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 27—29, 31—33. Исключение составляет его толкование как *ä* и как *äw* (см. там же, стр. 42 и 52).

[33] См.: Г. Ворошил, К дешифровке албанских надписей Азербайджана, «Этимология», IV (в печати). Ср., однако: А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 17—20.

венная попытка интерпретации памятников, предпринятая А. Г. Абрамяном, едва ли может считаться удачной, так как, если даже оставить в стороне недостаточную строгость интерпретатора в обращении с самим эпиграфическим материалом[34], она основана на априорном убеждении в том, что реконструкция агванского алфавита по двум сохранившимся спискам автоматически приводит к ключу, посредством которого можно будет прочесть тексты[35]. Между тем, факт неоднократного на протяжении IX—XV вв. воспроизведения списка алфавита средневековыми армянскими переписчиками не сообщает уверенности, что такая «внутренняя» реконструкция приведет к адекватному восстановлению его первоначального облика. Представляется очевидным, что исследование поэтому должно прежде всего опираться на информацию, извлекаемую из самих агванских текстов, которая и призвана верифицировать степень адекватности списков алфавита (еще в 1938 г. А. Г. Шанидзе подчеркивал в этой связи, что звуковые значения, приписанные буквам агванского алфавита, должны быть строго проверены по эпиграфическим материалам[36]). Более того, следует сказать, что именно прогресс, наметившийся в исследовании агванских текстов, доказывает при всей сильной деформации списков агванского алфавита подлинность лежавшего в их основе оригинала. Отсюда следует, что известная вероятность правильности опыта дешифровки, предпринятого А. Г. Абрамяном, характеризует лишь случаи, когда принимаемые им фонетические значения букв приводят к осмысленному, с точки зрения всеми разделяемой удинской гипотезы, чтению надписей. Таковыми являются значения семи знаков *s*, *e*, *r*, *b*, *z* и *ow*, т. е. *u*, образующие чтения ... *serb*(*i*) «построенный» и *zu* «я». В остальных случаях либо не получается оригинального текста (как замечает В. Л. Гукасян, в чтениях А. Г. Абрамяна подавляющая часть словаря надписей оказывается усвоенной из персидского и армянского источников[37]), либо он достигается за счет недостаточной строгости в обращении с эпиграфическим материалом: интерпретатор недостаточно четко отождествляет и дифференцирует некоторые графемы, иногда игнорирует присутствующие в надписях знаки и, наоборот, учитывает отсутствующие, произвольно избирает порядок чтения строк в надписях (последнее обстоятельство касается надписей на подсвечниках № 1 и 2, использующих преимущественно круговой порядок написания; его недостаточный учет не позволил А. Г. Абрамяну обнаружить важную с точки зрения процедуры дешифровки последовательность знаков, повторяющуюся в заключительной части нескольких надписей[38]).

Нетрудно видеть, что в этих условиях сплошь и рядом могут быть предложены другие рабочие чтения агванского текста. Так, например, вместо бессмысленной интерпретации надписей черепка № 4

---

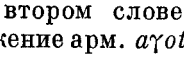
[34] См.: Г. Ворошил, К дешифровке албанских надписей Азербайджана, стр. 13—15.

[35] См.: А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 25.

[36] См.: А. Г. Шанидзе, Новооткрытый алфавит..., стр. 38.

[37] Ср.: Г. Ворошил, К дешифровке албанских надписей Азербайджана, стр. 15—16.

[38] Интуиция не обманула Р. М. Ваидова, правильно определившего начальную грань в надписи подсвечника № 1: см. его ст. «Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура», стр. 110—111; ср.: его же, Фрагмент глиняного подсвечника с албанской надписью, «Доклады [АН АзербССР]», VII, 2, 1951, стр. 83. Автор обзора пользуется случаем выразить глубокую благодарность Р. М. Ваидову за любезное предоставление фотокопий агванских надписей.

как *mayarr...*[39] можно предложить чтение хорошо известного из истории Агвании собственного имени *Manase* «Манасэ», а вместо интерпретации последовательности  как *guse γatosroä...* «святой храм» (во втором слове которой А. Г. Абрамян усматривает гибридное сложение арм. *aγotk* «молитва» и перс. *srah*, ошибочно переводимого А. Г. Абрамяном как «храм») на второй грани надписи на постаменте алтарного креста[40]—23 *usena Xosro(u)* ... «на двадцать третьем году Хосрова» (как с основанием полагает А. Г. Шанидзе, в агванском письме, как и в других закавказских ответвлениях арамейской графической основы использовалось буквенное обозначение чисел). В этом случае эпиграфическую верификацию получили бы знаки алфавита *m*, *a*, *n*, *x*, а также *u*, т. е. *ow*. Если последнее чтение окажется правильным, оно зафиксирует дату построения христианского храма, которому принадлежит алтарный крест, 554 годом[41].

*

Целый ряд благоприятных обстоятельств (типологическая близость агванской системы письма к армянской и грузинской, наличие списков подлинного агванского алфавита, возможность применения в интерпретации памятников этимологического метода конкретной ориентации и т. п.) делают агванистику одной из весьма перспективных отраслей кавказской эпиграфики. Дальнейший прогресс исследования в настоящее время зависит от увеличения корпуса агванских надписей, что создало бы более широкие возможности верификации предлагаемых рабочих чтений. Основные надежды связываются в этом плане с дальнейшим археологическим обследованием исторических центров Агвании (Партав, Чора, Кабала, Кандака, Гис, Тавуш и др.), с одной стороны, и некоторых центров средневекового христианского Востока (Иерусалим, Антиохия, Двин), с другой[42]. Нельзя считать утраченной и надежду на обнаружение палимпсестных агванских текстов на страницах армянских рукописей, первую разведку которых с этой целью еще в 1924 г. предпринял А. Г. Шанидзе[43]. Впрочем, не приходится и переоценивать вероятности новых находок ввиду хронологически ограниченных рамок существования агванской письменности. Как известно, агванская эпиграфика Мингечаура датируется археологами периодом V—VIII вв. (мнение А. Г. Абрамяна о принадлежности отдельных из мингечаурских граффити к X в. базируется на весьма проблематических для современного состояния агванистики палеографических критериях[44]). Любопытен факт, что первая цифра хорошо согласуется с традиционной датой создания агванской письменности Месропом Маштоцем и его агванскими сподвижниками (гипотезу об участии Мес-

[39] А. Г. Абрамян, Дешифровка..., стр. 58.
[40] Там же, стр. 42, 44.
[41] Хосров I Ануширван известен по среднеперсидским надписям своей строительной деятельностью в Агвании, а также принятием на склоне лет христианства (см.: «История епископа Себеоса», Ереван, 1939, стр. 30).
[42] Сохранилось известие о нескольких агванских монастырях в Иерусалиме, часть которых функционировала еще в VII в. (см.: Мовсес Каганкатваци, История Агвании, стр. 324—325).
[43] См.: А. Г. Шанидзе, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев..., стр. 62.
[44] См.: Р. М. Ваидов, Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура, стр. 120; ср., однако: А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 64.

ропа Маштоца в разработке агванского алфавита разделяют Ж. Дюмезиль, Р. Ачарян, К. В. Тревер, А. Г. Абрамян, Р. Хьюсен, Г. Б. Джаукян, Г. Г. Севак и др.[45]), а вторая — со временем утверждения в качестве языка государственной религии Агвании армянского в связи с переориентацией ее церкви на григорианство. (Последняя дата свидетельствует в пользу ранее высказанного А. Г. Шанидзе мнения о том, что эпоха расцвета агванской письменности падает на V—VII вв., и точки зрения Ж. Дюмезиля, согласно которой агванская письменность должна была исчезнуть между VII—X вв.[46])

По-видимому, не столько неблагоприятная политическая судьба Агвании и ислам, сколько весьма ранняя и сильная конкуренция со стороны армянского языка и письма явилась основной причиной вытеснения агванской письменности[47]. Так, из исторических источников хорошо известна активная роль армянских миссионеров в христианизации различных районов Агвании начиная с IV—V вв. Уже во второй половине VII в. придворным поэтом агванского царя Джеваншира был известный армянский поэт Давтак Ритор. Можно думать, что именно к VII—VIII вв. относятся некоторые переводы (в том числе по крайней мере части «Истории Агвании») с агванского языка на грабар[48]. Хотя и трудно согласиться с мнением об арменизации удин в VIII в., которая могла затронуть лишь их отдельные группы, непосредственно соседствовавшие с армяноязычным ареалом, факт их григорианизации в то время едва ли возможно оспаривать.

Налицо и собственно лингвистические свидетельства раннего воздействия армянского на исконные языки Агвании. Так, в удинском и некоторых других лезгинских языках совершенно очевидно наличие слоя древнеармянских лексических заимствований: ср. удин. *xaš* «луна, свет» (также *xaš tesun* «крестить»), лезг. *xaš* «крест» < арм. *xač* «крест»[49], удин. *pilinz* «медь» < арм. *p̣linz* то же, удин. *cil* «семя, потомство» < арм. *cel* «род»[50], удин. *mangal* «коса» < арм. *mangał* «серп» (ср., впрочем, и др.-

---

[45] См.: G. Dumézil, Une chrétienté disparue. Les albaniens du Caucase, стр. 129; К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре кавказской Албании, стр. 307—309; А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, стр. 39; R. H. Hewsen, On the alphabet of the Caucasian Albanians, стр. 432. Ср. также: И. М. Дьяконов, Письменность кавказской Албании, в кн.: И. Фридрих, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961, стр. 184—189. Состояние дешифровки не позволяет в настоящее время специально остановиться на проблеме авторства агванского алфавита. Как известно, комплекс вопросов, связанных с происхождением конкретных алфавитов, относится к наиболее сложным проблемам истории письма, решение которого требует большой осторожности. Обращает на себя внимание факт, что даже в арменистике, располагающей на этот счет определенным историческим указанием, а также рядом верифицирующих (и на наш взгляд — подкрепляющих) его исследований, уже длительное время существует точка зрения, согласно которой Месроп Маштоц мог быть только реформатором армянского письма, но не его создателем; ср., например: Л. М. Меликсет-Бек, К вопросу о генезисе армянского, грузинского и албанского алфавитов, стр. 52—53, 55.

[46] См.: А. Г. Шанидзе, Новооткрытый алфавит кавказских албанцев..., стр. 3; G. Dumézil, Une chrétienté disparue. Les albaniens du Caucase, стр. 126.

[47] Ср.: [С. Т. Еремян], Идеология и культура Албании III—VII вв., в кн.: «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.», М., 1958, стр. 328; см. также: З. Буниятов, Азербайджан в VII—IX вв., стр. 93—94, 100.

[48] См.: З. Буниятов, указ. соч., стр. 97.

[49] Ж. Дюмезиль показал, что в связи с аккомодацией местного культа луны к христианству исконное название луны *waz* (точнее — *baz* — *Г. К.*) в удинском было вытеснено армянским *xač* «крест». См.: G. Dumézil, Une chrétienté disparue. Les albaniens du Caucase, стр. 129—130.

[50] Для последнего примера Гр. Капанцян предполагает обратную зависимость: Гр. Капанцян, К происхождению армянского языка, Ереван, 1946, стр. 39.

груз. *mangal*), удин. *ḳala* «хромой» < арм. *ḳaɫ* то же[51] (для четырех последних армянизмов terminus post quem non — IX в., так как в это время в армянском завершается процесс $ɫ > γ$) и, возможно, удин. *gergec* «церковь» < арм. *jeḳeɫeci* то же (ср. идущее, может быть, из того же источника чеч.-инг. *elgəc* «часовня, замок»). Длительному контакту с некавказскими языками и прежде всего с армянским языком можно приписать и то обстоятельство, что удинский является единственным кавказским языком, не знающим смычногортанных согласных, полностью замененных напряженными (впрочем, позиционный переход смычногортанных фонем в напряженные известен и в лезгинском). Еще одним армянизмом удинского можно, по-видимому, считать наличие в нем единого дательно-винительного падежа, функционально близкого его армянскому соответствию. В то же время еще А. Дирр (1910 г.) высказывал мнение о том, что деградация эргативной конструкции предложения в удинском языке обусловлена воздействием армянского и азербайджанского языков. Обращает на себя внимание и такая черта ниджского диалекта удинского языка, характерная для средневекового состояния армянского языка, как необходимость для гласного анлаута и ауслаута слова согласной опоры в виде *h* и *j*[52].

---

[51] См.: S. B u g g e, Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», XXXII, 1893, стр. 50; см. также: Р. А ч а р я н, Этимологический коренной словарь армянского языка, III, Ереван, 1928, стр. 884 (на арм. яз.).

[52] См.: В. Н. П а н ч в и д з е, Грамматический анализ удинского языка, стр. 198, 205; В. Л. Г у к а с я н, Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка. Канд. диссерт., Баку, 1965, стр. 88—89 и 91.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

М. Г. ТАРЛИНСКАЯ

АКЦЕНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО СИЛЛАБО-ТОНИЧЕСКОГО СТИХА

Целью настоящей работы является исследование особенностей акцентуации и языкового наполнения метрической формы английского силлаботонического стиха на примере пятистопного ямба [по 624 строки из поэм А. Попа (A. Pope) «The rape of the lock» (приводится по собранию его произведений «Poetical Works», London, 1908) и Дж. Г. Байрона (G. G. Byron) «Childe Harold's pilgrimage» (приводится по собранию его произведений «Poetical Works», London, 1914)].

Акцентуация стиха, согласно принимаемой нами точке зрения, является результатом взаимодействия[1] фразовых акцентов речи и ведущего ритмического импульса ямба (термин Б. В. Томашевского). Поскольку ямбический ряд представляет собой в основной массе чередование относительно слабоударных и сильноударных слогов через один, возникает особая ритмическая тенденция, влияющая на акцентуацию речевого материала стиха. Она проявляется, главным образом, в некотором перераспределении фразовых акцентов[2] и в акцентном усилении и ослаблении тех слогов, которые попадают на сильные и слабые потенциальные метрико-слоговые позиции стихоряда соответственно[3]. Потенциально ударная метрико-слоговая позиция будет в дальнейшем, в отличие от реальных фразовых акцентов, обозначаться знаком [+], потенциально безударная позиция — знаком [—]. Необходимым условием сравнительного исследования акцентных особенностей стихотворных текстов, написанных по единому метрическому принципу, является выработка единого условного эталона акцентуации различных типов слогов на обеих потенциальных метрико-слоговых позициях ямбического ряда.

Вопрос о результате взаимовлияния английских речевых акцентов и ведущей ритмической тенденции ямба решался следующим образом. Принято считать, что в современной английской речи существует четыре акцентных типа слога, а именно: [ˈ] — максимально сильное ударение; [ˆ] — сильное ударение; [ˋ] — второстепенное ударение; и [˘] — слабое ударение. Поскольку для структуры стиха наиболее существенным является противопоставление сильноударности и слабоударности, первые два акцентных типа слога можно объединить в одно понятие — сильноударность, которая в дальнейшем будет обозначаться знаком [ˈ]. Далее предположим, что сильноударные и слабоударные слоги, не меняя своего основного качества — сильноударности и слабоударности — подвергаются известной

[1] См., например: М. Верли, Общее литературоведение, М., 1957, стр. 134.

[2] См., например: Р. О. Якобсон. О чешском стихе, М., 1923, стр. 18; Б. В. Томашевский, О стихе. Статьи, Л., 1929, стр. 75—76; Л. И. Тимофеев, Стих и проза, М., 1935, стр. 173; V. M. Hamm, Meter and meaning, «Publications of the Modern language association of America», LXIX, 4, pt. 1, 1964, стр. 107.

[3] См.: В. М. Жирмунский, Введение в метрику, Л., 1925, стр. 86; B. Hrushovsky, On free rhythms in modern poetry, «Style in language», New York — London, 1960, стр. 175.

акцентной модификации на каждой из двух потенциальных метрико-слоговых позиций. Сильноударные слоги на [—] позиции в акцентном отношении чуть слабее, чем на [+] позиции. Так, ряд *caves, rocks, dens, ferns*, согласно принимаемому положению, в ямбическом и хореическом рядах звучит поразному. Слабоударные слоги подвергаются некоторому акцентному усилению на [+] метрико-слоговых позициях стихоряда. Такое акцентное усиление характеризует в первую очередь односложные слова (типа служебных). Однако оно, по-видимому, способно возникать и на безударных слогах многосложных слов типа *inhabitants* [— ⊥ — ˗], *destiny* [⊥ — ˗] (нечто вроде «интенс» Шенгели). Причины следующие: 1) для английского языка характерна ритмическая тенденция чередования ударных слогов через один; 2) в силу этой тенденции в английском языке существует большое количество многосложных слов с двумя ударениями, расположенными через слог (например, *magazine* [⊤ _ ⊥]). По аналогии, под влиянием общей ритмической тенденции ямба, небольшое акцентное усиление может возникнуть и на тех безударных слогах многосложных слов типа *inhabitants*, которые попадают на [+] позицию стихоряда. Это усиление не касается второго слога двусложных слов, в пределах которых осуществляется явление так называемой ритмической инверсии (например, ***Sudden*** *he stops; away...*). Однако ничтожное количество таких слов позволяет их в расчет не принимать. Таким образом, слоги, характеризуемые [˘] фразовым ударением, приобретают в стихе две степени акцентной выделенности: 1 — на [—] позиции и 2 — на [+] позиции. Слоги, характеризуемые [′] ударением, также получают в стихе два варианта, обозначенные здесь цифрой 3 (на [—] метрико-слоговой позиции) и цифрой 4 (на [+] метрико-слоговой позиции). Акцентный уровень 2 — это пропуск сильного фразового ударения, требуемого ямбической схемой чередования акцентов, а уровень 3 — внесхемное фразовое ударение ямбического ряда.

Английское второстепенное ударение, точно так же как сильное ударение в словах с двумя сильноударными слогами, в ритмическом отношении является наиболее гибким материалом. Хорошо известно, что под влиянием фразового ритма эти ударения могут исчезать (ср. *'old -gold'colour* и *it 'looks old-'gold*). Тем более можно допустить, что под влиянием общего ритмического строя стиха слоги, характеризуемые второстепенным ударением, а также сильным ударением в двуударных словах, получают в стихотворной речи только два уровня акцентуации: 1 и 4, поскольку на [—] метрико-слоговых позициях слоги указанных типов «опускаются» до уровня безударных, а на [+] метрико-слоговых позициях «дотягиваются» до уровня сильноударных.

Звучание каждого из четырех акцентных типов слогов зависит и от характера слогового окружения. Учитывая только непосредственное двустороннее окружение каждого из четырех акцентных типов слогов, будем рассматривать языковое наполнение шестнадцати возможных слоговых сочетаний по три. На [+] метрико-слоговой позиции это сочетания 1 4 1, 3 4 1, 1 4 3, 3 4 3, 1 2 1, 3 2 1, 1 2 3, 3 2 3; на [—] метрико-слоговой позиции —4 1 4, 2 1 4, 4 1 2, 2 1 2, 4 3 4, 2 3 4, 4 3 2, 2 3 2.

Для того чтобы выявить конкретные речевые варианты ямбических трехсложных сочетаний, остановимся на особенностях акцентуации в стихе многосложных и односложных слов. В словах многосложных ударный слог, за редчайшими исключениями внутристопной инверсии, описываемой ниже, всегда совпадает с [+] метрико-слоговой позицией. Следовательно, словесное ударение многосложных слов совпадает с формообразующим фразовым ударением стихоряда. Поскольку в стихе, по сравнению с прозой, под влиянием ведущего ритмического импульса общее количество слогов с сильными степенями акцентной выделенности возрастает, то можно

условно считать, что многосложные слова в стихе, как правило, всегда несут сильное фразовое ударение.

Иное дело слова односложные. Ввиду особенностей своей структуры и широко известной акцентной гибкости[4] эти слова могут занимать как [+],так и [—] метрико-слоговые позиции стихоряда. Известно, как трудно бывает порой решить, ударно или безударно то или иное односложное слово на той или другой метрико-слоговой позиции. Если принять во внимание большое количество односложных слов в английской нестихотворной речи (по нашим данным, в художественной прозе от 60 до 70% всех слов) и еще большее количество этих слов в стихе (от 73 до 76% всех слов), то актуальность проблемы ударности односложных слов в стихе становится очевидн й. Казалось бы, решить эту проблему не представляет особого труда. Существует общее положение, согласно которому ударность слова в речи прямо пропорциональна его значимости и степени его синтаксической самостоятельности. Так, односложные имена существительные, видимо, целесообразно считать ударными как на [+],так и на [—] метрико-слоговых позициях стихоряда,тогда как артикли безударны даже на [+] метрико-слоговых позициях. Однако приступая к изучению акцентуации стихотворного текста, мы сталкиваемся с огромной массой слов, степень ударности которых определить сложно. Таковы, например, некоторые наречия, местоимения, междометия.

В. М. Жирмунский, анализируя акцентные характеристики односложных слов в русском стихе, разделил эти последние на три акцентных категории: всегда ударные, всегда безударные и акцентно-двойственные слова, ударные на [+] и безударные на [—] метрико-слоговых позициях стихоряда[5]. Подобное разделение можно провести и в английском языке. Одни и те же односложные слова в стихе в тождественных условиях должны акцентироваться тождественно, иначе исчезает единый принцип сравнения текстов. Для того чтобы разделить односложные слова на три четких категории, нами была составлена «анкета» из шести пунктов: 1) морфологические характеристики односложного слова; 2) синтаксические особенности слова; 3) семантические особенности и эмоциональная окрашенность слова; 4) общепринятая акцентная характеристика слова в нестихотворной речи; 5) звуковой состав слова и способность к редукции; 6) метрические характеристики слова.

Предполагается, что метрическая сетка стиха может в известной степени сама служить индикатором силы акцентуации односложных слов в стихе. Чем чаще слово попадает на [+] метрико-слоговые позиции, тем более ударным оно звучало для поэта; чем чаще слово встречается на [—] метрико-слоговых позициях, тем слабее степень его акцентной выделенности. Поскольку под влиянием ритмического строя ударность односложных слов в стихе несколько отличается от их ударности в нестихотворной речи, метрические характеристики односложных слов предположительно способны указать на общеязыковые особенности акцентуации односложных слов и отразить те изменения, которые акцентуация односложных слов претерпевает в стихе.

Односложные слова из текстов выборок были предварительно поделены на 21 класс, получивший название акцентно-смыслового. При этом принимались во внимание не только их лексико-грамматические особенности, но и поведение в метрическом ряду. Поэтому выделенные классы далеко не всегда совпадают с общепринятыми частями речи (табл. 1,2). Акцентуация односложных слов в стихе зависит также от их функции в предложении и от

[4] См.: C h. F. H o c k e t t, A course in modern linguistics, New York, 1960, стр. 151 и сл.

[5] В. М. Ж и р м у н с к и й, указ. соч., стр. 98 и сл.

Таблица 1

Общие метрические характеристики выделенных классов односложных слов (А. Поп)

Классы односложных слов	Метрическая характеристика классов			
	общее количество слов на класс	на метрическом месте +	на метрическом месте —	метрический индекс + / —
Имя существительное	830	792	38	20,84
Смысловые глаголы	438	380	58	6,55
Детерминативные причастия	43	31	12	2,58
Местоимения-существительные	57	38	19	2,00
Прилагательные	129	67	62	1,08
Наречия	209	104	105	0,99
Местоимения неопределенные, отрицательные, указательные	81	36	45	0,80
Модальные глаголы	47	19	28	0,68
Предлоги	444	171	273	0,63
Числительные	25	8	17	0,47
Вспомогательные глаголы	70	21	49	0,43
Подчинительные союзы	77	21	56	0,37
Вопросительные местоимения и наречия	19	5	14	0,36
Относительные местоимения и наречия	87	22	65	0,34
Личные местоимения	119	26	93	0,28
Сочинительные союзы	258	38	220	0,17
Частица *to*	49	7	42	0,17
Междометия	15	1	14	0,07
Артикли	392	20	372	0,05
Притяжательные местоимения	182	9	173	0,05
Восклицательные местоимения и наречия	1	—	1	—
Итого все односложные слова	3572	1816	1756	1,035

их расположения по отношению к тем словам, с которыми они синтаксически связаны. Поэтому внутри некоторых классов выделялись синтагматические структуры, релевантные метрически. Таковы, например, структуры в классе «прилагательные»[6]: Adj + N, Adj + V, в которых прилагательное оказывается, как правило, на [—] метрико-слоговой позиции, в отличие от структур Adj + Phr + N, N + Adj, N + Phr + Adj, V + Adj и др., где прилагательное чаще всего попадает на [+] позицию. В отличие от синтагматических структур, синтаксические конструкции метрически часто иррелевантны, например, $\overset{+}{\textbf{\textit{must}}}\ \overset{-}{\textit{he}}\ \overset{+}{\textit{see}}$ и $\overset{+}{\textbf{\textit{must}}}\ \overset{-}{\textit{not}}\ \overset{+}{\textit{see}}$.

Главным показателем метрических характеристик класса считался его метрический индекс (МИ). МИ — это частное от деления количества случаев употребления слов данного класса на [+] метрико-слоговых позициях на количество случаев употребления слов этого класса на [—] метрико-слоговых позициях стихоряда. При МИ больше единицы класс назывался метрически самостоятельным, меньше — метрически несамостоятельным. Если МИ примерно равен единице, то класс назывался метрически двойственным.

В табл. 1 и 2 акцентно-смысловые классы расположены в порядке уменьшения МИ. Порядок расположения классов, за единичными исключениями,

[6] В статье приняты следующие сокращения: П.— Поп (цифры обозначают песнь и строку); Б.— Байрон (цифры обозначают песнь, строфу, строку); Adj — adjective; Art — article; Attr — attribute; N — noun; Phr — «phrase», слово или группа слов, разделяющие члены синтагматической структуры; Prp — preposition, V — verb.

Таблица 2

Общие метрические характеристики выделенных классов односложных слов (Дж. Г. Байрон)

Классы односложных слов	Метрическая характеристика классов			
	общее количество слов на класс	на метрическом месте +	на метрическом месте −	метрический индекс $\frac{+}{-}$
Имя существительное	735	690	45	15,33
Смысловые глаголы	380	344	36	9,55
Местоимения-существительные	44	36	8	4,50
Детерминативные причастия	60	48	12	4,00
Наречия	244	146	98	1,49
Прилагательные	169	95	74	1,28
Числительные	21	8	13	0,61
Предлоги	402	158	249	0,61
Вопросительные местоимения и наречия	16	6	10	0,60
Модальные глаголы	69	23	46	0,50
Вспомогательные глаголы	182	58	124	0,48
Личные местоимения	226	69	157	0,44
Относительные местоимения и наречия	123	36	87	0,41
Подчинительные союзы	124	32	92	0,36
Местоимения неопределенные, отрицательные, указательные	61	15	46	0,33
Сочинительные союзы	243	42	201	0,21
Притяжательные местоимения	217	25	192	0,13
Частица *to*	50	5	45	0,11
Артикль	326	24	302	0,08
Местоимения	17	1	16	0,06
Восклицательные местоимения и наречия	4	0	4	—
Итого все односложные слова	3713	1856	1857	0,999

соответствует уменьшению их лексической и синтаксической самостоятельности и общеречевой акцентной выделенности. Однако понятия метрической самостоятельности, несамостоятельности и двойственности не всегда соответствуют общепринятым понятиям лексической, синтаксической и акцентной самостоятельности и несамостоятельности. Следовательно, МИ есть величина относительная, характеризующая данный класс наиболее полно лишь в сопоставлении с МИ других классов.

Метрические характеристики односложных слов способны отразить самые различные общеязыковые и специфические свойства этих слов и их речевых сочетаний. Приведем несколько примеров. Самый высокий, стоящий совершенно отдельно от прочих МИ несут имена существительные. На втором месте по величине МИ стоят смысловые глаголы. Следовательно, у обоих поэтов имена существительные и значимые глаголы стоят почти исключительно на [+] позиции. Большие МИ имен существительных и смысловых глаголов отражают известные общеязыковые особенности этих слов, образующих основной смысловой и структурный костяк предложения.

В табл. 1, 2 класс «причастия» находится между классом «смысловой глагол» и классами «прилагательное» и «наречие». Эти данные соответствуют известной общей закономерности английского языка, согласно которой причастия как особая форма глагола, занимают промежуточное положение между глаголом, с одной стороны, и прилагательным и наречием, с другой.

В обеих таблицах модальные глаголы предшествуют вспомогательным. По-видимому, при сходных синтагматических и акцентных характеристиках классы модальных и вспомогательных глаголов различаются степенью своей лексической и синтаксической самостоятельности. Действительно, вспомогательные глаголы *to be*, *to do*, *to have* более «чисто-вспомогательны», менее значимы и менее эмоционально окрашены, чем модальные глаголы.

Метрические характеристики акцентно-смысловых классов отражают те новые или видоизмененные по сравнению с нестихотворной речью черты, которые некоторые односложные слова и их речевые сочетания приобретают в стихе. Так, МИ прилагательных у обоих поэтов близок к единице. Это объясняется тем, что односложные прилагательные в стихотворной речи, в особенности в тех синтагматических структурах, в которых эти прилагательные не отделены от своего определяемого словом или группой слов, часто попадают на [—] метрико-слоговые позиции и под влиянием общей ритмической инерции в следовании фразовых ударений акцентно ослабляются. Последовательно возникающее, становящееся конвенциональным, акцентное ослабление прилагательных и других односложных атрибутов в стихе — это значительное усиление качества, которым эти слова, в особенности постоянные эпитеты и члены иных традиционных структурных сочетаний, потенциально обладают и в нестихотворной речи, поскольку слова в нетрадиционных сочетаниях, как и редкие слова, чаще выделяются фразовым ударением, чем часто употребимые слова или слова в традиционных сочетаниях[7]. Приводимые ниже примеры расположены в порядке убывания акцентной выделенности повторяющихся элементов: *new yarn*, *new year*; *New York*; *good morning* «хорошее утро» и *good morning* (приветствие). Сходные примеры приводит Ч. Хоккет[8].

Метрические характеристики односложных слов являются результатом сложного взаимодействия ряда факторов, главным из которых является смысловой (ср. МИ имен существительных и артиклей), фактор традиционной речевой акцентуации (ср. МИ личных местоимений и местоимений-существительных), синтагматический (ср. ***must*** *see* и ***must*** *well* *see*), стилистико-экспрессивный, сочетающийся с рядом других факторов (ср. ***proud*** *triumph* и *tyrants* ***fierce***), и фактор «случайного ритма», проявляющийся в том, что метрические характеристики односложного слова, в особенности слова подчиненного или служебного, зависят от слоговых характеристик последующего слова (ср. ***the*** *day* и *the* ***disdain***). Тем не менее можно сделать вывод о том, что метрические характеристики могут использоваться в качестве индикатора общеязыковой и специфической, возникающей только в стихотворной речи, акцентной выделенности односложных слов.

При установлении принадлежности какого-либо акцентно-смыслового класса к одной из трех акцентных категорий выдвигалась предпосылка, что принимаемый вариант акцентуации должен быть возможно более неэмфатическим. Поэтому к категории всегда безударных слов были отнесены только артикли, частица *to* и предлоги. В категорию всегда ударных слов попали: имя существительное, смысловой глагол, причастия, прилагательные, наречия (кроме единичных исключений, типа *there* в обороте *there is...*), числительные, местоимения-существительные, вопросительные слова, бóльшая часть междометий. Остальные классы считаются метрически двойственными. Разумеется, границы между категориями достаточно условны и могут быть сдвинуты в ту или иную сторону.

Акцентные характеристики односложных слов в стихе можно предста-

[7] См.: И. М. Я г л о м, Л. Р. Д о б р у ш и н, А. М. Я г л о м, Теория информации и лингвистика, ВЯ, 1960, 1, стр. 102.

[8] Ch. F. H o c k e t t, указ. соч., стр. 51.

вить следующим образом. Всегда ударные односложные слова получают 4 и 3 степени акцентной выделенности на [+] и [—] позициях соответственно. Всегда безударные слова несут 1 и 2 степени акцентной выделенности на [—] и [+] позициях соответственно. Двойственные же односложные слова, подобно слогам с второстепенным ударением, получают 4 степень акцентуации на [+] и 1 степень на [—] метрико-слоговых позициях стихоряда.

С помощью принятой четырехступенчатой системы акцентуации слогового материала стиха были закодированы стихоряды обеих выборок и исследовались все 16 теоретически возможных сочетаний слогов по три. Ниже следуют примеры речевой реализации трехсложных сочетаний, получивших в работе условные названия «пиков» и «провалов» ямбической волны.

Виды «пиков» (центральный слог занимает [+] метрико-слоговую позицию):

1) 1 4 1

1) ¹*The* ⁴*mor*¹*ning-dream* . . . (П., 1, 22)
2) ¹*But* ⁴*spent* ¹*his days* . . . (Б., 1, 2, 3)

2) 3 4 1

1) ³*Know* ⁴*fur*¹*ther yet* . . . (П., 1, 67)
2) ³*Oh*! ⁴*thou*! ¹*in Hellas* . . . (Б., 1, 1, 1)

3) 1 4 3

1) ¹*And* ⁴*calls* ³*forth all the wonders* . . . (П., 1, 142)
2) *Assy*¹*ria* — ⁴*Greece* — ³*Rome* — *Carthage* . . . (Б., 4, 182, 2)

4) 3 4 3

1) ³*Say* ⁴*what* ³*strange motive* . . . (П., 1, 7)
2) ³*Too* ⁴*swept* ³*off senates* . . . (Б., 4, 85, 3)

5) 1 2 1

1) . . . *th'imprisoned es*¹*sen*²*ces* ¹*exhale*; (П., 2, 94)
2) . . . *are e*¹*vils* ²*of* ¹*a day*. (Б., 4, 78, 8)

6) 3 2 1

1) ³*Fai*²*rest* ¹*of mortals*! *thou* . . . (П., 1, 27)
2) ³*Such* ²*the* ¹*un gentle sport* . . . (Б., 1, 80, 1)

7) 1 2 3

1) ¹*In* ²*the* ³*clear Mirror* . . . (П., 1, 108)
2) *Thy val*¹*ley* ²*of* ³*sweet waters* . . . (Б., 3, 50, 7)

8) 3 2 3

1) ³*Chlo*²*e*³ *stepp'd in, and kill'd* . . . (П., 5, 68)
2) ³*Shake* ²*the* ³*red cloak, and* . . . (Б., 1, 78, 6)

Виды «провалов» (центральный слог занимает [—] метрико-слоговую позицию):

1) 4 1 4

1) . . . *she* ⁴*said*, ¹*and* ⁴*trumps* . . . (П., 3, 46)
2) *Of* ⁴*yoth*¹*ful* ⁴*sports* . . . (Б., 5, 184, 2)

2) 2 1 4

1) . . . *the whisper* ²*in* ¹*the* ⁴*dark* (П., 1, 74)
2) *with loveli*²*ness*; ¹*tis* ⁴*lone* (Б., 3, 104, 6)

3) 4 1 2

1) . . . *his* ⁴*mis*¹*tress* ²*with his tongue.* (П., 1, 116)
2) *a Nation* ⁴*tur*¹*bu*²*lent and bold*: (Б., 2, 47, 6)

4) 2 1 2[9]

1) *All tenant* ²*less*, ¹*save* ²*to the crannying Wind*, (Б., 3, 47, 3)
2) *Peop* ²*ling* ¹*it* ²*with affection*; *but he found* (Б., 3, 104, 2)

5) 4 3 4

1) . . . *the* ⁴*ground* ³*gives* ⁴*way*, (П., 5, 51)
2) *Which slope his* ⁴*green* ³*path* ⁴*downward* . . . (Б., 3, 101, 4)

6) 2 3 4

1) *And* ²*the* ³*long* ⁴*la*bours . . . (П., 3, 24)
2) *The very sepul*²*chres* ³*lie* ⁴*te*nantless (Б., 4, 79, 6)

7) 4 3 2

1) *On the rich* ⁴*quilt* ³*sinks* ²*with becoming woe.* (П., 4, 35)
2) *The convoy spread like* ⁴*wild* ³*swans* ²*in their flight* (Б., 2, 17, 7)

8) 2 3 2 — примеров нет.

[9] Только у Байрона.

Подавляющее большинство пиков и провалов составляют, естественно, пики 1 4 1 и провалы 4 1 4. Остальные пики и провалы, получившие название пиков и провалов редких видов, распространены следующим образом: у Попа — 18,8% пиков редких видов от всех видов пиков, у Байрона — 24,3%; у Попа 21,4% провалов редких видов от всех видов провалов, у

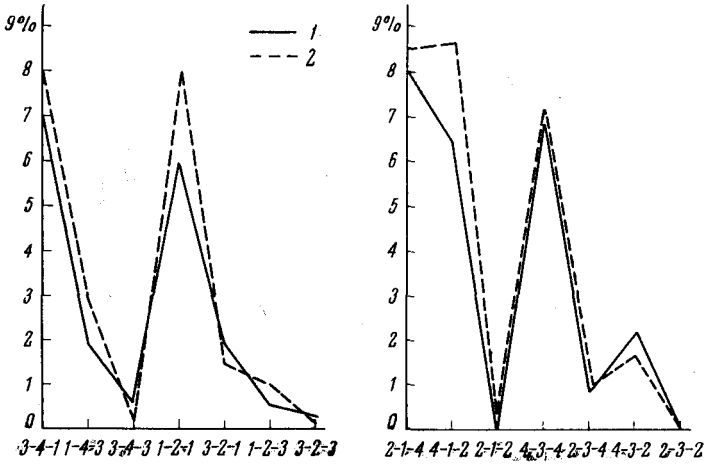


Рис. 1. Повторяемость редких видов пиков (слева) и провалов (справа) (*1* — А. Поп, *2* — Дж. Г. Байрон)

Байрона — 27,1%. Частота употребления пиков и провалов редких видов показана на рис. 1. Что касается их распределения по метрико-слоговым позициям, то пики в большей степени, чем провалы, тяготеют к началу строки (рис. 2). При большом сходстве в организации акцентно-слогового материала в обоих выборках, пики и в особенности провалы редких видов распределены по стихоряду Байрона несколько более равномерно, чем у Попа. Некоторый подъем кривых на 5 (только у Байрона), 6 и 7 метрико-слоговых позициях свидетельствует об ослабленном повторении в начале второго полустишия акцентных особенностей начала стихоряда. Это следы цезуры, проявляющейся уже в пятистопном ямбе.

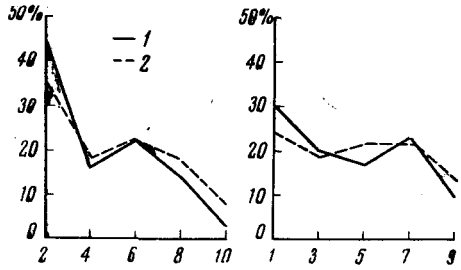


Рис. 2. Распределение редких видов пиков (слева) и провалов (справа) по метрико-слоговым позициям стихоряда (*1* — А. Поп, *2* — Дж. Г. Байрон)

По степени отхода от типичного ямбического ряда пики и провалы редких видов можно подразделить на четыре категории: с одним боковым слогом редкой акцентуации (пики 3 4 1, 1 4 3, провалы 2 1 4, 4 1 2), с одним центральным или двумя боковыми слогами редкой акцентуации (пики 1 2 1, 3 4 3, провалы 4 3 4, 2 1 2); с одним центральным и одним боковым слогами редкой акцентуации (пики 3 2 1, 1 2 3, провалы 2 3 4, 4 3 2), с тремя слогами редкой акцентуации (пик 3 2 3, провал 2 3 2). Такое разделение и объединение пиков и провалов редкой акцентуации является следствием того, что характер акцентуации стихоряда зависит не только от объективной силы артикуляции каждого слога, но и от относительной выделенности каждого данного

слога среди окружающих слогов. Так, во вторую группу объединены пики и провалы, имеющие один центральный или два боковых слога редкой акцентуации, так как в обоих случаях сохраняется основное, ямбическое направление пика или провала при уменьшении разницы в силе артикуляции боковых и центрального слога. Эта разница в силе артикуляции появляется только в стихе. В прозе эти слоги по силе артикуляции были бы равны. Так, в ^{3}*Say*, ^{4}*what* ^{3}*strange motive*... первые три слога в прозе были бы равным образом сильноударными, а в ^{1}*to* ^{2}*the* ^{1}*destruction*...— равным образом слабоударны.

В третьей группе пиков и провалов имеются сочетания редких слогов по два, а именно 3 2 и 2 3. Сочетание 3 2 — это известный ритмический модулятор, носящий название «ритмическая инверсия». Эта инверсия осуществляется в пределах одной и той же стопы и поэтому получила в работе название в н у т р и с т о п н о й в отличие от другого вида инверсии 2 3, осуществляющейся на стыке стоп. Такую инверсию мы называем с т ы к о в о й. В третьей группе пиков и провалов совершенно исчезает ямбическое соотношение силы артикуляции слога (— ⟨ + ⟩ — ⟨ + и т. д.). Налицо либо нарастание силы артикуляции, как в 1 2 3 (^{1}*And* ^{2}*the* ^{3}*press' d watch*...), либо спад силы артикуляции, как в 3 2 1 (^{3}*Loose* ^{2}*to* ^{1}*the wind*...).

В последней группе практически встретился только один вид пика (3 2 3), где сопряжены оба вида ритмической инверсии. Реальное соотношение силы артикуляции слогов здесь прямо противоположно типичному. В этом случае можно говорить о явлении как бы «вклинивания» в ткань ямба иного размера, видоизмененного волной господствующего метра. В самом деле, ^{3}*Sol* ^{2}*thro* ^{3}*white* (*curtains*...) можно было бы представить себе в хореическом ряду типа *Sol thro white brocade*...

Важной представляется проблема конкретного речевого выражения слогов и сочетаний слогов редкой акцентуации. Все встретившиеся случаи можно подразделить на три категории: одиночные слоги редкой акцентуации, сочетания слогов редкой акцентуации по два (3 2 и 2 3), сочетания слогов редкой акцентуации по три (3 2 3).

В то время как у Попа на 3% больше, чем у Байрона слогов с акцентной характеристикой 3, у Байрона на 18% больше, чем у Попа, слогов с акцентной характеристикой 2. Основную массу слогов с акцентной характеристикой 2 составляют у обоих поэтов односложные всегда безударные слова (73% всех безударных слогов у Попа и 55% всех безударных слогов у Байрона). Остальные слоги с акцентной характеристикой 2 — это безударные слоги многосложных слов. Среди слогов с акцентной характеристикой 3 подавляющее большинство составляют односложные всегда ударные слова, и незначительное меньшинство — ударные слоги двусложных слов, внутри которых осуществляется явление внутристопной ритмической инверсии 3 2.

Двусложные сочетания 3 2 и 2 3 весьма существенно различаются конкретной языковой реализацией. Так, внутристопная ритмическая инверсия 3 2 осуществляется или в пределах одного и того же двусложного слова (^{3}*Tremb* ^{2}*ling*, *begins*...), или в пределах двух разных, односложных, синтаксически слабо связанных слов (^{3}*Look*/ ^{2}*at her eyes*...). После ударного односложного слова с акцентной характеристикой 3 возможна пауза. Вследствие особенностей своего языкового выражения внутристопная ритмическая инверсия чрезвычайно выпукло выступает на фоне типичного ямбического чередования слогов 1 4 1 4...

Стыковая ритмическая инверсия 2 3 возникает только на месте словораздела. Она осуществляется в подавляющем большинстве случаев в пределах двух односложных, синтаксически связанных слов. 2 — это, как правило, артикль или предлог, а 3 — односложный атрибут, определяющий следующее за ним слово, а односложные атрибуты в стихе постоянно

акцентно ослабляются. Поэтому акцентное отличие сочетаний типа ^{2}(Art/ /Prp) + ^{3}Attr, например, *And* ^{2}***the*** ^{3}***long*** *labours... And* ^{2}***in*** ^{3}***soft*** *bosoms...* от типичного ямбического ряда не столь заметно, как в случае 3 2, например, ^{3}***Pha***^{2}***ntoms*** *that change...*

В сочетании 3 2 3, где наблюдается сопряжение внутристопной и стыковой инверсий, подобная комбинация осуществляется и в языковой реализации этого сочетания, например, ^{3}***Shake*** ^{2}***the*** ^{3}***red*** *cloak...* ^{3}***Bounds*** ^{2}***with*** ^{3}***one*** *lashing spring...*

Коснемся вопроса об акцентной конфигурации стихоряда. На рис. 3 приведено несколько примеров стихорядов различной конфигурации. Горизонтальные линии соответствуют четырем принятым уровням акцентуации. На вертикалях указываются акцентные характеристики каждого из десяти слогов. Стихоряды, содержащие слоги редкой акцентуации, были подразделены на несколько типов в зависимости от количества и расположения слогов редкой акцентуации в строке. В обеих выборках больше всего строк с одним слогом редкой акцентуации, меньше всего строк с четырьмя слогами редкой акцентуации. Стихорядов с пятью и более редкими слогами не обнаружено ни у Попа, ни у Байрона. Чаще всего встречаются одиночные слоги редкой акцентуации, реже всего — три сопряженных редких слога. Четырех сопряженных слогов редкой акцентуации нет ни в одной из выборок.

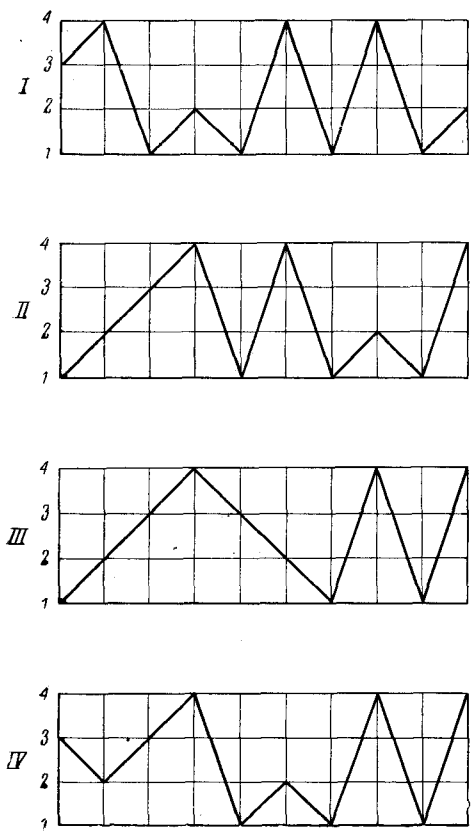


Рис. 3. Примеры стихорядов различной конфигурации (Дж. Байрон, 4,79, 8; 4, 178, 4. А. Поп, 5, 52; 4, 167): I — ^{3}*Old* ^{4}*Ti* ^{1}*ber*! ^{2}*throu gh* ^{1}*a* ^{4}*mar* ^{1}*ble* ^{4}*wil* ^{1}*der*^{2}*ness*? (3...2...2); II — ^{1}*By*^{2}*the* ^{3}*deep* ^{4}*sea,* ^{1}*and* ^{4}*mu* ^{1}*sic* ^{2}*in* ^{1}*its* ^{4}*roar* (...2...3...2...); III — ^{1}*And* ^{2}*the* ^{3}*pale* ^{4}*Ghosts* ^{3}*start* ^{2}*at* ^{1}*the* ^{4}*flash* ^{1}*of* ^{4}*day* (...2 3...3 2...); IV — ^{3}*See* ^{2}*the* ^{3}*poor* ^{4}*remn* ^{1}*ants* ^{2}*of* ^{1}*these* ^{4}*sligh* ^{1}*ted* ^{4}*hairs*? (3 2 3...2..,)

Можно сделать некоторые выводы о случаях, пограничных между ямбом и не-ямбом данных авторов. Здесь следует учитывать не только количество и расположение, но и реализацию редких слогов. Поскольку ни у Попа, ни у Байрона нет ни одного стихоряда с пятью слогами редкой акцентуации, строки с четырьмя редкими слогами можно считать для обоих поэтов предельно допустимыми. Ни у одного из поэтов не встречается четырех сопряженных слогов редкой акцентуации. Следовательно, предельным, пороговым количеством сопряженных слогов редкой акцентуации является три, причем 3 2 3, а не 2 3 2. Ни у одного из поэтов явление стыковой ритмической инверсии не встречается в пределах одного и того же двусложного слова. Тем более это невозможно в сочетании слогов 3 2 3. Следовательно, строка типа ^{3}*Sea,* ^{2}***di***^{3}***vine*** ^{4}*sea,* ^{1}*and* ^{4}*mu*^{1}*sic* ^{2}*in* ^{1}*its* ^{4}*roar* выпала бы из ямбического стиха как Попа, так и Байрона, но могла бы, вероятно, встретиться у других поэтов.

В строе стиха классициста Попа и романтика Байрона наблюдается большое сходство: а) в количестве пиков и провалов редкой акцентуации; б) в небольшом преобладании провалов редкой акцентуации над пиками; в) в конкретной языковой выраженности одиночных слогов 2 и 3, а также двусложных и трехсложных сочетаний этих слогов; г) в конфигурации стихоряда; д) в вариантах, пороговых между ямбом и не-ямбом. Эти данные можно рассматривать как подтверждение выводов В. М. Жирмунского о тяготении Байрона к традициям классического стиха. Возможно также, что результаты исследования свидетельствуют о существовании общих закономерностей для стиха данного типа на данном языке. Общие закономерности английского ямба являются следствием особенностей английского языка и существующих в английской поэзии традиций. Сходство в пороговых вариантах исследуемых авторов наталкивает на мысль о том, что при обширном материале из произведений многих поэтов можно более четко установить границы между стихом и не-стихом данного типа для определенного периода развития данного языка.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

Н. И. СЕРКОВА

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕРМИНАХ «СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ»

В настоящее время лингвистика все большее внимание уделяет языку не как средству передачи уже готовых мыслей, а как средству их формирования. Поэтому грамматика языка рассматривается не как наука, имеющая целью описание некоторого числа конкретных произведений речи, а как наука, которая должна заниматься обнаружением «тех глубинных закономерностей языковой структуры, которые управляют построением всех создаваемых при помощи этого языка речевых произведений»[1]. Поэтому главной задачей многих синтаксических исследований становится раскрытие системы языка, механизма его действия, проникновение в его внутреннее устройство.

До последнего времени основными исследуемыми единицами оказывались морфема, слово, словосочетание и предложение, хотя понятие единства, большего чем предложение, уже давно выдвинуто русской лингвистикой. Так, А. М. Пешковский в собственно литературной речи выделял крупную синтаксическую единицу — фразу: «Под фразой мы понимаем... всякий отрезок речи от одной разделительной паузы до другой, независимо от того, из скольких предложений состоит он»[2]. Исследованию сверхфразовых единств (или фраз, или сложных синтаксических целых) посвящены теперь многочисленные работы по синтаксису и стилистике[3].

Однако в описаниях сверхфразовых единств главное внимание большей частью уделяется средствам связи между предложениями и абзацами, с одной стороны, а с другой стороны, сверхфразовое единство рассматривается как единица композиции. Изучение же сверхфразового единства с точки зрения его структуры еще только начинается. Следует заметить, что обращение к исследованию сверхфразовых единств в высокоразвитых языках вполне закономерно, ибо реальным высказыванием в таких языках является сложное высказывание. Поэтому с точки зрения непрерывного речевого потока выделение предложения из контекста так же услов-

---

[1] О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян, Современные синтаксические теории, М., 1963, стр. 104.

[2] А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956, стр. 460.

[3] Ср. И. А. Фигуровский, От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста, «Р. яз. в шк.», 3, 1948; В. А. Никольский, Предложение и контекст, «Р. яз. в шк.», 6, 1948; Г. А. Золотова, Структура сложного синтаксического целого в Карамзинской повести, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», III, 1954; Т. С. Рядnова, Анализ абзаца как композиционно-синтаксического элемента языка художественной литературы, «Исследования по синтаксису английского языка», ч. 1, М., 1961; В. С. Юрченко, Функционально-структурные типы фразы. Автореф. канд. диссерт., Саратов, 1963; Т. И. Сильман, Синтаксические связи между предложениями и их значение для структуры отдельного предложения и структуры абзаца (на материале современного немецкого языка), ФН, 2, 1965; В. П. Николаева, Абзац, его строение, содержание и композиционно-стилистическая роль в рассказах А. П. Чехова, Автореф. канд. диссерт., М., 1965.

но, как выделение словосочетания из предложения, слова из словосочетания или морфемы из слова [4].

В настоящей работе «сверхфразовое единство» понимается как такая синтаксическая единица, которая 1) обычно представляет собой совокупность «предложений» [5]; 2) обладает внутренней структурной и семантической организацией; 3) выступает в связной речи как законченная коммуникативная единица. Формальным признаком, по которому одно сверхфразовое единство отграничивается от другого в письменной речи, является красная строка.

Совершенно очевидно, что человеческая речь двухмерна. С одной стороны, она не может существовать вне времени, так как каждый речевой акт протекает по временной оси: речевая цепь — это такой ряд или последовательность, в которой «вероятность появления каждого элемента зависит от предшествующего этому появлению „состояния" цепи (ряда, последовательности)»[6]. А с другой стороны, речь — это не просто линейная цепочка единиц, это гораздо более сложная система единиц и отношений, многие из которых существуют независимо от временной (линейной) их последовательности. Нельзя не учитывать, что предложения это не просто произвольная цепочка реакций, выраженных голосом. Каждое предложение имеет свою собственную сложную внутреннюю структуру. И то, как мы воспринимаем, понимаем и запоминаем их, является результатом того, как мы осознаем их структуру. Точно так же, как мы приходим к трехмерному пространству, подчеркивающему двухмерный рисунок на сетчатке, мы должны прийти и к синтаксической структуре, подчеркивающей линейный ряд звуков в предложении.

Обе стороны каждого речевого акта очень важно учитывать при моделировании его структуры. В связи с этим интересна мысль Ч. Хоккета о двух сторонах процесса моделирования (duality of patterning): 1) выделение лингвистических элементов и 2) их аранжировка, их иерархическое распределение.

Итак, в исследовании сверхфразовых единств центральным вопросом неизбежно становится «динамическая синхрония», и как основной ее пункт — развитие линейных отношений [7]. Но между линейными отношениями и сверхфразовым единством есть и обратная зависимость. Если взять, например, последовательность слов *They are eating apples*, то легко показать, что эта последовательность слов представляет собой два разных предложения. Первое предложение отвечает на вопрос: «Что делают ваши товарищи?» (*What are your friends doing*?). Второе предложение отвечает на вопрос: «Эти яблоки лучше для еды или для того, чтобы их варить?» (*Are those apples better for eating or for cooking*?). Иными словами, внешне тождественная последовательность одних и тех же слов может иметь различное синтаксическое значение. Поэтому, на основе одной только линейной последовательности слов мы не можем сказать, которое из значений

[4] В зарубежной лингвистике также наблюдается интерес к исследованию синтаксических единств, больших предложений См., например: Z. S. Harris, Structural linguistics, Chicago, 1961; Z. S. Harris, Discourse analysis reprints, The Hague, 1963; Ch. C. Fries, The structure of English, London, 1961; L. Clark, Sayla Popoluca morphosyntax, «International journal of American linguistics», 28, 3, 1962; V. Waterhouse, Independent and dependent sentences, «International journal of American linguistics, 29, 1, 1963; K. Hausenblas, On the characterization and classification of discourses, «L'École de Prague d'aujourd'hui», 1964; K. L. Pike, Discourse analysis and tagmeme matrices, «Oceanic linguistics», Honolulu, 3, 1, 1964 и др.

[5] «Предложение» в этом случае определяется как синтаксическая единица, заключенная между двумя точками, т. е. между двумя «полными паузами».

[6] О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян, указ. соч., стр. 107—108.

[7] M. A. K. Halliday, Categories of the theory of grammar, «Word», 17, 3, 1961, стр. 254—256.

имеется в виду. И только из контекста становится очевидным, которая из возможных синтаксических структур соответствует намерению говорящего.

Из сказанного следует, что линейные отношения явно прослеживаются только на уровне сверхфразового единства. Изложенные общие соображения и определили направление настоящего исследования, посвященного развитию линейных синтаксических отношений на уровне сверхфразовых единств.

Но прежде чем перейти к описанию исследования, необходимо остановиться на вопросах методологии.

Как известно, в синтаксическом исследовании теперь применяются следующие три метода: 1) текстуальный (textual), 2) нетекстуальный (или исходящий из пояснения примером — exemplificatory) и 3) трансформационно-порождающий [8]. Некоторые лингвисты полагают, что этот последний должен заменить другие методы лингвистического описания. Другие же считают, что все три метода совершенно закономерно сосуществуют в лингвистике, так как ими достигаются разные цели; таким образом, третий метод выступает как существенное дополнение к первым двум.

Есть, однако, и другие точки зрения. Так, например, Д. Болинджер на материале синтаксических слияний показывает несостоятельность методов трансформационной грамматики. Д. Болинджер считает, что уже само существование синтаксических слияний очень затрудняет, если не делает вообще невозможным, приписывание некоторым конструкциям трансформационного происхождения. Чем больше фактического материала изучается трансформационной грамматикой, тем яснее ощущается ограниченность ее методов. В тех же вопросах, которые вообще выходят за рамки предложения,— в исследованиях сверхфразовых единств,— трансформационные методы оказываются бессильными. Вообще порождающая грамматика ограничена координатами, которые сами по себе являются неактивными. Например, ведется описание от залога А к залогу В и обратно, но ничто не происходит ни с одним из залогов. Грамматика же, которая надеется отобразить творческий процесс, созидание в языке, не должна игнорировать «активные» зоны, где координаты сами «дают выход», но не в диахроническом смысле, а динамически. Это — синтаксические слияния[9].

Интересная методология представления структуры языка вырабатывается К. Пайком[10]. Используя опыт М. Ларсон, Г. Харт и В. Пикет по составлению систем корней, аффиксов, слов и придаточных предложений в языках Южной Америки, К. Пайк стремится представить механизм языка, его структуру в матрице. Матрицу автор описывает как такое грамматическое поле, в котором находит отражение система сцепляющихся конструкций. Представляя взаимоотношения между конструкциями через составление их матриц, К. Пайк руководствуется двоичным структурным критерием, заключающимся в том, что конструкции считаются контрастными, если они различаются по форме и значению. При этом пара конструкций должна отличаться двумя формальными компонентами. Составляя измерительные матрицы конструкций, автор пытается проникнуть в их внутреннюю структуру. Таким образом, занимаясь измерениями грамматических конструкций, К. Пайк по существу ставит вопрос о возможности составления таких таблиц, которые будут представлять

---

[8] Ср. там же, стр. 241.

[9] D. L. Bolinger, Syntactic blends and other matters, «Language», 37, 3 (1), 1961, стр. 381.

[10] K. L. Pike, Dimensions of grammatical constructions, «Language», XXXVIII, 3, 1962.

конструкционные типы большого числа языков. Однако наибольший интерес представляет работа Д. С. Уорта «Об отображении линейных отношений в порождающих моделях языка»[11], где автор намечает конкретные пути представления языковой структуры.

Основными недостатками порождающей модели языка является то, что в ней, во-первых, правила линейного расположения элементов беспорядочно совмещаются с правилами порождения нелинейных, вневременных связей и, во-вторых, не принимаются во внимание языковые факты, не укладывающиеся в рамки отдельного предложения, т. е. контекст.

Устранить эти недостатки можно посредством двуцикличной порождающей модели. В первом цикле такой модели только определяются непосредственно составляющие (НС) предложения, например, $\Sigma \rightarrow$ NP VP (где NP — именная фраза, noun phrase; VP — глагольная фраза, verb phrase; Σ — предложение). Во втором же цикле происходит линейное упорядочение нелинейных сочетаний НС, полученных в результате применения правил первого цикла, в зависимости от контекстуальных условий по формуле: если K^1, то NP VP $\rightarrow$ NP + VP, если K^2, то NP VP $\rightarrow$ VP + + NP (K — контекст).

Чтобы учесть также и контекстуальные факторы, находящиеся за пределами отдельного предложения, следует расширить саму порождающую модель, т. е. сделать исходным пунктом порождающей модели не отдельное предложение, а высказывание. На уровне высказывания порождающая модель приобретает тогда следующее строение: $U \rightarrow \Sigma^1 \Sigma^2 \ldots \Sigma^n$ [где U — высказывание (utterance), Σ — предложение]. При этом на любое предложение Σ^x налагаются контекстуальные условия предыдущих предложений, связанных с Σ^x по структуре. Эта модель вполне может быть использована в исследовании сверхфразовых единств.

Приводимый ниже материал английского языка имеет целью: 1) показать значение сверхфразового единства для синтаксического исследования и 2) привлечь к описанию синтаксической структуры языка термины и понятия теории информации. Материал ограничен первой главой романа Л. Лоуренса «Old Father Antic» (New York, 1961), состоящей из пятнадцати сверхфразовых единств.

Применение методов теории информации предполагает смысловое членение каждого предложения по принципу коммуникативной динамичности элементов, т. е. в зависимости от того, насколько тот или иной элемент предложения развивает высказывание, внося в него новое. Таким образом, выделяется часть предложения, являющаяся носителем исходной части мысли, «тема» (theme, обозначаемая в нашей работе символом T) и часть предложения, несущая новую информацию, «рема» (rheme, обозначаемая R)[12].

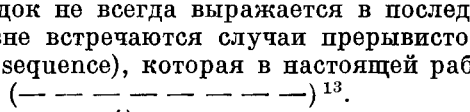
Как видно из определений T и R, критерии разграничения этих элементов оказываются двоякого рода: семантический и синтаксический. Семантический критерий заключается в том, что если T является отправным пунктом коммуникации, внося в предложение что-то уже известное или воспринимаемое как известное, то R оказывается ядром коммуникации, внося новую информацию. Под синтаксическим критерием имеется в виду то, что при разграничении T и R необходимо принимать во внимание вид связи (с точки зрения перспективы) этих элементов с другими элементами этого сверхфразового единства. При этом следует различать ретроспектив-

[11] Д. С. Уорт, Об отображении линейных отношений в порождающих моделях языка, ВЯ, 1964, 5.

[12] Библиографию по этой проблеме см. в статье: О. А. Лаптева, Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения, ВЯ, 1963, 4.

ную (retrospective) связь, когда элемент связан с чем-то упомянутым выше, и проспективную (prospective) связь, когда элемент связан с тем, что следует дальше.

В нашей работе и T и R могут расписываться на их составляющие (обозначаемые символом C — constituents). Однако сплошное расписывание этого рода излишне осложнило бы описание. Оно было ограничено поэтому только случаями прямой необходимости. Так, например, предложение: *He was followed by a young man* расписывается только на тему и рему: *He* (T) *was followed by a young man* (R), если нет необходимости в детальном представлении R в ее составляющих (C). Отсутствие такой необходимости находим в двух случаях: 1) если все последующее сверхфразовое единство совсем не развивает R дальше, как, например, в случае: *On looking back Mary saw Mr. Smith entering the room. He was followed by a young man. Mr. Smith scratched his head and came up nearer to Mary*; 2) если в сверхфразовом единстве все составляющие R представлены далее одним понятием, как, например, в случае: *He was followed by a young man. But he wasn't aware of it.* Напротив, рема расписывается на составляющие, если в последующем изложении нас интересуют каждый из составляющих (или некоторые из них) по отдельности, как, например, в случае: *He was followed by a young man. The man was rather awkward in his manners. And it struck me at once that his youth smoothed his awkwardness a bit.* В этом случае мы сначала возвращаемся к составляющему *the man*, а уже потом *young* (в форме *his youth*), что вызывает необходимость не только в отчленении *by a young man* от *was followed*, но и *young* от *by a man*. Из этого примера видно, что элементы одного составляющего не всегда непосредственно следуют друг за другом: в *by a man* элемент *by a* отделен от *man* другим составляющим *young*. Графически это можно представить так:



Иными словами, если отношения между формальными отрезками (items) в прогрессии понимать как последовательность (sequence), а расположение элементов в пределах единицы понимать как порядок (order), то следует учитывать, что порядок не всегда выражается в последовательности: на синтаксическом уровне встречаются случаи прерывистой последовательности (discontinuous sequence), которая в настоящей работе обозначается прерывистой линией (— — — — — — — —)[13].

Следует оговориться, что 1) придаточные предложения учитывались в моделях лишь в тех случаях, когда их семантическое поле оказывало непосредственное влияние на последующее изложение; 2) обстоятельство, как правило, не включалось в модель, чтобы не перегружать ее несущест-

[13] Проведение исследования потребовало дополнительных условных обозначений: U — сверхфразовое единство (utterance), Σ — предложение, SF — семантическое поле (semantic field). При расписывании «темы» на составляющие употребляется символ C^T. Верхний индекс типа $_1U$, $_2U$ отн сит описываемую единицу к соответствующему сверхфразовому единству, а нижний индекс есть порядковый номер. Например R_3^{5u} означает «рему пятого сверхфразового единства, третью по порядку». Верхний индекс *am* употребляется, когда моделируется обстоятельство (adverbial modifier);) (→) показывает переход одного элемента в другой. При моделировании придаточных предложений используются сокращение cl (clause).

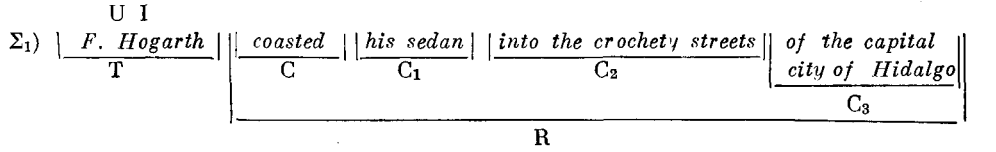
венными (в данном случае) деталями. Обстоятельства учитывались лишь в случаях прямой необходимости[14]. Далее, поскольку нас интересовало появление и развитие категории темы (T), так как именно в этом проявляется синтаксическая линейность, введена сплошная нумерация символа T от первого сверхфразового единства в этой главе до последнего. В отличие от темы, для ремы (R) такой последовательности не устанавливалось, т. е. нумерация R для каждого сверхфразового единства вводилась вновь, например:

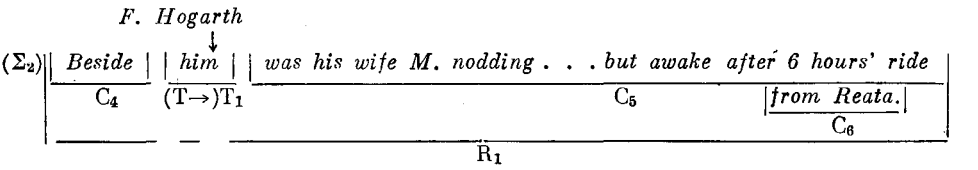
$$T^{1U} = T^{2U},\ T^{3U} \text{ и т. д. } R^{1U} \neq R^{2U},\ R^{3U} \text{ и т. д.},$$

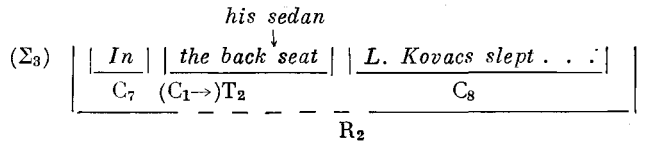
но:

$$T_1^{1U} = T_1^{2U},\ T_1^{3U} \text{ и т. д. } R_1^{1U} \neq R_1^{2U},\ R_1^{3U} \text{ и т. д.}$$

К сожалению, рамки статьи не позволяют привести весь материал, подвергнутый исследованию. Ограничимся несколькими примерами.







То же самое суммируем в формулах:

$$(\Sigma_1)\ \text{cl. } T + R\,(C + C_1 + C_2 + C_3)$$
$$(\Sigma_2)\ C_4^+ + (T\rightarrow)T_1 + R_1 C_4^+\,(C_5 + C_6)$$
$$(\Sigma_3)\ C_7^+ + (C_1\rightarrow)T_2 + R_2 C_7^+\,(C_8)$$

Так как в моделях отражаются не только основные элементы, но и их распределение (которое может выражаться и в прерывистой последовательности), пришлось прибегнуть к несколько осложненному их выражению в формуле. Так, формула (Σ_2) дважды содержит элемент C_4^+. В первом случае выражается тот факт, что предложение начинается с этого элемента; во втором случае — что C_4^+ является составляющим R. Значок + внутри символа C означает «добавление» C_4 к составу R.

[14] Линейное взаимоотношение тематических элементов, выраженных обстоятельствами и другими членами предложения одновременно, предполагается выяснить отдельно. Это также одна из причин того, что в разрабатываемой здесь модели обстоятельства почти не учитываются.

U II

the capital city of Hidalgo ↓ — *Reata* ↓

(Σ_I) | *In almost every respect* | *the capiial* | *contrasted* | *with the town from which they had come* |

R^{am} — $(C_3^{1U}\rightarrow)\,T_3$ — R_1 — $(C_6^{1U}\rightarrow)\,T_4$

the capilal ↓

(Σ_2) | *No trains roared through* | *its depot;* |

R_2 — $(T_3\rightarrow)\,T_5$

the capital ↓

| *no airplanes whined over* | *its capitol dome;* |

R_3 — $(T_3\rightarrow)\,T_6$

the capital ↓

| *no industrial smokes adulterated* | *the sharp clean air* |

R_4 — $(T_3\rightarrow)\,T_7$

(Σ_3) | *. . .the city* | *slept like a small animal. . .* |

T_3 — R_5

В суммарном виде:

(Σ_1) $R^{am} + (C_3^{1U}\rightarrow)\,T_3 + R_1 + (C_6^{1U}\rightarrow)\,T_4$

(Σ_2) $R_2 + (T_3\rightarrow)\,T_5$; $R_3 + (T_3\rightarrow)\,T_6$; $R_4 + (T_3\rightarrow)\,T_7$

(Σ_3) $T_3 + R_5$.

U III

(Σ_1) | *Hidalgo* | *was as old, rooted and placid* | *as* | *Reata* | *was raw, unstable and overwrought.* |

T_3 — R — T_4 — R_1

(Σ_2) | *Whereas* | *Reata's layout and construction* | *proclaimed the boom-town tradition. . .,* |

C — $(T_4\rightarrow)\,T_8$ — C_1

R_2

Hidalgo ↓

| *Hidalgo* | *revealed a slow growth. . .* | *and* | *its houses* | *seemed to have sprung centuries ago.* |

T_3 — R_3 — $(T_3\rightarrow)\,T_9$ — R_4

В формулах:

(Σ_1) $(T_3 + R) + (T_4 + R_1)$.

(Σ_2) $C + (T_4\rightarrow)\,T_8 + R_2^{c+}(C_1) + (T_3 + R_3) + (T_3\rightarrow)\,T_9 + R_4$.

U IV

Hidalgo and Reata ↓ — *inhabitants* ↓ — *the towns* ↓

(Σ_1) | *The towns* | *differed no less in* | *the character* | *of the inhabitants.* |

$(T_3 + T_4)\rightarrow T_{10}$ — R — $(T_{11}\rightarrow)\,T_{12}$ — $(T_{10}\rightarrow)\,T_{11}$

Inhabitants ↓

(Σ_2) | *Four out of five of the residents of Reata* | *were immigrants from...* |

$(T_{11}\rightarrow)\,T_{13}$ — R_1

the inhabitants
↓
(Σ_3) | *In Hidalgo the majority* | | *were native-born and Spanish—speaking...* |
$(T_{11} \rightarrow) T_{14}$ R_2
and they | | *confronted their employees face to face.* |
T_{14} R_3

В формулах

$(\Sigma_1)\ [(T_3 + T_4) \rightarrow]\ T_{10} + R + (T_{11} \rightarrow) T_{12} + (T_{10} \rightarrow) T_{11}.$
$(\Sigma_2)\ (T_{11} \rightarrow) T_{13} + R_1;$
$(\Sigma_3)\ [(T_{11} \rightarrow) T_{14} + R_2] + (T_{14} + R_3).$

Суммируя результаты, полученные в моделях, развитие категории «темы» для всей главы можно представить в виде следующей цепочки:

$T - (T \rightarrow) T_1 - (C_1 \rightarrow) T_2 - (C_3^{1U} \rightarrow) T_3 - (C_6^{1U} \rightarrow) T_4 - (T_3 \rightarrow) T_5 - (T_3 \rightarrow) T_6 -$
$- (T_3 \rightarrow) T_7 - (T_4 \rightarrow) T_8 - (T_3 \rightarrow) T_9 - [(T_9 + T_4) \rightarrow] T_{10} - (T_{10} \rightarrow) T_{11} - (T_{11} \rightarrow) T_{12} -$
$(T_{11} \rightarrow) T_{13} - (T_{11} \rightarrow) T_{14} - (C_1^{5U} \rightarrow) T_{15} - (C_1^{5U} \rightarrow) T_{16} - (C_1 \rightarrow) T_{17} - (R_4^{6U} \rightarrow) T_{18} -$
$(T_{18} \rightarrow) T_{19} - (T_3 \rightarrow) T_{20} - (T_3 \rightarrow) T_{21} - (C \rightarrow) T_{22} - (T_{18} \rightarrow) T_{23} - (SFcl. \rightarrow) T_{24} -$
$(C^{10U} \rightarrow) T_{25} - (C_3 \rightarrow) T_{26} - (C_5 \rightarrow) T_{27} - (SF\Sigma_5 \rightarrow) T_{28} - (C_1 \rightarrow) T_{29} - SF(\Sigma_1\Sigma_2\Sigma_3) \rightarrow] T_{30} -$
$(C_9 \rightarrow)\ T_{31} - (SF\Sigma_1 \rightarrow)\ T_{32} - (R_3 \rightarrow)\ T_{33} \rightarrow [SF(\Sigma_1\Sigma_2 - \Sigma_3\Sigma_4) \rightarrow] T_{34} - (C_1^{14U} \rightarrow) T_{35} -$
$(T_{23} \rightarrow) T_{36}.$

Данные этой цепочки позволяют выделить пути, которыми развивается категория «темы», а именно:

1. Из ремы того же сверхфразового единства. Например: $(R_3 \rightarrow)\ T_{33}(U_{14})$, *studied the newspapers in silence* ——→ *accumalating details.*

2. Из ремы предшествующего сверхфразового единства. Например: $(R_4^{6U} \rightarrow)\ T_{18}\ (U_7)$, *refugees, invalids, cosmopolites or artists* ——→ *many of them.*

3. Из составляющего рему того же сверхфразового единства. Например: $(C_1 \rightarrow)\ T_2\ (U_1)$, *his sedan* ——→ *the back seat.*

4. Из составляющего ремы другого сверхфразового единства. Например: $(C_3^{1U} \rightarrow)\ T_3,\ (U_2)$, *the capital city of Hidalgo* ——→ *the capital.*

5. Из темы того же сверхфразового единства. Например: $(T_3 \rightarrow) T_5,\ (U_2)$, *the capital* ——→ *its depot.*

6. Из темы другого сверхфразового единства. Например: $(T_3 \rightarrow)\ T_{20},\ (U_7)$, *Hidalgo* ——→ *the possibilities of Hidalgo as a refuge.*

7. Из суммы двух или нескольких тематических элементов. Например: $[(T_3 + T_4) \rightarrow] T_1,\ (U_4)$, *Hidalgo + Reata* ——→ *the towns.*

8. Из семантического содержания предыдущей цепочки, т. е. предложения, его части или нескольких предложений. Например: $[SF(\Sigma_1\Sigma_2\Sigma_3\Sigma_4) \rightarrow \rightarrow] T_{34},\ (U_{14})$.

Приведенные таблицы и цепочка тематических элементов наглядно свидетельствуют о линейности речи. Нет ни одного последующего предложения или сверхфразового единства, в котором прямо или косвенно не использовался бы какой-то элемент (или элементы) предыдущего предложения и сверхфразового единства.

Небезынтересны и статистические подсчеты (см. стр. 100), показывающие частотность Т.

Они показывают, что основная масса Т употребляется один (реже два) раза, т. е. для обеспечения связи и переходности (линейности) в речи. Те же Т, которые употребляются много раз (19 раз — *artists*, 7 — *Hidalgo*, 5 — *the people of Hidalgo*, 4 — *the invaders*, 3 — *Reata*), являются непосредственной темой данной главы. Это и вызывает необходимость в повторении их, т. е. в возвращении к ним.

T	употребляется	1 раз	T_{19}	употребляется	1 раз
T_1	—	1 раз	T_{20}	—	1 раз
T_2	—	1 раз	T_{21}	—	1 раз
T_3	—	7 раз	T_{22}	—	4 раза
T_4	—	3 раз	T_{23}	—	19 раз
T_5	—	1 раз	T_{24}	—	1 раз
T_6	—	1 раз	T_{25}	—	1 раз
T_7	—	1 раз	T_{26}	—	1 раз
T_8	—	1 раз	T_{27}	—	1 раз
T_9	—	1 раз	T_{28}	—	1 раз
T_{10}	—	1 раз	T_{29}	—	2 раза
T_{11}	—	4 раза	T_{30}	—	1 раз
T_{12}	—	1 раз	T_{31}	—	1 раз
T_{13}	—	2 раза	T_{32}	—	2 раза
T_{14}	—	5 раз	T_{33}	—	1 раз
T_{15}	—	1 раз	T_{34}	—	1 раз
T_{16}	—	1 раз	T_{35}	—	2 раза
T_{17}	—	1 раз	T_{36}	—	1 раз
T_{18}	—	1 раз			

Итого: 28 T употребляется по 1 разу
4 T — 2 раза
1 T — 3 раза
1 T — 4 раза
1 T — 5 раз
1 T — 7 раз
1 T — 19 раз

Думается, что предложенный выше анализ дает возможность проникнуть в смысловое членение сверхфразовых единств и показать их коммуникативную сущность, их природу. Кроме того, он дает представление о линейных синтаксических отношениях в речевом акте.

Линейность речи есть не всегда (и не часто) идеально последовательное скольжение одного элемента в другой, типа: $T + (R \rightarrow) T_1 + (R_1 \rightarrow) T_2 + (R_2 \rightarrow) T_3$ и т. д. Линейность речи есть неровное, но последовательное выражение того, что на любое предложение Σ_x и сверхфразовое единство U_x налагаются контекстуальные условия, созданные лексикограмматическими факторами предыдущего (или предыдущих), а также последующего (или последующих) предложений и сверхфразовых единств.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

Г. А. ВЕЙХМАН

О ДВУСОСТАВНЫХ БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

1. Безглагольные предложения (БП) типа *Он хороший*, *В доме тишина* и под., распространенные в языках разных систем и зарегистрированные в индоевропейских языках, начиная с древнейших памятников, оказались наиболее продуктивными в современном русском и литовском языках. В западноевропейских языках их считают исключением, пережитком древнего состояния языка[1]. Их меньшая употребительность в нейтрально-книжном стиле по сравнению с глагольными предложениями (ГП), а также унаследованный от логических грамматик взгляд об обязательности личной формы глагола в каждом предложении (А. Решкевич, П. Гиро, Г. Шульте), привели к тому, что БП считают «непредложениями» (nonsentence) (М. Брайант, Дж. Хук и Э. Мэтьюз), «частичными» предложениями (Teilsatz) (Й. Рис), «второстепенными» предложениями (minor sentences) (Г. Куфнер), определяют как «группу слов, которая ощущается как законченное высказывание, несмотря на отсутствие независимой личной формы глагола» (П. Робертс). В результате изучению БП западноевропейских языков не уделяется достаточного внимания. Их синтаксическая природа остается спорной. С другой стороны, к БП относят отрезки высказываний, не обладающие синтаксической самостоятельностью предложений: постпозитивные части присоединительных конструкций и сложных предложений с синтаксическим параллелизмом и неповторением личной формы глагола (*La terrasse était deserte*; *le salon vide* «Терраса была пустая; гостиная пуста») (Е. Д. Андреева)[2], двучленные реплики-повторы («нексус отклонения») (О. Есперсен, Р. Лонг). Недостаточно исследовано взаимодействие БП и ГП.

2.0. Изучение материала современных западноевропейских языков показывает ошибочность мнения о малой продуктивности БП. Так, в английском языке они образуют два продуктивных типа: с актуальным членением *SP* и *PS*. Каждый из них обладает разнообразными морфологическими средствами выражения.

2.1. **Тип *SP*.** При совпадении актуального и грамматического членения *S* выражается теми же средствами, что и подлежащее ГП. *P* морфологически соответствует неспрягаемым членам состава сказуемого: *Next stop*, *the Florida coast* «Следующая остановка — побережье Флориды»; *Men dying* «Люди умирают»; *Both killed* «Оба убиты»; *Weather to stay mild* «Погода останется мягкой»; *You and Pop against Ellery and Mother* «Вы с папой против Эллери и мамы»; *Breakfast at nine* «Завтрак в девять»; *George Dougall here* «Джорд Дугал здесь».

---

[1] Ср.: L. K e l l n e r, Historical outlines of English syntax, London — New York, 1892, стр. 44; B. D e l b r ü c k, Grundfragen der Sprachforschung, Strassburg, 1901, стр. 148; A. M e i l l e t, La phrase nominale en indoeuropéen, MSLP, 14, 1, 1906/1908, стр. 26; J. R i e s, Was ist ein Satz?, Prag, 1931, стр. 166; H. P a u l, Prinzipien der Sprachgeschichte, Halle, 1937, стр. 294 (русский перевод: Г. П а у л ь, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 351).

[2] Ср. также: А. М. П е ш к о в с к и й, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938, стр. 364.

2.2. **Тип *PS*.** *P* выражается не только существительным, атрибутивным словосочетанием и причастием II (Ю. М. Скребнев, О. М. Барсова), но и всеми остальными средствами передачи неспрягаемых членов состава сказуемого, например, (1) местоимением, (2) местоименным наречием, (3) словосочетанием с причастием I, (4) с причастием II, (5) с инфинитивом. Ср. (1) *Their's not to reason why* «Их дело не рассуждать»; (2) *Why the cops*?[3] «Почему полиция?»; (3) *Flying a kite, you, a grown man* «Запускать змея, ты, взрослый человек»; (4) *Fair gone on each other, those two* «Здорово втрескавшись друг в друга, те двое»; (5) *just to kneel down, the two of us* «просто встать на колени, нам обоим».

S выражается не только существительным, местоимением и субстантивным словосочетанием (О. М. Барсова), но и другими средствами, (1) характерными, (2) мало характерными, (3) не характерными для подлежащего. Ср.: (1) инфинитив с *to* или соответствующее словосочетание: *How ridiculous to run and feel happy* «Как нелепо — бегать и чувствовать себя счастливой»; (2) предложно-именное сочетание: *Too bad about Frank* «Очень жаль насчет Фрэнка»; *How long until dinner*? «Сколько до обеда?», *What about* (*what of, how about*) («как насчет...») + субстантивный член; местоименное наречие или адвербиальное словосочетание: *A rather charming garden here* «Очаровательный сад здесь»; (3) инфинитив без *to* или соответствующее словосочетание: *Why not go*?«Почему не пойти?»; (4) отрицание: *Why not*?«Почему нет?».

2.3. То, что *SP* и *PS* — две стороны одного и того же явления, подтверждается (1) близостью средств выражения их главных членов, (2) возможностью переосмысления *SP* в *PS* и *PS* в *SP* с расхождением грамматического и актуального членения, наличием (3) переходных случаев с интерпозицией *P* или *S* и (4) гибридных образований.

(1) Ср. *SP*: *Oh, Mr. Hand! Marvelous man*! «О, м-р Хэнд! Чудесный человек!» и *PS*: *A clever man, Pecksniff* «Умный человек, Пекснифф». (2) Ср. переосмысление *SP* → *PS*: *Boy wanted* «Требуется мальчик» и *PS* → *SP*: *Wanted: jobs for the boys and girls* «Требуется работа для мальчиков и девочек». (3) Интерпозиция *S* в *P*: *A grand success, he, in doing something for the* 3 *dollars a day man*! «Большой успех у него в оказании помощи работающим за 3 доллара в день!». (4) Ср. *SP*, где *P* образован из *PS*: *Rent: four shillings a week* «Рента — 4 шиллинга в неделю».

3.1. *P* с сильным обособлением (точка или ее эквивалент) иногда считают односоставными предложениями (В. А. Белоусова, Е. М. Галкина-Федорук), а сильно обособленные *S* — односоставными, тематическими предложениями (О. М. Барсова), именительными представлениями (А. М. Пешковский), бытийными предложениями — «заголовками» (Г. А. Тер-Авакян), «отдельными выхваченными словами» (А. А. Шахматов). Но пунктуационно-интонационная разобщенность элементов сама по себе не доказывает, что каждый из них предложение[4]. Все рассмотренные конструкции обладают признаком целостности и представляют собой не спорадические сочетания соседних отрезков высказывания, а определенный структурно-семантический тип, строящийся по весьма продуктивным синтаксическим моделям. Они обнаруживают четкое актуальное членение. Их элементы связаны как предмет и его признак, часто интонационно, иногда взаимной интерпозицией. Следовательно, *S* — не отдельные слова. Они не способны к самостоятельному употреблению, неполны по смыслу и высказываются для допол-

---

[3] Вопреки распространенному мнению о том, что БП типа *PS* бывают только повествовательными, в их число входят и вопросы. См., например: J. O r r, [рец. на кн.:] Romanica Gandensia, I, Études de Philologie romane, Ghent, 1953, «The modern language review», 49, 4, 1954, стр. 508.

[4] См.: Г. А. В е й х м а н, К вопросу о синтаксических единствах, ВЯ, 1961, 2, стр. 97.

нения их элементами *P* или в связи с предыдущими *P*. Их взаимная обязательная сочетаемость с *P* в *SP* подобна сочетаемости подлежащего и сказуемого [5]. По средствам выражения *S* близок к подлежащему, а *P* соответствует неспрягаемым членам состава сказуемого. Все это делает необходимым анализ *S* и *P* в составе данного целого (*SP* или *PS*), а также признание такого целого предложением. Но тогда, исходя из отрицательного признака предложения [6], неправомерна трактовка обоих элементов как предложений. Хотя бы один из них должен быть зависимой частью данного предложения. В *SP*, где *S* и *P* обладают обязательной взаимной сочетаемостью, ни один из них не является предложением. В *PS* (без переосмысления в *SP* и без интерпозиции) *P* относительно независим (подобно препозитивной непридаточной части сложного предложения) и характеризуется потенциальной сочетаемостью с *S*. Он высказывается как предложение, но с появлением *S* оказывается связанным с ним в одно предложение.

3.2.0. БП, не разобщенные точкой или ее эквивалентами, обычно считаются предложениями, часто двусоставными; иногда односоставными (Н. С. Бухтиярова, Н. А. Кобрина и Е. А. Корнеева, О. М. Богомолова, Л. И. Илия) [7], спорного состава (В. А. Белоусова) [8]; не допускающими традиционного деления на односоставные и двусоставные предложения (П. А. Лекант); аморфными, полурасчлененными (О. Есперсен).

Для установления составности БП критерии (1) однородности с явными односоставными или двусоставными предложениями (И. А. Попова, Н. И. Тарабасова) и (2) составности эквивалента при переводе [9] оказываются непригодными. (1) При перечислении односоставные структуры могут соседствовать с двусоставными: *these wires are streaming with the day's affairs... The price of wheat, and the death of grandmother... A strike vote is being taken ... and another coal mine is closing down...* «По этим проводам мчатся сообщения о новостях дня... Цена пшеницы и смерть бабушки... Принимается решение о забастовке, и закрывается еще одна шахта...». (2) Составность при переводе может меняться: так, русские односоставные безличные предложения типа *Морозит* могут переводиться двусоставными предложениями (*il gèle*; *it freezes*; *es friert*).

Для определения составности БП необходимо установить в каждом языке объективные признаки предикативности или атрибутивности присубстантивных членов, т. е. о б о с н о в а т ь их трактовку как представителей состава сказуемого (А. А. Шахматов; А. М. Пешковский; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский; К. И. Мишина; Н. М. Гусев; К. А. Мейсельман) или определений при главном члене (А. Н. Назаров, М. П. Жоголева) [10].

Все рассматриваемые английские БП двусоставны: отсутствие атрибутивных отношений между их присубстантивными и субстантивными члена-

---

[5] См.: В. Г. А д м о н и, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, 1, стр. 112, 113.

[6] См.: Г. А. В е й х м а н, указ. соч., стр. 98.

[7] Ср. также: W. W u n d t, Völkerpsychologie. Die Sprache, 2, Leipzig, 1912, стр. 260.

[8] Ср. также: А. А. Ш а х м а т о в, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 56; А. М. П е ш к о в с к и й, указ. соч., стр. 344.

[9] Например, обоснование двусоставности английских причастных предложений тем, что они переводятся русскими двусоставными предложениями. Ср.: Н. Ф. И р т е н ь е в а, Грамматика современного английского языка (теоретический курс), М., 1956, стр. 161.

[10] Согласно компромиссной точке зрения (В. А. Белоусова, В. П. Шутова, Ф. К. Буженик, В. А. Ковин), БП могут быть односоставными и могут включать дополнения и обстоятельства, относящиеся непосредственно к главному члену.

ми подтверждается структурными, семантическими и интонационными признаками, а иногда — актуальным членением.

3.2.1. Структурные признаки — это 1) признаки самого анализируемого БП и 2) его структурная близость с несомненно двусоставными БП, позволяющая доказать двусоставность способом подстановок.

1) а) Субстантивный член — непритяжательное местоимение. Обозначая вполне определенные для говорящего лицо или предмет, местоимения чаще всего выступают как эквиваленты названий и (за немногими исключениями, например *something new* «нечто новое») не нуждаются в постоянных признаках (определениях). Поэтому слова, характеризующие местоимение, как правило, предикативны, а соответствующие БП — несомненно двусоставны. Ср. *SP*: ***You*** *lookin' bit of a wreck this mornin'* «Вы неважно выглядите сегодня»; *PS*: *Wonderful civility* ***this***! «Как это любезно!».

б) Однородность присубстантивного члена с глагольным сказуемым: *David Mackenzie... intellectual and writes good verse* «Дейвид Маккензи... интеллектуален и пишет хорошие стихи».

в) Наличие в БП элементов, «лишних» по нормам атрибутивных словосочетаний, например препозитивной частицы *how*: ***How*** *annoying having to stand all the way home in the bus*! «Как неприятно, что приходится стоять всю дорогу домой в автобусе!»; интерпозитивных элементов, например наречия: *Complete Low-Cost Home Training Course* ***now*** *Available* «Полный дешевый курс обучения на дому теперь имеется»; отрицания: *African Tribe* ***Not*** *to Pay Taxes* «Африканское племя не будет платить налоги»; артикля: *Rot* ***the*** *stuff* «Чепуха это»; *Why* ***the*** *terrific hurry*? «Почему такая спешка?»; *One* ***a*** *Student Two Years* «Один был студентом два года»; местоимения: *how delicate* ***that*** *line from her ear to her thraot* «какая нежная эта линия у нее от уха до горла»; вводно-модального элемента *P*: *Helen Cole*, ***probably***, *enjoying herself* «Хэлен Коул, наверно, веселится».

г) Порядок слов. Атрибутивность или неатрибутивность присубстантивного члена могут зависеть от его позиции по отношению к субстантивному члену. Так, в БП *No room ready* «Комната не готова» отношения между *room* и *ready* не атрибутивны, а предикативны, так как *ready* не входит в число прилагательных, употребительных в качестве постпозитивных определений. В некоторых языках (например, русском, английском, немецком) атрибутивная связь с субстантивным членом наблюдается у предложно-именных сочетаний обычно при их постпозиции.

2) Так, *Nice furs here* «Хорошие меха вот эти» — двусоставно ввиду того, что местоименное наречие *here* может быть заменено указательным местоимением с превращением этого БП в несомненно двусоставное *PS*. О возможности такой подстановки свидетельствуют: а) структурное сходство этого БП с *PS*, б) синтаксическая близость местоименных наречий и указательных местоимений в других случаях. Ср.: а) *A nice moon that*! «Хорошая нынче луна!» и *Nice men these here* «Хорошие эти люди», б) *It is a different world, here* «Совсем другой мир здесь» и *It is a strange wound, this*! «Странная эта рана!».

3.2.2. Семантический признак. Членение и значение предложения *Andover Colonel* зависят от значения *Andover*, определяемого на основании контекста, ситуации или предыдущего опыта читателя. Если это фамилия, то предложение двусоставно («Эндоувер — полковник»), если географическое название, то предложение односоставно («Эндоуверский полковник»)[11].

---

[11] Пример заимствован у К. Вэхтлер (K. Wächtler, Studien zur amerikanischen Headline-Syntax, «Die Neueren Sprachen», II, 4/5, 1953, стр. 204).

3.2.3. Интонационные признаки. Члены БП, независимо от порядка их следования, могут разделяться паузой, подобной предикативной паузе ГП: *Those eyes. Watching him* «Эти глаза. Следящие за ним». Ср. также: *Fine speech* «Хорошая речь», где отсутствие паузы говорит об атрибутивности и односоставности, и *PS*: *Fineevening* «Хорош, вечер», где пауза — показатель предикативности. Паузе может предшествовать смена мелодии: повышение тона в конце первого элемента, например, в английских *SP*[12], французских *PS*[13], падение тона в конце *P* в английских *PS*[14]. Но эти интонационные признаки факультативны. Пауза варьируется от длительной (1) до нулевой (2). Ср. (1) *So bad for you. Upsetting yourself* «Так плохо для вас. Огорчаться». (2) Ср. факультативность паузы перед местоименным *S*: *Very smart, that* «Очень остроумно это» и *Interesting marriage that* «Интересный это брак». Пауза и падение тона в конце *P* в английских *PS* могут исчезать в вопросах, разговорном стиле, поэзии (под влиянием ритма), например в *Happy the man...* «Счастлив тот,...», где двусоставность определяется исключительно структурно.

3.2.4. Возможность несовпадения грамматического и актуального членения проявляется, в частности, в том, что двучленными на уровне актуального членения могут быть и односоставные предложения. Ср. инфинитивное *What to do*? «Что делать?», имеющее актуальное членение типа *PS*. Если отвлечься от связи порядка слов с атрибутивностью (3.2.1, 1г), инверсия субстантивного члена обычно не отражается на составности, хотя и влияет на актуальное членение БП: субстантивный член может оказаться под логическим ударением, что превращает его в *P*. Ср. *SP*: *В доме тишина*, где номинатив попадает в немаркированную ударенную позицию, что иногда ведет к его неправомерному отождествлению с главным членом предикатного односоставного предложения (П. А. Лекант, К. И. Мишина). С другой стороны, при совпадении БП с атрибутивным словосочетанием его актуальное членение может оказаться единственным критерием для определения его составности[15].

Актуальное членение БП определяется по его (1) паузации, (2) логическому ударению и контексту, (3) стилистической функции. (1) Паузация — ненадежный признак, так как ее совпадение с актуальным членением[16] факультативно (3.2.3). (2) Так, из статьи, озаглавленной *Congress Against Colonialism*, можно узнать, что является новым: *Against Colonialism* [тогда БП двусоставно: «Конгресс (высказался) против колониализма»] или все БП *Congress Against Colonialism* [тогда БП односоставно: «(Состоялся) Конгресс против колониализма»]. (3) Для официальных сообщений, донесений, рапортов, телеграмм и т. п., т. е. для лаконичных способов передачи новой информации, характерно рационально-логическое расчленение сообщаемого на *S* и *P*, соответствующие двум составам. Ср.: «*Sheffield*» *reporting* «Докладывает „Шеффилд“».

---

[12] См.: О. М. Барсова, О стилистической дифференциации синтаксических явлений, «Уч. зап. [Моск. пед. ин-та]», 232, 1964, стр. 14.

[13] См.: A. Henry, Études de syntaxe expréssive ancien français et français moderne, «Université Libre de Bruxelles. Travaux de la Faculté de Philosophie et Lettres», XIX, Paris, 1960, стр. 156—158.

[14] См.: W. Jassem, Intonation of conversational English, Wrocław, 1952, стр. 86; M. Schubiger, Intonation — Word-Order — Provisional «it», «English Studies», XXVII, 1946, стр. 140; M. Deutschbein, Grammatik der englischen Sprache auf wissenschaftlicher Grundlage, Heidelberg, 1957, стр. 61. Другие интонационные признаки английских *PS*: элемент *S* — слабо ударенный, произносится в нижнем регистре и оканчивается факультативным повышением тона.

[15] См.: А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 57.

[16] Ср.: Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, Л.— М., 1937, стр. 117—119.

3.3. Начиная с логических грамматик двусоставные БП считают неполными, с пропуском личной формы глагола (Н. Греч, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Я. Гримм, А. Сешеэ, Э. Крейзинга, Дж. Керм, У. Фрэнсис, У. Миттинз), а также эллиптическими (И. А. Попова, П. С. Дудык, Ф. Блатц, Г. Поутсма), содержащими нулевую форму глагольного сказуемого (А. М. Пешковский, Е. М. Галкина-Федорук, Г. А. Хабургаев, Ш. Балли, Р. Якобсон, Р. Годель), примыкающими к неполным (А. А. Юдин), «ни безусловно полными, ни неполными» (А. В. Турасова), предложениями, в которых отсутствующий глагол замещен паузой и интонацией (Б. Дельбрюк, В. Х. Анастасьева), генетически неполными предложениями (Л. Келльнер, Й. Рис). Но подстановка предполагаемых недостающих членов часто невозможна, так как противоречит признакам: (1) структурной стабильности, (2) синтаксической одновариантности подстановки, (3) семантической стабильности, (4) стилистическому, (5) эллиптическому[17].

(1) Ср. невозможность вставки связки: *No resprect for his elders, that young man* «Никакого уважения к старшим у этого молодого человека». (2) Ср.: *Impossible to please him!* «Невозможно удовлетворить его!», где *P* может соответствовать не только субъектному, но и объектному предикативу. (3), (4) Вставка связки часто изменяет семантический тип предложения, ослабляя его эмоционально-оценочный оттенок, а также лишает БП их стилистических и экспрессивных оттенков (Л. Ельмслев, Р. Якобсон, Б. А. Ильиш). (5) Древность БП показывает, что в ряде случаев эллипсис в БП — мнимый[18]. Многие БП развиваются не через эллипсис, а путем присоединения *P* к *S* и *S* к *P*. Последнее происходит во избежание неясности понимания и подтверждается показаниями интонации[19] и лексики; ср. «*So beautiful*», *said Mrs. K... **She added,... I mean** the way the table is laid*» «„Как красиво“,— сказала миссис К... Она добавила: „Я имею в виду то, как накрыт стол“».

Но среди БП есть и такие, которые обладают всеми признаками неполных предложений. Ср. разг. *What you doing*? «Что ты делаешь?». БП как особый тип двусоставных предложений, по-видимому, возникли двумя путями: как эллиптически, так и посредством присоединения.

4.1. Близость БП и ГП проявляется в их двусоставности, средствах выражения членов, в происхождении некоторых БП от ГП, а также в целом ряде других признаков. Так, для БП и ГП характерны одинаковые оппозиции по актуальному членению. Ср. БП (2.1—2.3) и ГП типа SP_v: *That Coker sounds efficient* «Этот Коукер производит впечатление дельного человека», а также P_vS: *Sounds efficient, that Coker* «Производит впечатление дельного человека, этот Коукер»[20].

4.2. В членах БП и ГП наблюдается одинаковая бифункциональность. Ср. БП типа *P* (он же *S*) + *P*: *Silly little thing to try to put a spoke in my wheel* «Глупышка, стараться ставить мне палки в колеса» и *P* + *S* (*P*):

[17] См.: Г. А. Вейхман, Признаки неполноты предложения в современном английском языке, ФН, 1962, 4, стр. 92, 93.

[18] О полноте БП см. также: В. В. Виноградов, Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения, ВЯ, 1954, 1, стр. 21; R. Blümel, Einführung in die Syntax, Heidelberg, 1914, стр. 35; A. Bosker, Some aspects of the study of English syntax, «Neophilologus», XXXI, 1947, стр. 37, 38; C. Guiraud, La phrase nominale en grec d'Homère à Euripide, Paris, 1962, стр. 10.

[19] См. примеч. 14.

[20] Тип P_vS в просмотренных работах англистов не отмечался. Ср. *Профинтил дорогою денежки, голубчик* (пример А. А. Шахматова, указ. соч., стр. 285); нем. *Sieht gut aus, das Mädchen.* «Хорошо выглядит, девушка». Распространение типа P_vS ограничено случаями, когда препозитивный глагол не может быть понят как императив: глагол в P_v — флективный или модальный, или отсутствует указание на субъект, которому предлагается выполнить данное действие.

And to dare to treat her like that, a two-penny-halfpenny little man... «И посметь обращаться с ней так, мелкий человечишко...»; ГП типа $P\,(S)+P_v$: *Damned old fool — never made a quick decision in his life* «Проклятый старый дурак — никогда ничего не решал быстро» и $P_v + S\ (P)$: *Ought to be ashamed of himself, unmanly coward!* «Постыдился бы, этот жалкий трус!».

4.3. БП, подобно ГП, объединяются в сложные предложения (1), вставляются в ГП (2), распадаются на реплики диалога (3). Ср. (1) $SP + SP$: *All these rooms empty, and we without a roof to our heads* «Все эти комнаты пусты, а мы без крова»; (2) *And you tell me Miss Able (sensible girl that) vouches for her* «И вы говорите, мисс Эйбл (разумная она девушка) ручается за нее»; (3) БП, монолог: *Mrs. Mont speaking* «С вами говорит миссис Монт»; диалог: «*M. Hercule Poirot*?» — «*Speaking*» «„Г-н Геркюл Пуаро?“ — „Именно он“». Ср. ГП, диалог: «*And the man who has enacted the part of the Prime Minister*?» — «*Rids himself of his disguise*» «„А человек, игравший роль премьер-министра?“ — „Снова становится самим собой“».

4.4.1. БП бывают логически связаны с соседним ГП (1), образуют при паратаксисе зависимые части при независимых глагольных (2), а при гипотаксисе — непридаточные части при придаточных глагольных (3) и придаточные части при непридаточных глагольных (4). Ср.: (1) *Of course, we can't have our party, can we? The band and everybody arriving* «Наш вечер, конечно, не состоится, да? Оркестр и гости собираются»; (2) *That's a wicked thing, and you loving him...* «Это нехорошо, а вы любите его...»; (3) *So sudden and unexpected her approach that there was no opportunity to escape* «Так неожиданно ее приближение, что не было возможности спастись»; (4) *Well, drivel is drivel..., whatever a man's age* «А болтовня есть болтовня, неважно, какой возраст человека». Сходство образования зависимых частей сложных предложений из ГП и БП показывает, что правомерно отказаться от традиционной трактовки некоторых безглагольных зависимых частей (номинативных абсолютных оборотов) как членов простых предложений.

4.4.2. БП не только образуют части сложных ГП, но и сами строятся из глагольных частей. Последние образуют P в SP: *Korea. It's over* «Корея. Война окончена»; S в SP: *If they approve — fine* «Если они одобряют — хорошо»; S в PS: *How strange she'd never thought of it like that before* «Как странно, она никогда об этом так не думала».

4.4.3. Предложения с обособленными второстепенными членами типа *Puzzled and angry, he started searching for his keys* «Озадаченный и злой, он начал искать ключи»; *The girl, puzzled, waited expectantly* «Девушка, озадаченная, ждала»; *She half turned, puzzled* «Она наполовину обернулась, озадаченная» представляют собой не что иное, как гибридные сочетания БП и ГП с общим для них S, типов $P + S + P_v$, $S + P + P_v$ и $S + P_v + P$. В этом убеждает (1) то, что в них налицо средства выражения, характерные для БП и ГП; (2) связь обособленных второстепенных членов с подлежащим и их предикативный («полупредикативный») характер, что объяснимо как результат их развития из безглагольных P; наличие (3) переходных и (4) параллельных образований. (3) Ср. $S_1 + P_v + 3P + S_2$: *The gipsy dragged her heavily, lurching, plunging, but still keeping foot-hold both of them, towards the house* «Цыган с трудом тащил ее, шатаясь, погружаясь в воду, но не теряя опоры, они оба, к дому», где предикативный характер $3P$ (*lurching... foot-hold*) подтверждается соотнесенностью не только с S_1 (*The gipsy*), но и с S_2 (*both of them*), причем связь $3P$ и S_2 полностью идентична связи P и S в БП типа PS. В $P + S + P_v$ типа *Smart man, Hornblower; never lets grass grow* «Ловкий человек, Хорнблоуер; всегда действует быстро и энергично» с присоединением P_v (*never lets...*) создаются предпосылки для переосмысления связей внутри образовавшегося синтаксического единства. По мере смещения смыслового акцента в сторону P_v предикативная

связь между ним и S становится первичной, а между P и S — вторичной. С изменением паузации (ср.: *Smart man, Hornblower never lets...*) и получается то, что принято называть предложением с обособленным второстепенным членом. (4) Наряду с $P + S + P_v$, $S + P + P_v$ и $S + P_v + P$ есть другие образования с двумя P при общем S: а) $S + 2P_v$ — слитные (двусказуемые) предложения и конструкции с присоединенным вторым составом сказуемого: *We broke the land. Worked on the railway* «Мы поднимали целину. Работали на железной дороге»; в) апокойну $P_v + S + P_v$: *Theres a dustman downstairs, Alfred Doolittle, wants to see you* «Внизу стоит мусорщик, Альфред Дулитл, хочет видеть вас»; с) $P + S + P$: *Extraordinary man, Hugo, uneducated and rough of tongue* «Удивительный человек, Гуго, необразованный и грубоватый».

Из трех основных гибридных сочетаний БП и ГП с бифункциональным S наиболее продуктивен и коммуникативно важен тип $S + P_v + P$. Так, предложения с «двойным (глагольно-именным, вторым, второстепенным) сказуемым (предикатом)», часто рассматриваемые отдельно от предложений с обособлением,— тот же тип $S + P_v + P$, но с утратой обособления P. Ср.: *He looked embarrassed* «Он выглядел смущенным» и *He just looked — embarrassed* «Он просто глядел — смущенный». К этому же типу восходят аналитические формы сказуемого: именное, глагольное в формах пассива и продолженного вида [21]. Так называемое «обстоятельство последующего действия» (Л. С. Бархударов и Д. А. Штелинг, Г. П. Богуславская) — это факультативно обособленный инфинитивный P в $S + P_v + P$. Ср.: *Downstairs he found the janitor, to hand him a dollar...* «Внизу он нашел дворника, дал ему доллар...»; *He will live to be ninety* «Он доживет до 90 лет».

P может быть связан не с S_1 — подлежащим, а с S_2 — второстепенным членом того же ГП, например P — «абсолютный оборот»: *Unknown, disappointed, baffled at every turn, nothing could rob this incorrigible dreamer of his Dream* «Неизвестный, разочарованный, терпящий неудачи на каждом шагу, ничто не могло лишить этого неисправимого мечтателя его мечты». Аналогично с S_2 сочетаются присоединенные (1) P_v и (2) $P + P_v$. Ср. (1) *You take the mink out west. Wont eat any bait but hard-boiled eggs* «Возьми западную норку. Не берет никакой наживки, кроме крутых яиц»; (2) *But I wonder if you'd take a case from me here? Early T. B. Probably requires pneumothorax* «Не возьмете ли Вы у меня больную? Ранняя стадия ТБЦ. Может нуждаться в пневмотораксе». При интонационной слитности присоединенный P образует с S_2 сложное дополнение (1), а второй P_v — глагольную конструкцию апокойну (2), или, при инверсии S_2, получается то, что принято считать сложноподчиненным предложением (3). Ср.: (1) *Now look at her! Killing herself with work* «Посмотри на нее? Убивает себя работой» и *Now look at her killing herself with work* «Посмотри, как она убивает себя работой»; (2) *It was me notified the sheriff* «Это я сообщил шерифу»; (3) *This great city of London you're in now has become what it is for many reasons* «Великий город Лондон, в котором вы сейчас находитесь, стал тем, чем он является, по многим причинам», где *This... London* — инвертированный S_2, а *has... reasons* — второй P_v.

4.4.4. Многие члены современных английских ГП правомерно трактовать как БП, целиком вошедшие в ГП, причем предикативные отношения внутри БП переосмысляются в (1) атрибутивные или (2) вторично-предикативные. Ср.: (1) *There were big drifts blocking the wide steps* «Большие сугробы, накрывшие широкие ступени»; (2) *I object to my money being paid to these people* «Я против того, чтобы мои деньги платили этим людям». О включении

[21] Об их становлении см., например: В. Н. Ярцева, Исторический синтаксис английского языка, М.— Л., 1961, стр. 64—128.

БП в ГП свидетельствуют: (1) структурная идентичность БП и соответствующих членов ГП; (2) наличие переходных случаев, когда ГП = вводно-модальный элемент + БП; (3) сходные процессы при образовании частей сложных предложений из БП и ГП (4.4.1, 4.4.2), а также членов простых предложений из ГП; (4) однородность членов ГП и присоединенных элементов типа *SP*. Ср.: (1) *Worse still to come* «Худшее еще впереди» и *There's worse to come* «Худшее впереди»; *First Lieutenant speaking, sir* «Говорит первый лейтенант, сэр» и *This is Doctor Manson speaking* «Это говорит доктор Мэнсон»; (2) *Fancy Aunt Cissie saying all those things to you!* «Подумать только, что тетя Сисси говорила все это тебе!»; (3) *They were young creatures with* ***deuce-take-it*** *manners* «Это были молодые девицы, делавшие вид, что им на все наплевать»; (4) *I leaned back against the cushions, hearing* ***the door slam and Roman walk around the car and get in the other side. Key snicking in the lock*** «Я откинулся назад на сидении, услышал, как хлопнула дверца, как Роман обошел машину и влез с другой стороны. Ключ, щелкнувший в замке». Однако наличия подобных присоединенных элементов недостаточно для вывода о происхождении всех БП путем выделения из ГП [22]. Последовательное применение такого взгляда привело бы к явно неправомерному выведению ГП типа *Deuce take it* из (3) *They... with deuce-take-it manners*, односоставных предложений — из двусоставных ГП, и, в конечном счете, всех кратких предложений — из более распространенных.

5. Доказательство существования двусоставных БП как особого типа предложений важно методологически, поскольку оно еще раз подтверждает ошибочность фетишизации личной формы глагола, свидетельствует о преувеличении роли эллипсиса и односоставности как средств интерпретации БП, а также роли точки и ее эквивалентов как показателей границ предложения.

Хотя БП и являются особым типом предложений, они образуют с ГП единую систему двусоставных предложений, объединенных структурным сходством, характером актуального членения и дистрибуции, частой бифункциональностью членов, наличием гибридных образований из БП и ГП. Будучи полноправным, хотя и не ведущим, членом этой системы, БП играют особо важную роль при осложнении ГП. Употребление как ГП, так и БП в обеих формах речи, их распад на реплики диалога свидетельствуют о единстве синтаксических моделей языка, их относительной независимости от формы речи.

Изучение БП и их взаимоотношений с ГП связано с описанием ряда еще не освещенных фактов и синтаксических процессов и позволяет по-новому осмыслить и систематизировать некоторые синтаксические явления.

---

[22] Ср.: O. B e h a g e l, Deutsche Syntax, III, Heidelberg, 1928, стр. 482, 483.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«The use of computers in anthropology», ed. by Dell Hymes. — Mouton, The Hague, 1965. 558 стр.

Рецензируемая книга представляет собой материалы конференции, проходившей в Бургвартенштейне (Австрия) 20—30 июня 1962 г.

Книга охватывает большой круг вопросов, относящихся к разнообразным областям антропологии, в самом широком смысле этого термина. В настоящей рецензии этот обширный материал будет рассмотрен выборочно, с тем, чтобы выделить те его стороны, которые имеют непосредственное отношение к языкознанию.

Проблема придания материалу вида, пригодного для подачи его на механизмы

Применение вычислительной техники в области гуманитарных наук вообще и лингвистики, в частности, требует, чтобы исследовательские задачи были сформулированы точно и эксплицитно. Успех ее применения будет зависеть от того, насколько специалисты данной гуманитарной области способны вполне точно, подробно и, что самое главное, однозначно сформулировать свои исследовательские задачи: определить исследовательскую процедуру или запрограммировать материал. Иными словами, соответствующим данным надо придать такую форму, чтобы они сделались «исчисляемыми», «программируемыми» и т. д.

Освещению этого коренного вопроса в применении к языкознанию посвящены обширные работы С. М. Лэма «Обработка лингвистических данных («Linguistic data processing»), П. Гиро «Диакритические и статистические модели для языков применительно к счетно-вычислительным машинам» («Diacritical and statistical models for languages in relation to the computer») и П. Л. Гарвина «Подготовка материалов гуманитарных наук для электронного автомата: вопросы методологии» («Computer processing and cultural data. Problems of method»). С. М. Лэм начинает с определения самого понятия «обработки лингвистических данных», допускающего по крайней мере три различных понимания: 1) «обработка (processing) лингвистических данных» как с лингвистической, так и с нелингвистической целью, 2) «обработка данных (как словесных, так и несловесных) для лингвистических целей» и, наконец, 3) «обработка некоторых данных при помощи лингвистических процессов». При этом под «лингвистическими процессами» понимаются 1) процессы, на которых основывается образование и понимание речи, и 2) процессы, на которых зиждется лингвистический анализ, включающий, наряду с более сложными аналитическими операциями, составляющими основное содержание лингвистики, также и операции учета и регистрации. Однако провести вполне точную границу между теми и другими очень трудно.

Все эти сложнейшие отношения разъясняются автором на искусно составленной и подробно разъясненной таблице (стр. 161). Таким образом С. М. Лэм приходит к понятию «механолингвистики» (mechanolinguistics) — термина, предлагаемого им в качестве синонима «вычислительной лингвистики» (computational linguistics). Это — та интердисциплинарная область исследования, в которой перекрещиваются лингвистика и вычислительная автоматика (automatic computation). В компетенцию «механолингвистики» входят исследования, имеющие лингвистические цели, независимо от того, включают ли они лингвистические процессы и являются ли исследуемые материалы лингвистическими или нет, а также те области исследования, в которых реализуются лингвистические процессы, независимо от того, являются ли цели исследования лингвистическими или нет.

Конкретно «обработка лингвистических данных» трактуется С. М. Лэмом строго в «алло-эмических» терминах [1]. Как кодирование, так и декодирование речи поддается разделению на опреде-

[1] Ср., в частности: S. M. Lamb, On the mechanisation of syntactic analysis, «International Conference on machine translation of languages and applied language analysis», London, 1962.

ленные части, в соответствии с разными уровнями структуры языка. Процесс декодирования делится на следующие стадии (каждая из которых программируется по отдельности): сегментация текста на лексы, превращение лексов в лексемы, определение тактических соотношений лексем и наконец — превращение в семемы, т. е. в структурные единицы значения. Процесс кодирования делится на: 1) создание сообщения (message creation) и 2) собственно кодирование. В терминах лингвистической системы, обладающей семемами, «создание» сообщения заключается в том, чтобы порождать комбинации семем, используя их наличные инвентари и правила, управляющие их комбинациями. Кодирование распадается на три стадии, на которых осуществляется преобразование комбинаций семем в цепочки лексем, цепочек лексем в цепочки морфем, и, далее, сведéние цепочек морфем к комбинациям либо фонем, либо графем. Гораздо проще образование высказываний, представляющих бессмысленную, но грамматически упорядоченную речь. В этом случае семемный ряд опускается и «создание» сообщения начинается на уровне лексем, т. е. выступает непосредственно как программа порождения цепочек лексем [2].

Как можно видеть из сказанного, основной и не решенной до сих пор проблемой является «квантификация» на уровне с е м е м. Хотя С. М. Лэм тщательно отличает процесс «создания сообщения» от его кодирования (что следует отметить как положительное явление), он ограничивается лишь весьма общими рассуждениями на эту тему, даже не пытаясь предложить конкретную семиологическую программу.

В этом отношении выгодно отличается названная выше работа П. Гиро. Для подачи на механизмы лингвистическому материалу необходимо придать «формальный вид». Именно структурная лингвистика является в этом отношении большим шагом вперед, потому что методы этого направления являются по преимуществу формальными. Однако машинная обработка о з н а ч а е м о г о оказывается практически невозможной, так как машина, по мнению П. Гиро (разделяемому многими исследователями [3]), принципиально неспособна воспринять «умственное» содержание языка [4]. Отсюда огромная сложность исследований на уровне синтаксиса и лексикологии, где единицы, помимо диакритической значимости, имеют еще и вторую сторону, а именно оказываются связанными с понятием «значение».

Для квантификации единиц содержания следует принять, что обозначаемое конструируется комбинацией некоторого числа предельных дискретных элементов. Например, обозначающему л о ш а д ь соответствует обозначаемое *лошадь*, состоящее из: животное + позвоночное + млекопитающее + непарнокопытное и т. п. Если это так, то частота (или частотность) каждой семантемы должна определяться числом значащих элементов, входящих в строение обозначаемого, а общая совокупность их должна была бы распределяться в соответствии с канонической схемой Ципфа, в которой распределение обозначающих и распределение обозначаемых были бы наложены друг на друга, причем и то и другое определялось бы дискретными единицами и повиновалось бы одному и тому же статистическому закону. Также имелись бы все основания предполагать, что наиболее отмеченные формы с фонологической точки зрения приписывались бы наиболее отмеченным формам с точки зрения семантической.

Если такие «субсемантемы» или «семантические компоненты» действительно существуют, то они, по-видимому, не очень многочисленны. Простое вычисление показывает, что было бы возможно получить те приблизительно 200 тысяч единиц, которые обычно составляют словарь, на основе системы лишь всего 17 субсемантем, находящихся в отношениях бинарного противопоставления (при условии, конечно, что система будет бинарной)[5]. Правда, такая система оказалась бы избыточной, и поскольку имеются все основания показать, что оптимальная величина избыточности составляет 50%, субсемантем должно быть не 17, а 17, умноженное на 2, или приблизительно 34.

Сказанное подводит к вопросу о семантической структуре словаря. В этой связи полезно вновь вернуться к кривой Ципфа, т. е. к вопросу о статистическом распределении слов в речи (частотность каждого слова обратно пропорциональна его относительному положению в списке слов, расклассифицированных в порядке уменьшающейся частости). Значение поэтому определяется как направленность (или ориентированность) данного знака на одни определенные знаки и отсутствие такой направленности или ориентированности на другие. Понятие парадигматической значимости теснейшим образом свя-

[2] Ср.: V. H. Y n g v e, A model and a hypothesis for language structure, «Proceedings of the American Philosophical Society», 104 (1966).

[3] Ср., например: Н. Д. А н д р е е в, Статистико-комбинаторное моделирование языков, М.—Л., 1965, особенно стр. 5 и сл.

[4] В этом принципиальное отличие исследования «означаемого» от «означающего».

[5] Такое понимание довольно точно соответствовало бы «двадцати вопросам» салонной игры.

зано с понятием значимости синтагматической.

Поскольку проблема «значения» отнюдь не ограничивается собственно лингвистическим ее аспектом, здесь целесообразно коснуться работы К. Пио «Методологическое исследование анализа содержания посредством электронных автоматов» («A methological investigation of content analysis using electronic computers for data-processing»). К. Пио исходит из того, что сегментации должен предшествовать анализ текста и установление границ последовательностей, связанных с теми или иными видами отношения. Для установления этих границ большую роль играет критерий отсутствия семантической неясности (semantic ambiguity). Попытка закончить последовательность должна совершаться в тот момент, когда изобилие концептов начинает вызывать синтаксические неясности. Основой работы является «интерпретация» или транспозиция изучаемого текста в нормализованный язык, пригодный для систематического изучения его содержания. «Лексическая» интерпретация состоит в том, чтобы подставлять под предложения текста различное число «ключевых» слов, имеющих целью наиболее оперативно обозначать основные концепты или понятия [6]. Ища дескрипторы, исследователь должен избегать: 1) чересчур свободной семантической интерпретации, где можно зайти слишком далеко, сплавляя воедино концепты, по-разному выраженные в тексте, и 2) буквальной транскрипции, при которой термин текста может сохраняться, что приводит к забвению первоначальных целей исследования.

Проблема перевода непрерывного ряда в дискретный в общей форме ставится в названной выше работе П. Гарвина.

В предыдущем изложении внимание было сосредоточено на собственно языковедческих проблемах. Теперь необходимо задержаться на некоторых общетеоретических предпосылках для того, чтобы затем остановится на более конкретных способах применения вычислительной техники в области языкознания.

В этом плане серьезного внимания заслуживает работа Ж. К. Гардена «Типология применения электронных вычислителей в антропологии» (A typology of computer uses in anthropology»). Ж. К. Гарден исходит из того, что сведение материала к «алгоритму», приемлемому для программиста, должно быть поручено самому электронному вычислителю.

Данные (data) классифицируются при помощи двух пар двоичных противопоставлений: 1) символические данные, противопоставляемые физическим, и 2) (уже внутри символических данных) естественные языки, противопоставляемые специальным (или особым) кодам.

Первое противопоставление совпадает с классическим различением знаков и символов. Данные физические факты (например, отрезок речи, буква и т. д.) могут рассматриваться как некая материальная сущность, безотносительно к тому, связана ли она каким-либо отношением с другими физическими явлениями того же порядка (как, например, звук речи, алфавиты и т.д.) или нет. С другой стороны, это же физическое явление можно рассматривать как часть системы различительных символов, соотносимых с набором различий, лежащих за пределами данной системы. В первом случае задача сводится к тому, чтобы подготовить или запрограммировать некоторый набор физических сигналов; во втором — речь идет уже о соответствующей обработке знаков, обладающих символической функцией. Следует заметить, что противопоставление естественных языков особым кодам ни в какой мере не совпадает просто с физическим противопоставлением естественного человеческого языка искусственно разработанному коду. И тот и другой может явиться как объектом изучения, так и средством для изучения других, главным образом нелингвистических данных. Это положение иллюстрируется прекрасно подобранными примерами (стр. 107).

Исследование и классификация разных типов данных сопровождается аналогичной классификацией разных видов о п е р а ц и й, которые также поддаются сведению к двум парам двоичных противопоставлений: 1) компиляция, противопоставляемая систематизации, и 2) (в пределах систематизации) статическая систематизация, противопоставляемая систематизации динамической.

В области языкознания компиляция имеет место тогда, когда машина регистрирует все случаи употребления данного слова или формы, составляет указатели, сводки, библиографические списки и т. п. В отличие от компиляции, с и с т е м а т и з а ц и я требует того, чтобы обработка данных сопровождалась выводами, основанными на определенной теории; примеры — машинный перевод, установление разного рода культурных таксономий, моделирование поведения и т. п. Систематизация далее может быть как статической, так и динамической; в первом случае в центре внимания описание системы в состоянии покоя — упорядоченное представление данного множества, например дескриптивный анализ языков; во втором — п о в е д е н и е системы в действии, раскрытие постепенно развивающихся отношений между последовательными индивидуальными события-

[6] Это «дескрипторы»; ср.: О. С. А х м а н о в а, С. Е. Н и к и т и н а, О некоторых лингвистических вопросах составления дескрипторных языков, ВЯ, 1965, 6.

ми, например историческое развитие языка. Совершенно понятно, что в случае динамической систематизации очень большое место отводится проблеме «уподобляющего» моделирования (simulation), о чем подробно будет сказано ниже.

Описание (description) следует отличать от обнаружения (discovery). Хотя и то и другое относится к статической систематизации, описание исходит из эмпирического значения рассматриваемых систем и имеет целью построение теоретической модели в виде некоторого подытоживания, нередко в терминах математического языка. Процесс же обнаружения, в отличие от описания, заключается в том, чтобы посредством исчисления (computation) обнаружить системные отношения или группировки на основе совокупности независимо сделанных наблюдений. При этом термин «исчисление» употребляется в широком смысле, т. е. включает как числовые, так и нечисловые исчисления (both numerical and non-numerical computations, стр. 109). Однако во всех случаях необходима квантификация основных черт, выделение параметров, на основе которых производится научная систематизация.

Виды работ, выполняемых электронными автоматами, и их иерархия

По количеству разработанных и уже в той или иной степени применяемых видов работ с электронным автоматом лингвистика давно опередила все другие гуманитарные дисциплины. В указанной выше статье С. М. Лэм перечисляет в иерархическом порядке (от простейших к более сложным) следующие виды работ. Прежде всего просто поиск, т. е. выбор из текста всех случаев употребления в нем какой-то одной или нескольких единиц, причем машина может также принять во внимание их окружение. В порядке дальнейшего осложнения в программу может быть включено видоизменение выбираемых элементов, например разделение слов на корень и суффикс, переписывание их в морфонемической транскрипции и т. п. Возможно также программировать, например, обратные перестановки элементов выбираемых единиц и составление «ограниченных» или «селективных» конкорданций, т. е. таких, в которые включаются не все единицы текста, а лишь некоторые с вполне определенно указываемым ограничением. Возможно также запрограммировать указание порядка преобразования единиц в тексте; предметом поиска могут явиться не отдельные слова или морфемы, а целые цепочки морфем; можно предусмотреть наличие в тексте подстрочного перевода или грамматических диакритик, а также подстрочной морфемной или лексемной транскрипции и т. д.

Об этом же говорит Ж. Е. Гарден (ср. выше). Применение автоматов в области языкознания наиболее естественно исходит из «словесных» данных, причем наиболее распространены разнообразные лексикографические исследования. Электронные вычислительные машины используются здесь просто как сортирующее и счетное оборудование (указатели; выдержки, основанные на выделении морфем, слов и т. д., рассматриваемых по отдельности или в различных сочетаниях и т. п.). При этом соответствующие тексты могут выступать либо просто как образцы данного языка (т. е. рассматриваться безразлично к их индивидуальному содержанию), либо как произведения речи, изучаемые как таковые — например фольклор и т. п. Однако при всем разнообразии материала и целей исследований все это лишь простейшие процессы. Электронный автомат всюду ограничивается лишь функцией восприятия материала, осуществления поиска, рационального представления или систематизации данных, предварительно выделенных на основе эмпирической квантификации.

A. Статистические работы

Вполне понятно, что «простейшие» виды работ, разъясненные выше, тесно связаны с разными вариантами статистической обработки материала. Этому вопросу специально посвящается небольшой доклад В. Мильке «Статистическая обработка» («Statistical processing»). Не имея возможности здесь подробно описать разные виды статистических программ (см. стр. 190—194 рецензируемой книги), необходимо остановится лишь на следующих весьма существенных замечаниях. Во-первых, многие из приемов статистического исследования имеют целью «сгруппирование» (grouping) или классификацию некоторых реальных объектов, и в этом смысле гуманитарные науки сближаются с таксонимическими подразделениями биологии. Но между этими двумя областями знания имеется и важное различие. Биологи исходят из существования естественных групп, которые надо всего лишь обнаружить, тогда как гуманитарии не привыкли к строгому разграничению и определению выделяемых ими классов или «групп», которые, к тому же, в значительной степени зависят от проблемной ориентации исследователя, т. е., например, от того, интересуют ли лингвиста в пер-

вую очередь исторические или структурные классификации. Дело далее осложняется тем, что выделенные подразделения могут оказаться искусственными конструктами вычислительной техники.

Совершенно понятно, что различные ориентации исследователей не могут не сказаться на характере применения квантитативной таксонимии или «таксометрии». В гуманитарных науках до сих пор господствовали качественные методы и не было реальной основы для вычислений, основанных на геометрии n-мерного гиперпространства. Теперь же и гуманитарии должны признать, что деятельность специалистов по таксометрии далеко опередила все, что делается ими самими. Однако необходимо помнить, что качество статистического анализа полностью определяется предшествующими ему классификациями. Выход, получаемый из электронного автомата, неумолимо определяется вводом, причем никакие соображения здравого смысла или правдоподобия не могут иметь здесь никакого значения.

Доклад Р. Уисби «Вычислители и лексикография» («Computers and lexicography») представляет главным образом исторический интерес. Р. Уисби подробно рассказывает о тех совершенно непреодолимых трудностях, с которыми встречались и продолжают встречаться лексикографы, не прибегающие к электронно-вычислительной технике в своей работе. Обращаясь к истокам этого рода деятельности (начиная от «Summa theologiae» Фомы Аквинского), Р. Уисби приводит многочисленные материалы, свидетельствующие о том, что лексикографическая обработка текста без помощи вычислительной техники представляет собой работу настолько трудоемкую, что нередко для составления сколько-нибудь надежной конкорданции (concordance) того или иного произведения требовались десятки лет,— фактически принесение в жертву целых человеческих жизней.

Как известно, выделять дискретные единицы на дифференциальном уровне гораздо легче, чем на уровне семантическом. Однако и там нельзя обойтись без новой техники вследствие необходимости четко различать диакритическую и статистическую трактовки фонологических систем. Различные фонемы обладают устойчивой относительной частотностью употребления; вместе взятые они составляют совокупность системных отношений, структура которой и определяет их функционирование. Эти две стороны находятся во взаимной корреляции, почему любое изменение одной из них немедленно отражается на другой. В указанной выше статье П. Гиро ссылается на работы Ципфа (стр. 243), который первый показал, что частота звонких звуков приблизительно вдвое меньше, чем частота соответствующих глухих, и высказал гипотезу о наличии известного равновесия в этом отношении. Сам П. Гиро занимался специальным изучением этого «статистического порога»[7]. Он показал, что озвончение интервокальных глухих в романских языках перешло границу допустимого и поставило под угрозу равновесие данной системы. Ясно, что хотя такого рода исследования и могли осуществляться до применения новейшей техники, проведение их на электронных автоматах будет несравненно более эффективным.

Электронно-вычислительная техника приобретает особенно большое значение при выходе фонологических противопоставлений на лексический уровень. Дело в том, что теперь нельзя ограничиваться просто обнаружением оппозиций типа *P—B* на основе наличия в языке таких пар, как, например, *pain — bain*. Теперь необходимо составить полный инвентарь тех слов данного языка, в которых осуществляется каждая из оппозиций и который сопровождался бы статистическим анализом частотности реализаций всех противопоставлений.

Современная статистика не может обходиться без обращения к основным категориям теории информации. Так, например, понятие «значимости» (valeur) теперь предстает как совокупность возможностей выбора, каждый из которых обладает вероятностью, определяющей его информационное содержание в статистическом смысле слова. Поэтому значимости диакритической информации и информационное содержание (статистическая информация) представляют собой параллельные и дополнительные понятия.

Вообще значение (сигнификация) обусловливается одновременной возможностью реализации одних значений и невозможностью реализации других.

Из всего изложенного следует, что подосновой всех видов формальных отношений в языке является система семантических отношений. Крайняя сложность проблематики объясняет, почему до сих пор лексикология так отставала от других аспектов языка и позволяет П. Гиро еще раз подчеркнуть ту мысль, что только современная электронная автоматика может придать лексикологии вполне научный вид. П. Гиро останавливается также на интересных вопросах квантитативной стилистики.

Как известно, П. Гиро неоднократно приходил к выводу, что слова, используемые в произведениях литературы, представляют собой систему специфических отношений, отличающихся от отно-

[7] Ср.: P. Guiraud, Problèmes et méthodes de la statistique linguistique, Paris, 1966.

шений, характеризующих норму данного языка. Поэтому каждое слово выступает здесь как «поле значимости» (ср. выше), характерное для данного автора (или для данного произведения) «стилистическое поле» (champs stylistique, stylistic field). То, что произведение художественной литературы обладает своим собственным «кодом», выявляется особенно явственно в произведениях поэтических; они предстают как своеобразные лингвистические эксперименты, характеризующиеся новыми наборами отношений между словами. Но если «значение» — это система отношений, то специфика литературного произведения конституируется не словами, заимствуемыми поодиночке, с их традиционной перспективой, а системой дифференциальных значений, реализуемой сорока — пятьюдесятью тысячами составляющих его слов. Даже если допустить значительную избыточность, все равно останутся миллионы отношений, которые следует обнаружить, классифицировать и сосчитать. Ясно, что эта работа, хотя по существу она и проста, не могла быть осуществлена до появления электронно-вычислительной машины. Указанные методы успешно применяются также для определения авторства и времени написания произведения.

В дискуссии, посвященной применению статистических методов, Т. А. Себеок поставил следующий вопрос: почему 25 лет лингвистической статистики дали — и с этим все согласны — столь обескураживающие результаты? На это П. Гиро ответил, что статистика обычно употреблялась только для обнаружения уже известных фактов. Детально разобрав разного рода статистические классификации, применявшиеся в языкознании, П. А. Гарвин пришел к следующему выводу: статистика — это совокупность таких операций, в которых производится подсчет известного рода единиц. Поэтому прежде всего необходимо знать, что́ представляют собой избранные единицы и какого рода свойства могут, теоретически рассуждая, быть приписаны им, так как вся техника статистической обработки направляется именно этими свойствами. Для того чтобы статистическая обработка дала результаты, необходимо: 1) выделение единиц на основе разумных критериев релевантности и 2) понимание того, какие именно отношения представляют интерес при формулировке в нестатистических терминах.

Б. Проблемы механической организации материала
Выделение классов и групп

Электронный вычислитель — это не просто великолепный арифмометр, отличающийся от обычного лишь гораздо большей скоростью выполнения операций. Хотя специалистам в области вычислительной техники это хорошо известно, для неспециалиста очень полезно содержащееся в рецензируемой книге конкретное разъяснение репертуара неарифметических операций, доступных электронному вычислителю, которые только и раскрывают по-настоящему важные перспективы его применения в гуманитарных науках.

Несомненный интерес представляет в этой связи доклад Дж. Т. и Ж. Е. Гуллахорн «Электронный вычислитель как средство развития теории» («The computer as a tool for theory development»). Неудовлетворительное состояние гуманитарной теории разные ученые пытались ликвидировать, примыкая, в основном, к одному из следующих двух направлений: 1) «улучшение» существующих «словесных» теорий и 2) оперирование математическими символами. Однако несмотря на несомненные преимущества математических формализаций, их применимость в гуманитарных науках лимитируется ограничениями, накладывающимися на число взаимосвязываемых переменных. Поэтому традиционная математика мало пригодна для того, чтобы трактовать всю совокупность сложных явлений и развивать предпосылки, содержащиеся в теории гуманитарных наук. Отсюда неприятие «ложной строгости» за счет упрощения «традиционных» словесных или описательных формулировок. Тем важнее новый, «третий» путь, открывшийся теперь для гуманитария. Электронная вычислительная машина может «читать» различные символы, хранить их в своей памяти, сравнивать их между собой, копировать их, ассоциировать и т. п. Комбинации этих разнообразных возможностей машины открывают широкие перспективы программирования теории.

Для лингвиста особый интерес в связи со сказанным представляют соображения, высказанные П. Гарвиным в отношении «нестатистических» электронных автоматов, т. е. тех использований электронно-вычислительной техники, в которых последняя выступает в качестве логического анализа. Электронный автомат должен представить совершенно точные выводы из данного ряда посылок без обращения к тем индуктивным видоизменениям и усовершенствованиям, которые человек будет естественно стремиться вводить в процессе развития заданных предпосылок. Иными словами, делая логические выводы из определенной системы заданных предпосылок, человек будет невольно «подправлять» ход логического рассуждения на основе интуитивно возникающих дополнительных соображений. Электронный же автомат совершенно бесстрастно обнаружит непоследовательности, которые легко

ускользают от внимания человека, готовящего исходный материал для логического эксперимента.

П. Гарвин (так же как и Ж. Гарден) выделяет три степени участия электронного вычислителя в лингвистическом исследовании. Первым и простейшим видом такого участия является простое собирание данных. На этом уровне электронный автомат выступает просто как техническое средство для наиболее удобного и надежного составления реестров и картотек. Следующим в иерархической последовательности является использование программы для проверки результатов исследования, получаемых другим, в частности, немашинным способом.

Самой высокой степенью участия машины в работе лингвиста является проверка пригодности уже более общих методологических установок. Данная программа лингвистического анализа, будучи заложена в машину, подвергается такому строгому и последовательному проведению, что все ее слабые стороны сразу же обнаружатся и оценка предлагаемой методики приобретет полную строгость и неоспоримость.

Доклад Р. М. Нидхема «Вычислительные методы для классификаций и группировки» («Computer methods for classification and grouping») посвящается общим вопросам организации научного анализа при помощи электронных вычислителей. Исходным положением автора является то, что исследователь естественно имеет дело с огромным количеством наблюдений, с которыми он совершенно не сможет справиться, если ему не удается свести их к какому-то ограниченному числу групп и классов, которые затем будут рассматриваться как своего рода е д и н и ц ы. Поскольку количество наблюдений и корреляций может быть необозримо велико, без электронных вычислителей · классификация может оказаться невозможной.

Предлагаемая Р. М. Нидхемом процедура основывается на том, чтобы построить ряд коэффициентов, измеряющих сходство между всеми парами рассматриваемых предметов.

С этим положением интересно сравнить высказывания С. М. Лэма в неоднократно цитировавшемся докладе. Классифицировать предметы — значит выделить те измерения, которые оказываются наиболее значимыми в качестве основы для данной классификации и затем скрестить их для того, чтобы прийти к различным подразделениям в многомерном пространстве, выступающим как категории данной классификации. Такая классификация обеспечит полноту охвата, но имеет тот недостаток, что некоторые из предусматриваемых ею подразделений могут оказаться пустыми (или почти пустыми), в то время как другие окажутся переполненными.

Доклад Ж. К. Гардена «Реконструкция экономической системы на Древнем Востоке с помощью электронного вычислителя» («Reconstructing an economic network in the Ancient East with the aid of a computer») представляет интерес для лингвиста только в наиболее общих своих положениях. Предметом исследования является о т н о ш е н и е между индивидуумами, а его результатом определенная с е т ь (network) отношений.

Что касается переформулирования логических последовательностей рассуждения в форме, непосредственно приемлемой для программиста, то Ж. К. Гарден специально останавливается на методе последовательных логических графиков (flow charts), который рассматривается им как своего рода мост между естественной линией рассуждения человека и формальным языком вычислительной машины. Сказанное иллюстрируется воспроизведением отрывка из графика, изображающего последовательность данного логического процесса.

Доклад П. Има «Автоматическая классификация в антропологии» («Automatic classification in anthropology») также обращается к самым основным и общим категориям и проблемам этой области. В частности, до сих пор не существует общепринятого определения понятия «группа» — «подмножества индивидов, которые более подобны друг другу, чем индивиды других групп». Весьма интересным для языковеда является приведенный в статье структурный анализ молитвы «Отче наш» на разных языках (за основу анализа берется понятие «стемма», по Теньеру). Автор устанавливает, что если стемма пишется таким образом, что перпендикулярная проекция слова на горизонтальную линию сохраняет первоначальную последовательность предложения, то перекрещивания линии проекции с сегментом, соединяющим одно слово с другим в пределах стеммы, никогда не происходит (стр. 365). Этому свойству автор дает название «проективности». Несмотря на то, что в большинстве языков можно найти некоторые исключения, все языки можно обозначать как «проективные», причем это, по-видимому, вызывается стремлением к минимальному усилию при понимании речи. Подвергнув анализу материал разных языков по Гервасу, автор пришел к выводу, что все исследованные языки можно разделить на две главные группы (вторая в свою очередь состоит из двух подгрупп). В первую входят дравидийские тексты, тогда как семитские и индоевропейские языки имеют обратную структуру. Последние в свою очередь разделяются на два типа, одним из которых являются германский и кельтский тип, а обратный тип характерен для греческого языка и семитских диалектов. Романские языки диспергируют по двум индоевропейским подгруп-

пам, причем древние языки располагаются около семитского и греческого, а современные около германо-кельтского типа. Применявшиеся автором методы хорошо известны в биологической таксометрии под названием метода Адамсона, французского ботаника, применявшего в прошлом веке математические методы. Полученные автором доклада системы являются типологическими (см. стр. 374).

В докладе Х. Е. Драйвера «Обзор нумерических классификаций в антропологии» («Survey of numerical classification in anthropology»), охватывающем такие разные области, как биоантропология, археология, этнология и языкознание, последнее занимает значительное место и как таковое, и потому, что без обращения к этой области знания невозможно определить самого понятия к л а с с и ф и к а ц и я. «Классификация,— говорит Драйвер,— есть неотъемлемая часть человеческого опыта вообще, хотя бы по той причине, что семантические категории языка налагают определенную классификационную систему на всех говорящих и слушающих» (стр. 302).

В дискуссии по вопросам классификации Ж. К. Гарден вновь остановился на п р и г о д н о с т и е д и н и ц, ф и г у р и р у ю щ и х в р а з н о г о р о д а к л а с с и ф и к а ц и я х (стр. 395): проблема состоит в том, чтобы, подавая на механизмы большие количества данных, получить на выходе упорядоченное представление о природе изучаемых явлений. При этом вновь и вновь подчеркивался п р и о р и т е т л о г и к и и с с л е д о в а н и я п о о т н о ш е н и ю к п р и м е н я ю щ и м с я т е х н и ч е с к и м п р и е м а м. Очень большое место в дискуссии занял вопрос о «взвешивании» (weighting) (стр. 395) полученных данных и отбор данных релевантных, обладающих диакритической значимостью. Без этого может произойти подмена изучения эмических единиц изучением единиц этических (стр. 395).

Заканчивая этот раздел, нельзя не привести следующие общие соображения П. Гиро. Современная лингвистика исходит из имманентности лингвистической формы, она отбрасывает иллюзии традиционного анализа, насильственно ограничивающего языковые структуры прокрустовым ложем чуждых им категорий и номенклатур. Колоссальным преимуществом вычислительной машины по сравнению с человеком является то, что подобным искушениям она ни в какой степени не подвержена. Исходя из сказанного, П. Гиро следующим образом формулирует основные задачи лингвистики: а) отождествление и объединение форм или их комбинаций, б) классификация категорий, форм и их комбинаций, в) конструкция модели, ясно показывающая структурные отношения между различными категориями, г) сравнение различных моделей и изучение расхождений (несовпадений) между ними по отношению к той модели, которая принимается как общая или основная норма.

В. М о д е л и и м о д е л и р о в а н и е

Вопрос о моделировании в самых разнообразных планах и аспектах имеет теперь обширную литературу, причем все больше голосов раздается в пользу того мнения, что модель такой сложной системы, как человеческий язык, может быть сконструирована только машиной. В свою очередь сконструированная таким образом модель сделает возможным автоматическую разработку языковедческих проблем.

Из разнообразнейших вопросов, связанных с этой обширной областью, в настоящей рецензии будет сосредоточено внимание на вопросе об «уподобляющей» модели или «симуляции» (simulation).

Для понимания этого вопроса важное значение имеет неоднократно цитировавшаяся работа С. М. Лэма, указывающего на необходимость тщательно разграничивать те применения электронного автомата, которые важны вследствие р е з у л ь т а т а соответствующих операций, и те, которые интересны прежде всего как особый п р о ц е с с. Так, например, в случае систематических исследований в области лексики, исследователя не интересует то, каким образом электронный автомат пришел к тем или другим результатам.

Совершенно иначе обстоит дело в тех случаях, когда лингвист хочет п р о м о д е л и р о в а т ь данный процесс на электронном автомате, например, процесс лингвистического изменения. Для выполнения этой задачи необходимо запрограммировать как внутренние тенденции изменения, так и те внешние влияния, которые могут его ускорять или задерживать; в частности, например, можно было бы запрограммировать латинский язык, учитывая как общие принципы изменения (на основе наиболее общепринятых гипотез), так и специально отобранные внешние влияния. Машина прошла бы в очень короткий срок несколько гипотетических столетий лингвистического развития: ей потребовалось бы всего несколько минут для того, чтобы убедиться в том, будут ли результаты хотя бы в какой-нибудь степени напоминать хотя бы один из известных романских языков.

Можно автоматически исследовать также те процессы, благодаря которым некоторые языки со временем расширяют

географическую область своего распространения (обычно за счет других языков); таким же образом можно было бы проследить и образование языковых семей. Как известно, скорость экспансии и наоборот вытеснение одного языка другим зависит в большей степени от культурно-исторических особенностей соответствующих человеческих коллективов. Основой программирования явились бы тогда такие категории, как гипотетический континент и далее такие факторы, как фактор подвижности (стр. 181), число соседей данной лингвистической территории и т. п. Все эти факторы и моменты служили бы параметрами, которые могли бы соответствующим образом варьироваться.

Исследования такого рода могли бы вестись на любом уровне языка. Очень интересными примерами такой работы являются труды М. Сводеша, Р. Оствальда, а также некоторых участников «механолингвистического» семинара, работавших под руководством С. М. Лэма.

Вопросам «уподобляющего» моделирования («симуляции») был посвящен специальный доклад Д. Г. Хейза «Симуляция: введение для антропологов» («Simulation: an introduction for anthropologists»). Симуляцию можно рассматривать как расширенную версию психологического опыта по отношению к таким факторам, как сложность и реализм окружения, взаимосвязь стимула и реакции и их связь с поведением, сложность альтернативных реакций и их связь с поведением, сложность альтернативных реакций и сложность самого предмета.

Симуляция — это вид лабораторного экспериментирования при использовании реалистических, а следовательно, сложных и динамических окружений и сложных объектов, обнаруживающих сложные виды поведения (стр. 406). Важнейшее различие между симуляцией в лаборатории и обычными психологическими экспериментами заключается в том, что симуляция имеет целью подражание действительности, в то время как классическое экспериментирование имеет целью получение некоторых переменных величин в наиболее чистом виде.

Проблема «симуляции» (или «уподобляющей» модели) не может быть оторвана от общих проблем математического моделирования. Здесь выделяются следующие два основных типа: 1) модели, описывающие состояние данных сущностей, и 2) модели, описывающие поведение данных сущностей (оба эти вида математического моделирования подробно разбираются на стр. 407—408). Важное значение для классификации моделей имеет понятие «реализма», т. е. соответствия реальным условиям существования данного явления.

Понятие «уподобляющей модели» явилось предметом оживленной дискуссии, в которой приняли участие Р. Паже, Гуллахорн, Ромни, Милк и Д. Г. Хейз. В частности, подробно были обсуждены различные виды симуляции и те отношения, которые входят в исследования этого рода. Особенно большое внимание было уделено роли вычислителя и множественным измерениям искусственности и естественности, влияющим на участие субъектов и их отношение к окружающей среде.

В докладе «Взаимодействие „запрос — ответ" в отношении к взаимодействию между человеком и машиной» («Request-answer interaction in relation to man — computer interaction») Р. Паже изучает взаимодействие исследователя и объекта исследования с точки зрения антропологии или гуманитарных наук вообще.

Важнейшим результатом применения указанного взаимодействия в конечном итоге должно быть создание так называемого автоматического собеседника (стр. 176), который должен обеспечить адекватность ответов, даваемых машиной, тому, что ей говорят.

Исключительный интерес представляет доклад С. Чекато «Советы антропологии: машина, которая наблюдает и описывает» («Suggestions for anthropology: the machine which observes and describes»), где подробно разъясняется известная серия исследований, проводимых в кибернетическом центре Миланского университета [8].

[8] Ср.: В. А. Матвеенко, Семантика в Миланском центре кибернетики и лингвистики, ВЯ, 1964, 4.

Организация работы и ее перспективы

Одним из кардинальных вопросов данной области знания является следующий: кто должен программировать материал? Должен ли сам гуманитарий превратиться в опытного программиста или же его роль сводится к детальному разъяснению задачи? Сложность этого вопроса вызывается тем, что овладение современной техникой программирования очень многими рассматривается как несовместимое с сохранением или тем более приобретением высокой научной квалификации в своей особой научной области (см. стр. 89).

Как неоднократно указывалось выше, электронные вычислители занимают важное место, если требуется классификация обширных эмпирических данных. Однако роль автоматов не следует преувеличивать. Если квалифицированный работник справляется с данным материалом, то мало вероятно, чтобы автомат мог достигнуть чего-либо существенно луч-

шего. Необходимо заострять внимание на тех ограничениях, которые присущи электронному автомату, для того, чтобы бороться против намечающейся тенденции заставлять машину выполнять бессмысленные операции.

Значительное внимание было уделено также чисто операционным проблемам, и здесь встреча ученых разных стран и континентов оказалась очень полезной с точки зрения обмена опытом. В процессе обсуждения выявилось, что в разных странах, разных научных учреждениях и т. д. работа строится совершенно поразному, причем оптимальная организация, по-видимому, нигде еще не достигнута. В частности, оказалось, что сотрудничество гуманитарных факультетов с математическими страдает тем весьма распространенным недостатком, что проблемы гуманитарных наук очень легко перерождаются в математические и совершенно теряют свою автономность, превращаясь всего лишь в один из вспомогательных предметов для собственно математического исследования. Приходится констатировать, что хотя теоретически неограниченные возможности применения машин для решения самых разнообразных проблем не вызывают никаких сомнений, до настоящего времени исследование в основном ограничивалось лишь составлением лексикографических индексов и классификаций, с одной стороны, и машинным переводом — с другой. И даже здесь работа находится еще в стадии программирования, причем реальное выполнение этих работ происходит далеко не с той быстротой и далеко не так удовлетворительно, как можно было бы ожидать вначале. Особенно это относится к машинному переводу,— области, получившей наиболее широкую огласку.

В приложении к рецензируемой книге даны сведения о тех исследованиях в рассматриваемой области, которые были организованы или во всяком случае достигли значительных успехов уже после того, как проведена была та конференция, доклады которой составили основу рецензируемого тома.

Для лингвиста несомненный интерес представляют следующие: 1) Д. Н. Кольби, Анализ содержания в исследовании значимости в разных культурах (стр. 510) (Лаборатория Антропологии, Музей Нью-Мексико); 2) И. Дайен, Использование вычислителя в лексико-статистических классификациях (стр. 512—513) (Йельский университет); 3) Дж. Граймз, Лингвистические и антропологические исследовательские проекты с применением электронного вычислителя (стр. 515—516); 4) А. Жюиан, Романские языки и их структура (стр. 517—520); 5) М. Сводеш, Лингвистические исследования при помощи машины в Национальном университете в Мексико (стр. 523—525).

Отношение рецензента к описанным выше материалам выразилось, прежде всего, в самом построении рецензии: несомненно, основная проблема, проблема № 1 — это придание материалу гуманитарных наук вида, удобного для подачи его на механизмы. Практически это квантификация материала, требующая разнообразных способов перевода непрерывных рядов в дискретные.

Конкретно эта проблема в течение длительного времени фигурировала преимущественно в статистических исследованиях. Но основывались последние на совершенно неудовлетворительных классификациях. Возможности, открываемые новой техникой в этой области, представляют исключительный интерес.

Новой и вместе с тем важнейшей проблемой является проблема моделирования. Здесь внимание было сосредоточено на «уподобляющей» модели или «симуляции», поскольку для современного языкознания именно эта область моделирования представляет особый интерес.

Привлечение к участию в дискуссии крупнейших специалистов обеспечило ее высокий научный уровень. Так, например, вопросы квантификации лингвистического материала были раскрыты с глубоким пониманием современных задач на всех уровнях языка — фонологии, лексикологии, стилистики; в отношении двух последних совершенно правильно заострялось внимание на вопросах квантификации содержания (из сказанного не следует, конечно, что автор настоящей рецензии разделяет все излагавшиеся точки зрения,— в частности, он неоднократно излагал в печати свое понимание «стиля», «значения» и т. п., отличное от тех, которых придерживается, например, П. Гиро. Однако полемика такого рода была бы здесь не только неуместна, но и просто невозможна).

Наряду с выделенными выше крупными проблемами и направлениями исследования в книге затрагивается также и ряд более мелких вопросов. Из непосредственно связанных с языкознанием можно назвать, например, вопрос о «лингвистическом информанте», представляющем собой «бесконечный текст» и призванном в будущем вступать в непосредственное взаимодействие с «думающей» машиной; вопрос об отсутствии устойчивой терминологии в данной области, что очень затрудняет ее планомерное изучение; вопрос о сведении лингвистических противопоставлений к «двоичным» и т. п., и др.

О. С. Ахманова

ОБ ОБЩЕРОМАНСКОМ ПЕРИОДЕ

(Критический обзор работ Робера де Дардела) [1]

Работы Робера де Дардела посвящены восстановлению общероманского периода («le roman commun»), точнее грамматической (морфологической) структуры этого периода [2]. Хотя романские языки являются системой языков, в которых известен язык-основа — латинский язык, далеко не все романские формы возводятся к известным нам формам этого языка. Между латинским языком и романскими языками существует период, который чаще всего называют «вульгарная латынь», иногда «галло-романская латынь». Исходя из данных романских языков, исследователи восстанавливали под звездочкой формы вульгарной латыни, которые зачастую находили подтверждение в текстах этого периода. Однако, как пишет Р. де Дардел в одной из своих работ, этот язык под предлогом того, что он мало известен, что в нем царствует большое смешение и в нем можно предположить что угодно, был наделен почти таким же количеством форм, сколько существует романских языков. Лингвисты, продолжает Р. де Дардел, идут слишком далеко и предполагают в вульгарной латыни слишком большое количество хаотических форм, без критического их изучения [3].

До сих пор, пишет там же Р. де Дардел, сравнительное романское языкознание в основном занималось сравнением между собой разных романских языков, но не ставило цели реконструировать систему дороманского периода. Этим сравнительное романское языкознание отличалось, например, от индоевропейского сравнительного языкознания, искавшего и восстанавливавшего индоевропейский праязык. Пользуясь методом сравнительной грамматики индоевропейских языков, Р. де Дардел, исходя из данных всех романских языков и в первую очередь их диалектов, пытается реконструировать систему дороманского периода, которую он хронологизирует между III и VIII вв. н. э. При этом исследовать отнюдь не заменяет термин «вульгарная латынь» термином «le roman commun», понимая под вульгарной латынью народные формы классических и постклассических латинских текстов [4].

Работы, опубликованные Р. де Дарделом, касаются системы имени и системы глагола. В области имен автор изучает особенности в развитии категории рода имен существительных, происшедших от соответствующих имен латинского третьего склонения, а также особенности трехпадежного склонения. В очерке о трехпадежном романском склонении «родительный-дательный» рассматривается как инновация, восходящая к общероманскому периоду. С точки зрения функции, «родительный-дательный» является синкретизмом родительного притяжательного и дательного атрибуции; с точки зрения формы, он унаследовал формы дательного падежа единственного числа и родительного падежа множественного числа (ср. в старофранцузском *le tens ancienor* «le temps des anciens»). «Родительный-дательный» не распространился ни в Сардинии, ни на Иберийском полуострове (исключая Каталонию). Первоначально этот падеж употреблялся для обозначения одушевленных объектов (старофранцузское *la fille le rei* «la fille du roi», *il escrist le rei* «il érivit au roi»). Его употребление с именами вещей, которое мы встречаем, например, в румынском языке: *floarea busuioului* «la fleur de basilic» — является, по-видимому, значительно более поздним развитием. Впоследствии «родительный-дательный» был заменен в своих обеих функциях препозитивной конструкцией с *a* (старофранцузское *la fille al rei*, *il escrist al rei*, румынское *un băiat al vecinului* «un enfant du voisin», *cuvine-se a bărbat înțelept* «il convient à un homme sage», затем в своей посессивной функции конструкцией с *de*).

Книга Р. де Дардела, посвященная изучению категории рода существительных третьего склонения латинского языка, распадается на три части: изучение рода отдельных существительных в латинском языке и изменения в роде этих существительных в романских языках (главы 1—6), особенности общероманского периода (глава 7), категория рода в разных романских языках (глава 8).

Основные выводы, к которым пришел автор, следующие. Среди существитель-

[1] R. de Dardel, Recherches sur le genre roman des substantifs de la troisième déclinaison, Genève, 1965; его же, Considérations sur la déclinaison romane à trois cas, «Cahieres F. de Saussure», 21, 1964; его же, La fonction des participes romans sans suffixe, «Cahiers F. de Saussure», 19, 1962; его же, Le genre de substantifs abstraits en *-or* dans les langues romanes et en roman commun, «Cahiers F. de Saussure», 17, 1960; его же, Le parfait fort en roman commun, Genève — Paris, 1958.

[2] Статья известного романиста А. Бюрже [A. Burger, Pour une théorie du roman commun, «Mémorial des études latines» Paris, 1943, стр. 162—169] послужила стимулом для исследований Р. де Дардела.

[3] R. de Dardel, Le parfait fort..., стр. 21.

[4] Отметим распространенность такого понимания и в советской романистике.

ных третьего склонения в общероманском периоде наблюдается массовый переход в категорию женского склонения, о чем свидетельствуют диалектные данные, разбросанные по всей территории Романии. Согласно этим данным, латинские существительные мужского рода отмечены как существительные женского рода (в словах: *canalem*, *cimicem*, *fontem*, *leporem*, *marginem*, *pontem*, *pulverem* и др.); имеются случаи перехода в женский род и существительных среднего рода (*fel*, *mare*, *lacte*, *sangue* и др.). Однако имена среднего рода с ударением на третьем слоге от конца (пропарокситоны) **pipere* и **nômine* приняли мужской род. Отсюда в некоторых ареалах отмечается тенденция подчеркнуть родовые различия (мужской — женский) акцентуационными. Это объясняет, например, то, что в сардском пропарокситоны типа *pulverem*, *filicem*, *grandinem* переходят из среднего рода в мужской.

В говорах, в которых сохраняется противопоставление существительных мужского рода второго склонения без характерного окончания (тип *mur*) существительным женского рода первого склонения с характерным окончанием *-a* (тип *cosa*) у существительных, унаследованных от третьего склонения, наблюдается тенденция перенимать эту систему оппозиции (ср. дублеты *costuma — costum* в каталонском и в старопровансальском, *pulga — pulak* в говорах северной Италии, *cresta — crest* в сурсильванском ретороманском).

Как один из интересных примеров приведем историю латинского слова *pontem*. Изучение карты Романии привело автора к заключению, что маргинальные ареалы характеризуются формами женского рода (португальский, галисийский, иудео-испанский на Балканах и в Аргентине, энгадинский), в то время как центральные зоны (Италия, Сардиния, Галлия, Каталония) не знают форм женского рода ни в литературном языке, ни в диалектах. Р. де Дардел правильно объясняет это явление, исходя из закона лингвистической географии, по которому архаизмы отмечены в краевых зонах, неологизмы — в центральных. При этом, отмечает исследователь, распространение слов мужского рода, явление явно ученого происхождения, произошло очень давно, поскольку в перечисленных странах женские формы не встречаются ни в старых текстах, ни в топонимах (стр. 20—21.)

Конечно, далеко не все случаи, пишет исследователь (стр. 13), наблюдаемые в современных романских языках и диалектах, могут быть объяснены с позиции общероманского, в дальнейшем развитии которого действовал закон книжного влияния латинских слов, по которому многие слова женского рода в общероманском периоде переходят в отдельных романских языках в слова мужского рода (стр. 67).

История отдельных слов дана в работе очень обстоятельно и документированно (см. *arborem*, *parietem*, *serpentem* и др.) а приводимый материал, достаточно убедительный в своих частностях, очень интересен. И тем не менее, в теоретическом плане работа не продумана еще до конца. Из материалов по другим языкам известно, что мужской род, как менее маркированный, чем женский, чаще притягивает к себе слова женского рода, чем наоборот. Например, на материале русского языка это показано в работах А. В. Миртова. Причины перехода слов в мужской род, как показывает А. В. Миртов,— социальные, стилистические и др. [5]. Но в основе всех этих изменений лежит именно форма слова.

Форма слов мужского рода как маркированная менее определенно, нежели форма женского рода, привлекает к себе в целом больше слов, чем слова женского рода. Поскольку род уже давно потерял свою семантику, естественно, что слова «индиферентного» рода распространяются все в большей степени. Тенденция к образованиям слов мужского рода наблюдается часто и в современном французском языке. Так, в XVI—XVIII вв. многие слова женского рода перешли в слова мужского рода: *une espace* > > *un espace*, *une évangile* > *un évangile*, *une foudre* > *un foudre*, *une idole* > *un idole*, *une oeuvre* > *un // une oeuvre*, *une office* > > *un // une office* и т. д.

Сложные слова глагольно-именного образования принимают артикль мужского рода, даже если имя существительное, входящее в это сложное слово — женского рода: *un porte-plume*, *un porte-feuille*, *un en-tête*, *un sous-main*, *un face-à-main* и др.; *perce-neige*, засвидетельствованное в словарях обычно как слово женского рода, в современном литературном языке парижан употребляется, однако, в мужском роде. Мужской род характеризует и субстантированные словосочетания типа *le laisser-passer*, *le qu'en-dira-t-on*, а также остальные субстантивации: *le joli*, *le ouï*, *un non* [6]. По свидетельству А. Боша, эта тенденция характеризует и народно-разговорный язык, где говорят: *ma fille*, *il est malade*; *ma femme*, *il m'a dit* [7].

Второй недостаток более общего плана, на который хотелось бы указать, это

---

[5] См.: А. В. Миртов, Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны, ВЯ, 1953, 4.

[6] См.: М. А. Бородина, Историческая морфология французского языка (от синтеза к анализу), М.—Л., 1965, стр. 60—61.

[7] H. Bauche, Le langage populaire, Paris, 1951, стр. 77.

то, что автор, как нам кажется, недостаточно раскрывает сущность категории грамматического рода для современных языков типа французского. Правда, в конце книги указывается, что «разграничение по родам в большинстве случаев не имеет значения («бесполезно») [8], чем автор и объясняет «почти хаотическое» распределение по родам в современном французском языке. Нам представляется, что если бы род был категорией «бесполезной», то он должен был бы понемногу исчезать, что, однако, не наблюдается, потому что род в современных языках приобретает очень важную функцию выражения связи между разными словами, между отдельными синтаксическими группами. В «Грамматике Ларусс XX в.» о функциях этой категории читаем: «Род — это удобный способ классификации: он может помочь узнать в предложении все слова, которые относятся к имени» [9].

Несмотря на эти недостатки метод реконструкции оправдывает себя и в данной книге, поскольку он объясняет многие особенности и отклонения в разных романских языках и диалектах.

Особенно продуктивным этот метод оказался при анализе глагольных форм, в частности сильных перфектов [10], потому что большая часть их представляет отклонения от нормы, аномалии, которые не объясняются аналогиями внутри романских языков. Исследователь предполагает, что в основе романских языков лежит парадигма сильного перфекта, в сильной основе которого лежит суффикс *-w-* или *-s-*, в то время как слабая форма лишена этих суффиксов. Так, **âbwi / / *abîsti*, **kâdwi / *kadįsti*, **dîksi / *dikîsti*, **okkîsti / *okkidįsti* и т. д. Этот тип, который, по-видимому, обобщился в общероманском, объясняет парадигму большинства романских языков (говоров), в частности, итальянского (*tacqui / tacesti*, *dissi / dicesti*), старокастильского (*pude / podiste*) и старофранцузского (*poi / poïs*, *dis / desis*); он объясняет такие аномальные формы старолеонского, как *auiesemos*, старопровансальского — *sabes*, *tenes*, логудорийского — *mulghesti*, ретороманского — *havest*, *podess*, молдавского — *ungeț*. По этой модели, в которой слабая форма представляет собой основу, идентичную инфекту, основа инфекта была введена в слабые формы глаголов *cognoscere*, *facere*, *scribere* и др., в которых, например, в итальянском находим *conobbi / conocesti*, *feci / facesti*, *scrissi / scrivesti*.

Правомерно ли введение понятия «общероманский период» как самостоятельной классификационной единицы в системе романских языков и соответственно оправданы ли те большие исследования, которые предпринял Р. де Дардел?

Нам представляется, что да, тем более, что по сути дела теория Р. де Дардела построена на логическом развитии уже имеющихся теорий, но с позиций романского, а не классического языкознания. Термин «вульгарная латынь» порожден классическим языкознанием, и он полностью удовлетворяет историка латинского языка. Романисту же всегда приходится уточнять, что́ он имеет в виду под «вульгарной латынью», какой именно период его интересует, доказывать важность данного периода именно с точки зрения романистики и необходимость его реконструкции. Поскольку все усилия романистов «воскресить» этот столь важный для них период до сих пор были обречены на неудачу (имеющиеся текстовые данные плохо его отражают, а формы под звездочкой, как упоминалось, не представляют собой никакой системы), введение термина и понятия «общероманский период» с соответствующей методикой для его изучения представляется нам своевременным и плодотворным. Следовало бы остерегаться говорить «общероманский язык», либо делать это условно, потому что речь идет не о новом самостоятельном языке (так как и вульгарная латынь не является таковым), а об определенном периоде развития латино-романской системы.

Важность постановки этого вопроса доказывается тем, что многие явления романских языков и в особенности их диалектов, как показал Р. де Дардел, находят свое объяснение при создании общероманской системы; из подчас разрозненных явлений создается система, в которой многие факты находят свое место. Именно в наши дни эта постановка вопроса своевременна: мы располагаем огромным диалектным материалом, который до сих пор во всей его совокупности не был использован для такой цели. Сравнительная грамматика романских языков XIX и даже начала XX в. не располагала такими данными и, отчасти, именно этим объясняются неудачи в реконструкции вульгарно-латинского периода.

Таким образом, труды Р. де Дардела знаменуют собой новый этап в развитии сравнительно-исторической грамматики романских языков, продиктованный новыми условиями. Этюды Р. де Дардела послужат в дальнейшем материалом к созданию нового руководства по общероманской грамматике, каковым до сих пор является трехтомный труд В. Мейер-Любке [11]. Известен ряд попыток реконструкций древнейшего состояния роман-

[8] R. de Dardel, Recherches sur le genre roman des substantifs..., стр. 95.

[9] «Grammaire Larousse du XX siècle», Paris — Warszawa, 1961, стр. 141.

[10] R. de Dardel, Le parfait fort en roman commun.

[11] W. Meyer-Lübke, Grammaire des langues romanes, I—III, Paris, 1890—1900.

ских языков [12]; среди них попытка Р. де Дардела представляется удачной и серьезно обоснованной, раскрывающей не только структуру в целом, но и многие частные закономерности в развитии романских языков.

М. А. Бородина

[12] См., например: R. A. Hall, Of realism in reconstruction, «Language», XXXVI, 2, 1960, стр. 203—206.

M. Fowler, R. G. Wolfe. **Materials for the study of the Etruscan language. I—II. — Madison and Milwaukee, 1965. XI+604 стр.**

Многолетние старания этрускологов не привели до сих пор к сколько-нибудь значительным успехам в интерпретации памятников этрусской письменности. Это объясняется целым рядом причин. Имеется очень мало билингв (параллельных текстов на этрусском и каком-либо из известных языков), недавняя находка этрусско-пунической двуязычной надписи далеко не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Несмотря на большое количество этрусских текстов (до сих пор их обнаружено более десяти тысяч), комбинаторный анализ их мало что дает, ибо тексты эти в основном однотипны (краткие надгробные или посвятительные надписи) [1]. До сих пор нельзя с уверенностью утверждать, что те или иные языки находятся в родстве с этрусским (это обстоятельство затрудняет применение этимологического метода при анализе исконно этрусских слов). К субъективным причинам отставания этрускологии относится отсутствие специальных систематических справочников и словарей.

Для того чтобы обеспечить ощутимый успех комбинаторных исследований этрусских надписей, необходимо предварительно составить такой справочник-указатель, в котором были бы зарегистрированы все случаи употребления каждого слова и каждой грамматической формы. Крайне важен также словарь, в котором были бы собраны не только изолированные слова, но и дано их лингвистическое окружение для каждого случая употребления.

Необходимость составления такого словаря-указателя уже давно осознавалась этрускологами. Была разработана даже методика его составления [2], однако Флорентийский институт этрусских и италийских изысканий, не имеющий собственного штата исследователей, не располагал, очевидно, необходимыми для этого средствами. Среди этрускологов было так велико стремление к скорейшему исследованию и переводу текстов, что подготовительной работе, требующей много сил и времени, уделялось явно недостаточно внимания. В итоге до сегодняшнего дня нет даже простых этрусских словарей, если не считать уже давно устаревшей работы А. Фабретти [3].

[1] Комбинаторный метод, остающийся основным средством изучения и интерпретации этрусских надписей, состоит в том, что смысл исследуемых слов и грамматических форм вскрывается путем сопоставления одних лишь этрусских текстов. Значения устанавливаются на основании контекста, с учетом характера и назначения предметов, на которых начертаны надписи, обстоятельств их обнаружения, сопровождающих рисунков (если таковые имеются), параллельных формул в языках соседних народов и т. п. Полученные сведения проверяются на материале других надписей, содержащих исследуемые элементы, но, как правило, без привлечения каких-либо данных «извне» (т. е. материалов других языков). Особой разновидностью комбинаторного метода является предложенный К. Ольцшей и М. Паллоттино так называемый «билингвистический» (K. Olzscha, Die Sprache der Etrusker, Probleme und neue Wege der Deutung, «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung», XII, 1936, стр. 97—116; M. Pallottino, Note linguistiche, «Studi Etruschi» (далее сокращенно — SE), XIII, 1939, стр. 331—336). В его основу положена мысль, что тесная италийско-греческая культурная общность, в которой развивался этрусский язык, неизбежно должна была привести к параллелизму в содержании и построении различных категорий эпиграфических памятников. Выявляя типичные их конструкции, можно в некоторых случаях переводить этрусские надписи почти как билингвы. Некоторое значение сохраняют и этимологические приемы, особенно при изучении иноязычных заимствований в этрусском и этрусских в языках их италийских соседей. Более подробно о различных исследовательских методах см., например: M. Pallottino, Etruscologia, 5-e ed., Milano, 1963, стр. 367—378. О современном состоянии изучения этрусского языка см. подробный обзор: H. Rix, Etruskisch (seit 1951), «Kratylos», Jg. VIII, 2, 1963.

[2] H. Grapow, Zur Methode der etruskischen Lexikographie, SE, XII, 1938, стр. 345—347.

[3] A. Fabretti, Glossarium Italicum, в кн.: A. Fabretti, Corpus in-

Понятен поэтому тот интерес, который вызвало появление рецензируемой двухтомной работы М. Фаулера и Р. Уолфа, содержащей собрание этрусских надписей (стр. 3—104), алфавитный указатель к ним (стр. 105—149), частотный словарь (стр. 150—162), обратный словарь (стр. 163—200) и словарь-конкорданцию «Указатель ключевых слов в контексте» («Key word in context index» стр. 205—604). Работа представляет результат машинной обработки этрусских надписей, проведенной группой сотрудников Висконсинского университета (США) под руководством М. Фаулера. Для исследования использовалась машина CDC 1604, благодаря чему удалось свести к минимуму затраты «ручного» труда и осуществить все предприятие, включая подготовку материалов, их обработку и опубликование полученных результатов, менее чем за два года [4].

Авторы не ставят цели исследовать этрусский язык. Они дают лишь «материалы», призванные облегчить труд исследователей. Нет сомнений в том, что эти материалы помогут сделать новый шаг в трудном деле интерпретации этрусских памятников и уже поэтому значение их трудно переоценить. В то же время необходимо отметить некоторые недостатки, которые было бы желательно устранить в дальнейшей обработке материалов, а также в случае возможного переиздания книги.

Одним из наиболее существенных недостатков работы является недостаточная полнота использования имеющихся эпиграфических материалов. В собрание надписей, которому авторы присвоили наименование «Corpus inscriptionum Etruscarum Wisconsinense» (CIEW), включены все материалы, изданные в CIE [5] (№№ 1—5606 и 8001—8464, что соответствует нумерации CIE), а также большинство надписей, изданных М. Паллоттино в TLE [6] (№№ 7002—7800), все этрусские глоссы (№№ 7801—7858), текст на пеленах Аграмской (Загребской) мумии (№ 9001), Лемносская надпись (№ 9002), ряд надписей из советских собраний, опубликованных рецензентом (№№ 9011—9016)[7], и недавно найденные документы из Пирги (№ 9021).

Очевидно, что при таком отборе из поля зрения исследователей выпала весьма значительная часть имеющихся материалов. Известно, что издание CIE до сих пор не завершено. В него не вошли надписи Южной Этрурии, Кампании, долины реки По и других областей Италии за пределами Этрурии. Не вошла в него также интересная группа надписей на самых разнообразных предметах, известная под названием Instrumentum, которую, по образцу Корпуса латинских надписей, предполагается издать только в последнем выпуске. Лишь наиболее важные из этих памятников, рассеянных по многим отдельным изданиям [8], включены

---

scriptionum Italicarum, Ang. Taurinorum, 1867, стр. 5—2110.

[4] Следует отметить, что в 1963 г. проф. М. Фаулер намеревался провести более объемные исследования, чем те, результаты которых изложены в двухтомнике (ср. сообщение М. Фаулера в разделе «Над чем работают ученые», ВЯ, 1963, 4, стр. 148).

[5] Это сокращение принято в этрускологии для «Corpus inscriptionum Etruscarum», выходившего отдельными частями в Лейпциге с 1893 по 1936 г.

[6] Это сокращение принято для обозначения издания: M. P a l l o t t i n o, Testimonia linguae Etruscae, Firenze, 1954. В CIEW нумерация этих надписей соответствует нумерации Паллотино, но с добавлением цифры 7000. Надписи, ранее изданные в CIE, приводятся под соответствующими номерами CIE и из этой части исключены.

[7] См.: А. И. Х а р с е к и н, Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности, Ставрополь, 1963, стр. 76—81 (№№ 1—6).

[8] Частично пробелы CIE восполняются старыми изданиями А. Фабретти и Дж. Гамуррини (A. F a b r e t t i, Corpus inscriptionum Italicarum; e r o ж e, Primo supplemento al CII, Torino, 1872; e r o ж e, Secondo supplemento al CII, Roma — Torino — Firenze, 1874; e r o ж e, Terzo supplemento al CII, Roma — Torino — Firenze, 1878; G. F. G a m u r r i n i, Appendice al Corpus inscriptionum Italicarum ed ai suoi supplementi, Firenze, 1880), содержащими надписи, известные до 70-х годов прошлого столетия, хотя некоторые их чтения нуждаются в пересмотре. Имеется также несколько других обобщающих изданий. Многие важные находки опубликованы А. Торпом в сотрудничестве с Г. Гербигом (A. T o r p, G. H e r b i g, Einige neugefundene etruskische Inschriften, «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philos.-philol. und hist. Kl., 4, München, 1904, стр. 489—520). Многие надписи на сосудах собраны Ф. Веере (F. W e e g e, Vasculorum Campanorum inscriptiones Italicae, Bonnae, 1906). В 1928 г. О. Даниельсон издал старые списки этрусских надписей, содержащиеся в так называемых Мюнхенском и Лондонском рукописных кодексах, оригиналы многих из которых до нас не дошли [O. A. D a n i e l s s o n, Etruskische Inschriften in handschriftlicher Überlieferung, Uppsala — Leipzig, 1928 («Skrifter utgivna av kung. Humanistiska vetenskaps-samfundet i Uppsala», 25, 1929)]. Несколько позже вышел в свет сборник М. Буффа, куда включено более 1200

в сборник Паллоттино (TLE), использованный авторами. Кроме того, уже после появления TLE было обнаружено и опубликовано немало новых находок [9], которые также не учтены авторами рецензируемой работы.

По всеобщему признанию, в настоящее время существует более 10 000 этрусских надписей. Из этого числа авторами использовано лишь около 6000. При этом среди неучтенных имеются такие, которые содержат интересные лексические материалы.

В качестве примеров можно указать на пространную надпись на узкогорлом сосуде (арибалле) из Цере [10], большую группу эпитафий, обнаруженных в результате недавних раскопок в Тарквиниях [11] и др.

Другим существенным недостатком рецензируемой работы является некритический перенос неправильных чтений из CIE. Авторы сами признают, что Корпус этрусских надписей находится в весьма плохом состоянии, но, полагая, что для исправления всех неверных чтений потребовалось бы слишком много времени, предпочитают принять содержащиеся в нем материалы, как они есть, со всеми их дефектами (стр. V) [12].

Такой путь не представляется нам полностью оправданным. Конечно, нельзя требовать устранения всех тех многочисленных ошибок, которые содержатся в Корпусе и в других изданиях. Однако в существующей литературе имеется немало исправлений прежних ошибочных чтений.

Многие поправки были сделаны Э. Латтесом [13], отдельные исправления принадлежат Р. Ламбрехтсу [14], а в последнее время предложил исправленное чтение более 150 надписей венский этрусколог А. Пфиффиг [15]. Однако эти работы не были учтены авторами рецензируемой книги. Не учтены ими даже исправления некоторых ошибочных чтений, сделанных позже составителями «Corpus inscriptionum Etruscarum» [16].

Все это привело к тому, что на страницах рецензируемой работы довольно часто встречаются досадные неточности и ошибки, которых можно было бы избежать, если бы авторы внимательно отнеслись к имеющейся научной литературе.

Приведем ряд примеров несоответствий между чтениями Фаулера — Уолфа и действительно существующими чтениями.

памятников, открытых до 1935 г. (M. Buffa, Nuova raccolta di iscrizioni etrusche, Firenze, 1935). Наконец, начиная с 1927 г. большинство новых находок систематически публиковалось в ежегоднике «Studi Etruschi», см.: G. Buonamici, Rivista di epigrafia etrusca, SE, I, 1927, стр. 505—522; SE, II, 1928, стр. 585—625; SE, III, 1929, стр. 497—513; SE, IV, 1930, стр. 377—406; SE, V, 1931, стр. 535—565; SE, VI, 1932, стр. 459—496; SE, VII, 1933, стр. 383—392; SE, VIII, 1934, стр. 353—373; SE, IX, 1935, стр. 339—363; SE, X, 1936, стр. 407—428; SE, XI, 1937, стр. 425—449; SE, XII, 1938, стр. 303—330; SE, XIII, 1939, стр. 455—479; SE, XV, 1941, стр. 369—383; SE, XVII, 1943, стр. 527—552; SE, XVIII, 1944, стр. 309—322; SE, XIX, 1946—1947, стр. 331—348; M. Pallottino, Rivista di epigrafia etrusca, SE, XX, 1948—1949, стр. 251—265; SE, XXI, 1950—1951, стр. 389—400; SE, XXII, 1952—1953, стр. 305—318; SE, XXIII, 1954, стр. 397—404.

[9] Большинство их собрано в эпиграфическом разделе ежегодника «Studi Etruschi» — «Rivista di epigrafia etrusca» (SE, XXV, 1957, стр. 525—535; SE, XXVII, 1959, стр. 277—302; SE, XXVIII, 1960, стр. 479—484; SE, XXX, 1962, стр. 283—307; SE, XXXI, 1963, стр. 175—227; SE, XXXII, 1964, стр. 161—172). Из других изданий можно указать, например, следующие: G. B. Pellegrini, G. Fogolari, Iscrizioni etrusche e venetiche di Adria, SE, XXVI, 1958, стр. 103—154; R. Lambrechts, Une inscription funéraire de *zilaθ* au musée de Tarquinia, «L'Antiquité Classique», XXV, 1956; M. Renard, Inscription étrusque inédite du Musée de Courtrai, «Latomus», XVI, 1957.

[10] См.: J. Poupé, L'aryballe du bucchero de Cerveteri, «La nouvelle Clio», VII—VIII—IX, 1955—1957; ср.: M. Pallottino, Rivista di epigrafia etrusca, SE, XXVIII, 1960, стр. 479—484.

[11] M. Pallottino, L. C. Vanoni, Rivista di epigrafia etrusca, SE, XXX, 1962, стр. 283—304; M. Pallottino, Un gruppo di nuove iscrizioni tarquinesi e il problema dei numerali etruschi, SE, XXXII, 1964, стр. 107—129.

[12] Ср.: М. Фаулер, ВЯ, 1963, 4, стр. 149.

[13] E. Lattes, Correzioni, giunte, postille al Corpus inscriptionum Etruscarum, Firenze, 1904.

[14] R. Lambrechts, En relisant les inscriptions étrusques, «Bulletin de l'Institut historique Belge de Rome», XXXII, Bruxelles, 1960; его же, Une nouvelle lecture de CIE 5441, «L'antiquité classique», XXVII, 1958.

[15] A. Pfiffig, Verschreibung und Verbesserung in etruskischen Inschriften, SE, XXXII, 1964, стр. 183—205.

[16] См. CIE — «Additamentum ad volumen prius», стр. 604—644.

Чтение Фаулера — Уолфа

CIEW 576 *auleś*
588 *ϑana: nafanei ϑulunixx*
589 *ϑania: sainei afrfeś*
590 *caine(i) traẓl(uś)*
593 *ϑa: acaria ϑa: ạṇeineị*
598 *auleś·seç*
599 *larϑḷụci larϑal*
608 *vel ṗetiṇa (te) axxxx*
612 *vexxxxieti: au*
613 *aule·an(ei)ṇi*
619 *vel: vipi: ṗaḷia*
622 *arn·hustiϑe*
625 *aule·cae*
1046 *(ϑa)na: sati: cumerunia*
3000 *tuśu*
2507 *ϑan: larisal: papaś*
4431 *la·purini·vipịal*
4487 *arṭṇi·patineal·śec*
4642 *a:l:a:herinal*

Правильные чтения

CIE 576 *auleś sec*
588 *ϑana: tafane(i) huluni*
589 *ϑana: cainei afrfeś*
590 *ϑania·mari*
593 *ϑa·acaria ϑa·svente*
598 *arnϑe ane*
599 *larϑaci larϑa*
608 *lϑ:velχite:vipinal*
612 *heϑari larceś*
613 *aule: capenati*
619 *vel: vipi: varia*
622 *arn: rustice*
625 *aule velχra*
(ϑa) na seanti: cumerunia[17]
3000 *puśu*
2507 *xxxxaxtix larisal: papania (ś)*
la purini·vipịal[18]
ar (nϑal) minatineal·śec[19]
a:leve:a:herinal[20]

Ряд исправлений в чтения надписей, изданных в CIE, были внесены М. Паллоттино при их переиздании в TLE. Однако авторы повсюду в этих случаях приводят не исправленные чтения Паллоттино, а старые, в соответствии с CIE. Приведем ряд примеров:

Чтения Фаулера — Уолфа

3 *tular śpural ainpuratum visl xeχtatrx*
4 *ṭular·śṗuṛạḷ au·papsinaś·l/a·cursniś·l*
16 *mi çanaḷ arnϑaḷ pram xxxxxx-laicisla*
51 *ṃi ma larisa hevinaś*
111 *mi arnϑial usiṇịeś*
193 *laris·vete·ϑui*

Исправленные чтения Паллоттино:

TLE 675 *tular śpular ainpuratum visl vχ tatr/ṭụ*
689 *tular·śpu(·) ṗụx/au·papsinaś·l/a·cursniś·l*
681 *mi : cana : arnϑal : prastnaś : lavcisla*
384 *ṃi ma larisa hekinaś*
383 *mi arnϑia lusiṇịeś*
416 *laris veteị ϑui*

Количество приведенных примеров можно было бы легко увеличить — неточности допущены в передаче надписей CIEW 15 (= TLE 682), 43 (= TLE 400), 48 (= TLE 381), 52a (= TLE 401), 52b (= TLE 402), 52c (= TLE 403), 53 (= TLE 398), 118 (= TLE 389), 147 (= TLE 404), 202 (= TLE 415) и целом ряде других. Так, только в TLE 401 (= CIE 52a) Паллоттино дал исправления старых чтений в пятнадцати местах. Все они отсутствуют в рецензируемой работе, которая дает старые чтения CIE.

Ряд надписей из CIE опущен Фаулером—Уолфом как не поддающихся удовлетворительному чтению, хотя в издании Паллоттино они прочтены. Можно указать на CIE 143 (ср. TLE 396), CIE 176a (ср. TLE 422), CIE 176b (ср. TLE 423) и др.

Однако и издание Паллоттино не свободно от некоторых ошибочных чтений, на что указывали уже, например, Э. Феттер и А. Пфиффиг [21]. Разумеется, эти ошибочные чтения повторяются и в рецензируемой работе. Так, в TLE 550, как показал Феттер [22], следует читать не *lautnic · hecṭạṃ* (:) *ei.atiuce*, но *h·ecnatnei. atiuce lautnic*; в TLE 771 же вместо *mi eśmi larϑia sur* читается *mi larϑia surmieś* [23].

Не лучше обстоит дело и с текстом Загребской мумии. Этот текст приводится у Фаулера — Уолфа по изданию М. Рунеса [24], которое воспроизводится также и у Паллоттино. Однако издание это отнюдь не безупречно. В результате тщательного анализа оригинала, старых фотографий, сделанных вскоре после обнаружения надписи (когда она была значительно отчетливее, чем в настоящее

[17] A. Pfiffig, указ. соч., стр. 189.
[18] Там же, стр. 192.
[19] Там же.
[20] Там же, стр. 189.

[21] E. Vetter, Literaturbericht 1938—1953. Etruskisch, «Glotta», XXXV, 3—4, 1956, стр. 272—275; A. Pfiffig, указ. соч., стр. 183, примеч. 1.
[22] E. Vetter, указ. соч., стр. 273.
[23] A. Pfiffig, указ. соч., стр. 183, примеч. 1.
[24] M. Runes, Der etruskische Text der Agramer Mumienbinde, Göttingen, 1935.

время), а также новых фотографий части текста, сделанных при инфракрасном освещении, Э. Феттеру удалось уточнить чтение 49 мест этого памятника [25]. К сожалению, эта важная работа также осталась вне поля зрения авторов рецензируемого труда. Приведем ряд примеров:

Чтения Фаулера—Уолфа		Исправленные чтения (по Феттеру)	
9001 44	*ścanin* (·) *cẹsạṣị saϑ·ṿẹịsin*	III, 15	*ścanin* (·) *criạ* (·) *ṣuṿaϑ* (·) *versin*
9001 45	*in ścanin cẹạlχ*	III, 16	*iχ ścanin* (·) *pạxuχ*
9001 46	*śạϑaś·naχ[illegible]e·hẹṭụm*	III, 17	*ṃaϑaś·naχva·hetum*
9001 47	*trinụṃ*	III, 18	*trinçe*
9001 48	*ϑaxϑịv·cial (χu)ṣ́*	III, 19	*ϑar.ϑi·en·xaxxxạś*
9001 49	*eśis·esera muera çụśe*	III, 20	*eśi·sese·ramue·racuśe*

Количество аналогичных примеров также можно было бы значительно умножить.

При воспроизведении текста Капуанской черепицы (CIEW 7002) в рецензируемой работе не учитываются поправки, сделанные Ф. Слотти в результате многократного осмотра оригинала [26].

Остается высказать несколько замечаний относительно других частей работы. Алфавитный и обратный словари составлены исключительно аккуратно. Никаких пропусков или других неточностей нам обнаружить не удалось. Слова расположены столбцами, что очень удобно для пользования. Печать очень четкая.

Некоторое недоумение вызывает лишь помещение буквы ϑ в словарях между *c* и *e* (ее традиционное место между *h* и *i*). Как случайную ошибку, возникшую при копировании текстов, следует, вероятно, рассматривать представленное в указателях написание *napar*, якобы наличествующее в двух надписях (CIE 48 и 4538). В действительности такое слово не существует, а в обоих указанных надписях находим *naper*, засвидетельствованное также в трех других местах CIE 4538 и в CIE 3324.

Пользование указателями несколько затруднено отсутствием в них сведений о том, в каких текстах встречается каждое данное слово. Для получения этих данных необходимо каждый раз обращаться к «контекстуальному указателю» (словарю-конкордации), так как только в нем содержатся эти необходимые для любого исследования сведения.

Этот «контекстуальный указатель» представляет наиболее ценную часть всей работы. Несмотря на то, что в нем, безусловно, отразились отмеченные выше пробелы в отборе эпиграфических материалов и некритическое заимствование устаревших неправильных чтений, указатель этот крайне важен, ибо является первым пособием такого рода в изучении этрусских текстов. Благодаря использованию современной машинной техники, указатель в техническом отношении выполнен безукоризненно [27]. Ключевые слова удобно расположены в центре страницы. При анализе пространных текстов дается контекст на глубину до семи слов в обе стороны, что вполне достаточно для любых практических надобностей.

В целом, несмотря на отмеченные недостатки (их необходимо учесть при дальнейшей обработке этрусских материалов), рецензируемая работа представляет значительную практическую ценность и при наличии необходимых поправок и дополнений, несомненно, принесет пользу исследователям в нелегком деле истолкования этрусских надписей.

А. И. Харсекин

[25] E. Vetter, Zur Lesung der Agramer Mumienbinden, «Anzeiger der phil.-hist. Kl. der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Jg. 1955, 19, Wien, 1955, стр. 252—269.

[26] F. Slotty, Beiträge zur Etruskologie, Heidelberg, 1952, стр. 87—159.

[27] Текст надписей из Пирги (CIEW 9021) был, по-видимому, включен в собрание надписей уже после машинной обработки этих материалов и потому не вошел в указатели.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ЯКУТИИ

Лингвистическая исследовательская работа в Якутии ведется в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, на языковедческих кафедрах Якутского госуниверситета.

Сектором языка ИЯЛИ разрабатываются в основном вопросы диалектологии, грамматики и лексикографии якутского языка. Диалектологами собран обширный материал по всем районам расселения якутов как в самой Якутии, так и за ее пределами. Завершена обработка материала, осуществлены первичные описания говоров на основе административно-территориальной принадлежности их носителей. За последние годы, особенно после выхода в свет известной работы Е. И. Убрятовой [1], наметились попытки классифицировать якутские говоры на основе собственно языковых признаков. Некоторые результаты последних исследований опубликованы [2], в том числе систематическое описание одного из сохранивших многие архаические черты говоров северных якутов в сопоставлении с якутским литературным языком и другими его говорами [3]. М. С. Воронкин подготовил к печати монографию о говоре есейских якутов, которые (их всего около 600 человек) вот уже 150—200 лет проживают на севере Эвенкийского национального округа Красноярского края. Материалы исследования этого уникального говора дадут много нового для решения проблем взаимодействия языков, характера развития и степени проницаемости различных сторон языковой системы и для наблюдения над другими этнолингвистическими процессами. В настоящее время группа диалектологов заканчивает составление диалектологического словаря якутского языка [4]. В перспективном плане Института начиная с 1968 г. предусмотрено издание очерков по якутской диалектологии и составление диалектологического атласа якутского языка.

Успешно ведется разработка различных вопросов грамматики якутского языка. Вышла из печати книга Л. Н. Харитонова, завершающая цикл его монографий о якутском глаголе [5]. Защищены [6], а также пишутся несколько кандидатских диссертаций (по синтаксису якутского языка, по лексикологии и диалектологии юкагирского и эвенского языков). Е. И. Коркина готовит к печати большую монографию о наклонениях глагола и модальных глагольных сочетаниях в якутском языке с широким привлечением материалов других тюркских языков (в целях изучения генезиса различных глагольных форм). Н. Е. Петров впервые детально описал служебные части речи в современном якутском литературном языке — служебные имена, послелоги и модальные слова. В настоящее время сотрудники сектора под руководством Л. Н. Харитонова совместно с кафедрой якутского языка ЯГУ и Институтом истории, филологии и философии СО АН работают над созданием двухтомной нормативной Грамматики современного якутского литературного языка, где будут обобщены последние достижения якутского языкознания. П. П. Барашков, Н. Е. Петров и П. А. Слепцов готовят к печати «Очерк развития якутского литературного языка за советский период».

---

[1] Е. И. Убрятова, Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР, М., 1960.

[2] «Сборник диалектологических материалов якутского языка», Якутск, 1961; Е. И. Коркина, Некоторые морфологические особенности говора населения Булунского района, «Научные сообщения [ЯФ СО АН СССР]», Якутск, 1961; ее же, Лексические особенности говора населения Оленекского района, там же.

[3] П. С. Афанасьев, Говор верхоянских якутов, Якутск, 1965.

[4] Толкование значений слов и фразеологический материал в нем будут снабжены также и русским переводом.

[5] Л. Н. Харитонов, Залоговые формы глагола в якутском языке, М.—Л., 1963.

[6] См.: Е. И. Коркина, Формы прошедшего времени в якутском языке. Автореф. канд. диссерт., М., 1960; Н. Е. Петров, Служебные имена и послелоги в якутском языке, Автореф. канд. диссерт., Л., 1963; Н. Н. Неустроев пишет диссертацию на тему «Односоставные предложения в якутском языке».

Ведется также работа по лексике и лексикографии якутского языка [7]. Подготовлен и сдан в издательство «СЭ» русско-якутский словарь (100 печ. л.), проходит редподготовку средний нормативный якутско-русский словарь. По своему объему и уровню лексикографической обработки материала эти словари явятся наиболее значительными из всех, выпущенных в советское время.

В Институте успешно проводятся исследования и по тунгусо-маньчжурским языкам. Эвенковеды осуществляют цикл исследований, в которых ставится цель определить степень сохранности родного языка среди эвенков, живущих по соседству с якутами, а также пути и формы, посредством которых осуществляется влияние якутского языка на эвенкийский. С другой стороны, необходимо выяснить отношение говоров эвенков Якутии к другим говорам эвенкийского языка, чтобы вскрыть исторические связи разных групп эвенков, а также эвенков с якутами и другими народами, установить пути передвижения отдельных групп. А. Н. Мыреева и А. В. Романова выпустили работы, в которых систематически описываются эвенкийские говоры Якутии [8]. В ближайшем будущем в издательстве «Наука» выходит «Диалектологический словарь эвенкийского языка (по материалам говоров эвенков Якутии)». Готовится к печати также большая филологическая работа «Фольклор эвенков Якутии». Сейчас группа сотрудников работает над темой «Взаимовлияние и взаимообогащение эвенкийского и якутского языков», где на большом фактическом материале будут прослеживаться процессы, связанные прежде всего с длительным билингвизмом эвенкийского населения. Изучаются также и диалекты эвенского языка [9].

Плодотворная работа ведется и на кафедре якутского языка Якутского госуниверситета. Члены кафедры проводят исследования по лексикологии и лексикографии, фонетике и синтаксису якутского языка. Доц. Н. С. Григорьев изучает фразеологизмы в якутском языке [10], оставшиеся до последнего времени совершенно не исследованными в якутском языкознании. Результатом многолетнего труда Н. С. Григорьева явился «Словарь фразеологизмов якутского языка» (рукопись в 25 печ. л.), где выяснены семантика, автология, варианты употребления около четырех тысяч фразеологических единиц, богато иллюстрированных примерами из языка художественной литературы, устного народного творчества. Доц. Н. К. Антонов разрабатывает тему «Именные основы в якутском языке» с широким привлечением материала различных алтайских языков [11], им же подготовлен к печати курс лекций по лексикологии якутского языка, который является первой частью запланированного членами кафедры учебного пособия для студентов «Современный якутский язык». Н. К. Антонов также разрабатывает курс лекций «Древнетюркский язык». Ст. преп. Н. Д. Дьячковский подготовил к печати защищенную им в качестве кандидатской диссертации монографию «Вокализм якутского языка (экспериментально-фонетическое исследование)», где применяются различные объективные методы исследования звуков речи: метод рентгенографии, палатаграфии, метод кимографической и осциллографической записи, анализ состава якутских дифтонгов с помощью электронного анализатора звуков речи, метод фото- и киносъемки [12]. Ст. преп. М. А. Черосов написал монографию «Основные типы синтаксических словосочетаний в якутском литератур-

[7] См.: П. А. Слепцов, Русские лексические заимствования в якутском языке, Якутск, 1964.

[8] А. В. Романова, А. Н. Мыреева, Очерки токкинского и томмотского говоров, М.—Л., 1962; А. В. Романова, А. Н. Мыреева, Очерки учурского, майского и тоттинского говоров, М.—Л., 1964.

[9] См.: В. Д. Лебедев, О некоторых особенностях говора эвенов Аллаиховского р-на, «Материалы первой научной конференции молодых специалистов ЯФ СО АН СССР». Серия гуманит. наук, Якутск, 1961; его же, Основные морфологические особенности говора эвенов Томпонского района, «Доклады на XIV научной сессии» [ЯФ СО АН СССР]» — Язык, литература, история, Якутск, 1964.

[10] На русском языке: Н. С. Григорьев, О семантике некоторых устойчивых словосочетаний в якутском языке, «Уч. зап. Якутск. гос. ун-та», 7, Серия обществ наук, 1960; его же, О некоторых вопросах методики научного анализа фразеологических единиц якутского языка, «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964.

[11] См. его публикации по этой теме: Н. К. Антонов, О соответствии начальных *с* ‖ *й* в якутских и тюркских именных основах, «Труды ИЯЛИ [ЯФ СО АН СССР]», 4 (9), Якутск, 1963; его же, Основные ландшафтные названия в якутском языке, «Доклады на XIV научной сессии [ЯФ СО АН СССР]» — Язык, литература, история; его же, О некоторых якутских именных основах монгольского происхождения, «Труды историко-филол. ф-та [ЯГУ]», в. I, 1966.

[12] Н. Д. Дьячковский, Вокализм якутского языка. Автореф. канд. диссерт., Л., 1966; см. также: его же, О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке, Якутск, 1962; его же, Долгие и краткие гласные фонемы якутского языка, «Труды ИЯЛИ [ЯФ СО АН СССР]», в. 4 (9); его же, Длительность якутских гласных в одно-

ном языке», где эти типы словосочетаний описываются с точки зрения семантики и формы сочетающихся компонентов [13].

Вопросами русского и славянского языкознания в Якутской автономной республике занимается кафедра русского языка и общего языкознания ЯГУ, причем научно-исследовательская работа здесь сосредоточена вокруг четырех основных проблем: 1) историческое и сравнительно-историческое изучение русского и других славянских языков; 2) исследование структуры русского языка и его диалектов; 3) лингво-стилистические исследования; 4) составление учебников и учебных пособий для вузов.

Наиболее значительное место в научной работе кафедры занимают диалектологические исследования, ведущиеся по двум направлениям: 1) монографические описания местных говоров; 2) создание областного словаря русских говоров Северо-востока СССР. Фактически с 1958 г. начато исследование говоров русских старожилов Киренского и Казачинско-Ленского районов Иркутской области, Олекминского и Аллаиховского районов Якутской АССР, о которых имеются лишь попутные замечания в работах А. М. Селищева, П. Я. Черных и др. Между тем говоры указанных районов представляют для науки большой интерес значительным числом диалектных черт, отличающих их от других русских говоров Сибири и Европейской части РСФСР. Кафедра с 1958 г. регулярно проводит диалектологические экспедиции в русские села указанных районов для записи русской народной речи. Собранные материалы изучаются преподавателями и студентами историко-филологического факультета Якутского университета. По материалам летних и зимних экспедиций написано много дипломных работ, опубликован ряд статей[14].

Ст. преп. К. И. Платонова исследует язык произведений сибирского цикла В. Г. Короленко [15]. Вопросами современного русского языка занимается ст. преп. П. П. Курчатова, которая разрабатывает тему «Глаголы передвижения в современном русском литературном языке».

Проблемы истории русского языка интересуют доц. М. И. Пасютину и ст. преп. Н. Г. Самсонова. М. И. Пасютиной опубликованы статьи «Синонимика имен существительных в посланиях Ивана Грозного» [16] и «Синонимика имен прилагательных в посланиях Ивана Грозного»[17]. Н. Г. Самсонов выступал на научно-теоретических конференциях Якутского университета с докладами и сообщениями «Еще раз о судьбе общеславянских сочетаний типа tort», «Замечания о падении редуцированных гласных ъ и ь в древнерусском языке», «О происхождении слова „Волга“». Члены кафедры работают над составлением учебных пособий для вузов [18].

Разработка перечисленного круга лингвистических проблем лингвистами Якутии продолжается.

Н. Г. Самсонов, П. А. Слепцов, М. А. Черосов

сложных словах, там же; его же, Длительность якутских гласных в двусложных словах, «Доклады на XIV научной сессии. [ЯФ СО АН СССР]».

[13] Исследование этой проблемы в методическом плане см.: М. А. Черосов, Изучение связи слов в якутском языке, Якутск, 1965 (на якут. яз.).

[14] В. В. Кузнецова, Некоторые замечания по лексическому составу приленского говора Киренского района Иркутской области, «Уч. зап. Якутского гос. ун-та», 11 — Сб. научных работ студентов, 1961; Л. И. Котельникова, Говор деревни Змеиновки Киренского района Иркутской области. там же; М. Ф. Дружинина, Фонетические особенности говора приленских русских старожилов, «Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока», [1], Иркутск, 1960; ее же, Формы личных и возвратного местоимений в приленском говоре Киренского района, там же, [11], Иркутск, 1962, ее же, Говор русских старожилов низовьев Индигирки (По материалам диалектологической экспедиции 1964), «Труды историко-филол. ф-та[ЯГУ]», 1, 1966; ее же, Инфинитив в русских говорах верховьев Лены, там же; Н. Г. Самсонов, Некоторые особенности в употреблении имени существительного в языке жителей приленских русских деревень Киренского района Иркутской области, «Уч. зап. Якутск. гос. ун-та», 7. Серия общественных наук, 1960, его же, Из наблюдений над лексикой Киренского говора Иркутской области, «Материалы первой научной конференции молодых специалистов...»

[15] См.: К. Платонова, Якутская лексика в рассказах В. Г. Короленко, «Полярная звезда», 1965, 3; ее же, Язык и идея «Огоньков» В. Г. Короленко, там же, 1966, 5; ее же, Метафоризация как средство экспрессии в рассказах В. Г. Короленко, «Труды историко-филол. ф-та [ЯГУ]», 1, 1966; ее же, Суффиксы субъективной оценки существительных как одно из экспрессивных средств для характеристики персонажей, там же.

[16] «Уч. зап. Якутского гос. ун-та», II (серия общественных наук), 1957.

[17] «Труды историко-филологического ф-та [Якут. гос. ун-та]», 1, 1966.

[18] Н. Г. Самсонов, Лекции по старославянскому языку. I, Якутск, 1961; его же, История славяно-русского письма, Якутск, 1963; его же, Древнерусский язык, ч. I, Якутск — 1965, ч. II— 1964. М. Ф. Дружининой подготовлено учебное пособие по общему языкознанию (рукопись).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1967

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

На философском факультете университета им. Я. Е. Пуркине 20—23 октября 1966 г. происходил международный симпозиум по проблеме «Структурные типы славянского предложения и их развитие», развивающий итоги международного синтаксического совещания, состоявшегося в Брно в 1961 г. [1]. В симпозиуме приняли участие члены Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков, заседание которой состоялось непосредственно после симпозиума (в Смоленицах 24—26 октября 1966 г.).

Для участия в симпозиуме первоначально предполагалось пригласить членов этой Международной комиссии и ее сотрудников, участников брненского совещания 1961 г., а также несколько других синтаксистов, однако интерес к симпозиуму оказался столь большим, что совещание вылилось в гораздо более широкие формы. В нем участвовало почти 100 чехословацких и 40 зарубежных языковедов (из СССР, Польши, Болгарии, Югославии, ГДР, ФРГ, Франции и Румынии).

Задача симпозиума состояла в обсуждении проблематики типов славянского предложения с точки зрения различных лингвистических теорий и подходов, в сопоставлении взглядов, что должно способствовать взаимному пониманию; симпозиум был призван обратить внимание на важнейшие спорные вопросы и предложить для преимущественного изучения некоторые актуальные темы, разрешение которых следует вести в плане международного сотрудничества. Работа симпозиума носила характер прений: доклады были представлены в оргкомитет заранее, размножены и заблаговременно даны (в виде литографированного сборника) в распоряжение участников. Всего поступило 45 докладов, перед началом заседаний условно распределенных по тематике на три части; на их основе была намечена тематика (в подразделении на пункты) для работы симпозиума; каждая тематика была представлена своим «ведущим докладчиком», который выступал с вводно-оценочным словом к последующим прениям и в заключение резюмировал итоги отдельных выступлений.

Первый тематический круг вопросов был связан с общей проблематикой типов славянского предложения и их составных компонентов. По этой проблематике было представлено около 18 докладов, затрагивающих следующие вопросы: сущность типов славянского предложения (М. Грепль, Брно — вступительный доклад, в котором рассматривались критерии выделения типов, различительные признаки на предикативно-синтагматическом, модальном и интонационном уровнях; Р. Ружичка, Лейпциг — о понятии структурных типов славянских предложений, рассматриваемых в трансформационно-порождающем аспекте с установкой на общность конститутивных признаков применительно ко всем славянским языкам); формула предложения и ее семантическая структура (Ф. Данеш, Прага; А. Е. Михневич, Минск — последний с привлечением более широкого фона дифференциальных признаков отдельных ярусов языковой системы); структура предложения и состав предикатных предметов (Т. П. Ломтев, Москва — преломление конститутивных элементов двусоставной фразы с переходным глаголом и объектом через призму критериев формальной логики); релевантные признаки строя простого предложения (Н. Ю. Шведова, Москва — один из наиболее перспективных докладов, содержащий трактовку парадигматики предложения в ее отличии от формантов сложного предложения и разного рода реплик); аспекты классификации (И. Леков, София — с иллюстрациями на болгарском материале, с применением традиционных приемов; эта тема затрагивалась и в ряде других сообщений); проблемы грамматико-стилистической значимости при описании данной области системы языка (Й. Вукович, Сараево), связь грамматической структуры фразы с ее интонацией (И. Манкен, Гёттинген); изучение фразовых моделей с точки зрения трансформационных отношений (О. Лешка, Прага); синтаксическая парадигматика (З. Оливериус, Прага); формула предложения с учетом обязательных определителей глагола (Е. Кржижкова, Прага); проблема главных членов предложения, применение соответствующих понятий при структурном описании

[1] Отчет см.: ВЯ, 1961, 6.

типов предложений и при рассмотрении проблемы имплицитности (П. Адамец, Прага; Й. Ружичка, Братислава — в применении к неопределенно-личным и обобщенно-личным конструкциям; Я. Попела, Прага — в отношении понятия предикации); наконец, три доклада были посвящены вопросам диалектного предложения, его интерпретации, описанию его структурных черт в отличие от индивидуальных (Я. Хлоупек, Брно; В. Михалкова, Брно; Я. Балгар, Брно).

Для обсуждения этих вопросов предусматривалось шесть основных направлений (освещавшихся в докладе М. Грепля и 30 выступлениях):

1. Определение понятия типа предложения в связи с близкими терминами (структура, схема, формула, модель предложения, ядерная структура), реальность наличия типов предложения как единиц синтаксического яруса языковой системы. Помимо Р. Ружички, который дал уточнение своей трактовке структурных типов в смысле их возведения к ядерным структурам, с позиций порождающей грамматики выступали О. Лешка (предлагал говорить о «функциональных типах высказывания», а не предложения), П. Сгалл (Прага; указал на необходимость отличать автономные предложения от частей сложного целого) и П. Новак (Прага; высказал скептическое отношение по поводу возможности изучать данную тему, пока не найден общий тип грамматики и не произведена соответствующая релятивизация). Более реальную ориентацию в терминологии и понятиях наметили Я. Бауэр (Брно) и М. Грепль; акад. Б. Гавранек (Прага) обосновал возможность говорить о типах предложения в противоположность так называемому прототипу.

2. Конститутивные и факультативные признаки и элементы в строе славянского предложения. Здесь обсуждалось несколько частных вопросов. Относительно обязательного эксплицитного наличия финитной глагольной формы в формуле предложения были мнения и положительные (Ф. Данеш, О. Лешка, менее резко М. Грепль и др.) и отрицательные (Н. Ю. Шведова, К. Попов, София). Относительно категории главных членов и отсутствия (формального или фактического) субъекта велась дискуссия по первичности двухкомплексного состава славянского предложения или автономности односоставных структур — в связи с вопросом о предикативности; по этим вопросам выступили М. Ивич (Новый Сад), Ф. Мико (Прешов) и Я. Попела, отчасти Э. Маи (Берлин), И. Циммерман (Берлин), Б. Гавранек. Многие участники отмечали, что помимо главных членов роль конститутивных компонентов выполняют еще обязательные определители предикативного глагола, состоящие на службе его интенции справа; это мнение высказали Е. Кржижкова, Ф. Копечный (Брно), П. Сгалл, Ж. Веранк (Париж) и Я. Бауэр. Подчеркивалась важность интонации (вернее: заключительной каденции) как сопутствующего конституирующего фактора, оформляющего тот или иной фразовый тип (М. Грепль, И. Манкен, К. Попов, Р. Мразек, Брно); Б. Гавранек рекомендовал различать понятие факультативных элементов и потенциальных элементов.

3. Систематизация и иерархизация типов предложения. Р. Ружичка и другие (О. Лешка, брненские синтаксисты) высказывались за то, что необходимо стремиться не к таксономической каталогизации типов, а к их иерархически упорядоченному описанию; Я. Бауэр и М. Грепль коснулись степеней обобщения — от индивидуального высказывания с явлениями модификации к низшим, а затем высшим структурным типам. Р. Мразек и другие говорили о необходимости изучения производных типов, поскольку именно здесь количество расхождений между славянскими языками наиболее высокое. Несколько участников считало настоятельной задачей уделять внимание модельным типам, изучаемым на фоне узко грамматической организации структур (А. Мировић, Варшава; И. Циммерман, Р. Ружичка, Н. Ю. Шведова, брненские участники); прозвучал даже призыв к более интенсивной разработке эмоциональных типов (Р. Мразек, Й. Вукович, Л. И. Ройзензон — Самарканд, И. Манкен, К. Попов). Наконец, обсуждался вопрос синтаксической парадигматики (весьма убедительно говорила об этом Н. Ю. Шведова, Ф. Мико, З. Оливериус, А. Мировић).

4. Методы представления и описания системы типов предложения. На симпозиуме преобладало сочувствие трансформационным приемам (особенно лингвисты из ГДР, далее М. Ивич, П. Сгалл, О. Лешка), однако вместе с тем ряд выступавших отмечал их известную ограниченность (М. Грепль, А. Е. Михневич, Л. И. Ройзензон, К. Попов, отчасти Б. Гавранек; Р. Мразек наметил иные приемы объективации и аргументации).

5. Связь формулы предложения с ее семантической структурой. А. Е. Михневич указал на необходимость нахождения семантических классов слов с одинаковыми синтаксическими свойствами. Общие вопросы соотношения формальных структур со структурами в плане содержания, а через него с денотатом затрагивались, посредством оперирования понятием «пропозиция», Ф. Данешем

К. Гаузенбласом (Прага), К. Горалком (Прага), Ф. Копечным.

6. Типы предложений в диалектах и их структурная специфика. Об этом говорил Я. Хлоупек, отчасти И. Манкен, которая вместе с Я. Бауэром затронула вопрос о реализации и модификации в речи тех или иных структурных типов.

Второй круг вопросов был связан с конкретным исследованием типов предложений в отдельных славянских языках и с сопоставительно-типологическим исследованием этих типов. В 16 докладах затрагивались такие вопросы: роль дедукции и эмпирической индукции при общеславянском сравнении фактов (Р. Мразек — вступительный доклад, освещающий некоторые более общие аспекты методологии и дающий несколько более детальных разработок и иллюстраций для структурного анализа сравниваемого материала); структурно-семантическая и стилистическая характеристика нескольких односоставных, номинативных и отрицательных типов болгарских предложений (К. Попов); обзор сербскохорватских конструкций, предикативная основа которых содержит глагол *быть*, в дескриптивно-порождающем аспекте (М. Ивич); исчерпывающая систематизация и классификация польских простых предложений с ее алгебраическим отображением (З. Клеменсевич, Краков, Г. Миш, Торунь); попытка дать полный список ядерных структур русского языка с точки зрения трансформационной грамматики (Р. Зимек, Оломоуц); структура русского предложения в связи с грамматическим порядком слов (А. В. Исаченко, Прага)[2] и с длиной предложения при использовании количественно-статистических данных (О. Паролькова, Прага); роль морфологических и семантических факторов в формировании синтаксических структур (Л. И. Ройзензон — об одном эмоциональном типе фразы в трех западнославянских языках; А. В. Бондарко, Ленинград — о категории глагольной аспектуальности применительно к параллельным русским и чешским структурам; Ж. Веранк — о «синтаксисе приставки» в русском языке); генеративная интерпретация русских конструкций с зависимым инфинитивом (М. Кубик, Прага; Р. Конрад, Лейпциг); тот или иной особый тип предложения в отдельных славянских языках: русский бессвязочный тип (С. Жажа, Брно), болгарские построения с предикативным определителем (Э. Маи) и польские конструкции с дативным местоимением *sameti* (Ю. Дамборский, Оломоуц).

Для обсуждения этих вопросов предусматривалось пять основных направлений (освещавшихся в докладе Р. Мразека и 17 выступлениях):

1. Релевантность критериев типологии славянского предложения: М. Ивич продемонстрировала важный критерий «персональности: имперсональности», указав на полезность учета глубины структуры. На иерархизации различительных признаков от высших (противопоставление двусоставных и односоставных структур в комбинации с общей модальной значимостью) в направлении к низшим остановился Я. Бауэр; с его соображениями о возрастающей дифференцированности типов при движении «вниз» перекликались высказывания Р. Мразека, З. Тополиньской (Варшава) и др. А. Мирович, объясняя критерий «глагольность : неглагольность», указал на необходимость учета имплицитных сигналов, выявляемых парадигматически. Е. Кржижкова высказалась по вопросу о понятии типа предложения и ядерного предложения применительно к межславянскому сравнению и о релевантности временно-модальных разновидностей структуры применительно к типу предложения. Несколько пояснений к своему типологическому исследованию русского предложения, базирующемуся на статистических подсчетах способов расширения предикативного ядра, сделала О. Паролькова.

2. Прения по проблематике сопоставительного изучения типов предложения в разных языковых системах показали, что недостаточно только констатировать наличие того или другого типа в некотором языке, а нужно учитывать его функционально-стилистическую характеристику и парадигматические связи. Формальное сходство нередко сопровождается отличиями в функциональной дистрибуции. Эту мысль, высказанную в докладе Р. Мразека, поддержали П. Ондрус (Братислава), Б. Погорелец (Любляна), Й. Вукович, И. Манкен и др. М. Докулил (Прага) обстоятельно говорил о потенциальной возможности сравнения разных ярусов, участвующих в языковой коммуникации (адекватность в одном и том же ярусе выявляет расхождения в ином ярусе) в соответствии со своей трактовкой коммуникативного процесса (от внеязыкового содержания до звуковой реализации с обычной, но не обязательной формализацией); его выступление вызвало несколько частных возражений по поводу неструктурного характера некоторых элементарных построений (К. Горалек, Я. Бауэр). К. Горалек подчеркнул актуальность конкретной сравнительно-типологической работы, рекомендуя прием эквивалентности перевода; одну возможную иллюстрацию подобной методики на материале нескольких языков привел П. Онд-

[2] См.: ВЯ, 1966, 6. К сожалению, А. В. Исаченко из-за болезни не смог принять участие в симпозиуме.

рус. Сопоставление некоторых словенских и сербскохорватских конструкций с глаголом *быть* было сделано Б. Погорелец. З. Тополиньска отмечала своеобразие македонского и болгарского языков в способе передачи категории «определенности : неопределенности» с помощью выбора членной или нечленной формы субстантива во взаимосвязи с порядком слов. Л. Андрейчин (София) выступал по нескольким частным вопросам болгарского языка, могущим иметь немаловажное общетеоретическое значение (грамматикализация предлогов, категория члена, энклитичность, возможность соединения некоторых неглагольных структур с придаточной частью).

3. Вопрос о символическом отображении типов и схем предложений при их формализации, как и вопрос о целесообразности унификации символики (хотя бы по важнейшим пунктам), вызвал менее оживленное обсуждение. П. Новак высказал сомнение в пользе такой работы. М. Ивич говорила о потребности определенной договоренности хотя бы внутри отдельных синтаксическх центров. Разнообразие подходов и методик исследования само по себе имеет скорее положительное, стимулирующее, нежели отрицательное значение.

4. Серьезные расхождения выявились в связи с проблемой «неноминативного строя» ряда конструкций славянских языков, когда позицию субъекта занимает не именительный, а другой падеж. Это представляет важное общее отличие по отношению к западноевропейским языкам (Р. Мразек). Часть лингвистов допускает возможность толкования некоторых косвенных падежей имени как грамматического субъекта (Я. Бауэр — только родительный падеж, Я. Попелá — даже дательный падеж в инфинитивных конструкциях); другие высказали более сдержанную точку зрения. Вновь обсуждалась природа конструкций с отсутствующим эксплицитным подлежащим (например, М. Докулил); Г. Шустер-Шевц (Лейпциг), обсуждая вопрос об относительной устойчивости литературных языков, говорил о результатах немецкого влияния на верхнелужицкие диалектные безличные предложения.

5. При обсуждении вопроса о выборе той или иной структуры для выражения неконкретного одушевленного производителя действия участники симпозиума одобрили мысль о правомерности при изучении типологии славянского предложения идти не только от формы к содержанию, но и от содержания к форме. В связи с категорией «агенсности» (плодотворная точка зрения М. Грепля) выступали Я. Бауэр (давший анализ соответствующих структур в современном чешском языке) и отчасти Б. Гавранек.

Третий тематический круг вопросов был связан с изучением развития типов славянского предложения в историческом и сравнительно-историческом аспектах. По этой теме было представлено 11 докладов. Я. Бауэр во вступительном докладе обратил внимание на историческую изменчивость типов предложения, на возможность возникновения новых типов (например, оптативные предложения). Изменения основных типов предложений демонстрируются на материале чешского языка; особенно заметным изменениям подверглись модальные (вопросительные, побудительные и оптативные) конструкции, определенные сдвиги произошли в использовании односоставных и двусоставных образований для выражения агенса. На развитии вопросительных и волюнтативных фраз в лужицких языках остановился Г. Шустер-Шевц. Зависимые побудительные и оптативные предложения в южнославянских языках исследовал на балканистском фоне Й. Седлачек (Прага). Интересные замечания по развитию инфинитивных конструкций, с особым вниманием к роли связки, содержались в докладах Я. Порака (Прага) о фактах чешского языка и В. Грабе (Прага) о фактах русского и чешского языков. В. И. Собинникова (Воронеж) проанализировала на материале деловых памятников XVII—XVIII вв. безличные или стоящие на грани личных и безличных конструкции со страдательным причастием. Р. Вечерка (Брно) исследовал конструкции с именным и глагольно-именным сказуемым в старославянском языке. Ч. Бартула (Краков) сделал попытку установить список основных фразовых структур в старославянском языке, в частности тех, которые можно считать продолжением праславянских структур. К. И. Ходова (Москва) исследовала на базе старославянских материалов место предложно-падежных форм в структуре предложения в связи с их синтаксической функцией и в ее отношении к семантике господствующего глагола и зависимого существительного. М. Елинек (Брно), занимавшийся функциями и развитием синтаксических конденсаторов в славянских языках, остановился на причастно-деепричастных, номинальных, а также инфинитивных конструкциях, передающих побочную предикацию, в их динамике и в аспекте сравнительной перспективы развития литературных славянских языков. И. Мийе (Париж) остановился на употреблении деепричастия и причастия настоящего времени в роли атрибута в древнечешском языке.

Для дискуссии было намечено семь основных направлений (освещавшихся в докладе Я. Бауэра и 18 выступлениях):

1. Способы и методы исследования развития типов предложений в отдельных славянских языках освещались З. Клеменсевичем (Краков), который

рассказал об опыте краковских работников, исходящих при собирании и анализе материала из инвентаря синтаксических структур в современном польском языке. О соотношении индукции и дедукции говорил Б. Гавранек. Следующие выступавшие (В. Грабе, Ч. Бартула, Л. И. Ройзензон) подчеркивали необходимость функционально-структурного подхода к трактовке развития синтаксических явлений, высказываясь при этом за применение новых методов. М. Ивич показала на примере, какой могла бы быть конкретная реализация применения этих методов.

2. Критерии установления типов предложения в отдельные периоды языкового развития рассматривались В. Барнетом (Прага). Он подчеркнул, в частности, различия в степени спаянности элементов строя предложения, сравнивая в этом отношении древнерусское состояние с современной разговорной русской речью. Б. Гавранек отметил, что сильная флективность древних языков была сопряжена с большей автономностью слова. По вопросу о связке высказался Ж. Веранк, который различает глагольную форму и глагольную функцию, причем последняя может остаться без эксплицитного выражения. Р. Вечерка объяснил неодинаковую временную значимость бессвязочных предложений в старославянском и других древних славянских языках. Ф. Копечный предостерегал от смешения стилистического и генетического планов при интерпретации развития синтаксических фактов, проиллюстрировав это положение на различии между возвратно-страдательными конструкциями с невыраженным и выраженным производителем действия. Н. Ю. Шведова предлагает исходить при толковании синтаксических изменений не из изолированных конструкций, а из целых рядов конструкций, связанных функционально и семантически. К. И. Ходова рекомендует отличать сдвиги, важные для самой синтаксической структуры, от изменений, носящих скорее лексический характер.

3. Вопросу о восстановлении исходных праславянских типов была посвящена часть выступления Б. Гавранка, в которой отстаивалась принципиальная возможность реконструкции не только праславянского, но также и индоевропейского предложения. А. Лампрехт (Брно) подчеркнул генетический приоритет слова, словоформы перед предложением. В. Грабе на примере инфинитивных конструкций со связкой и без связки показал, какие затруднения возникают при попытке вскрыть общий отправной пункт конкретных структур; эту мысль поддержал Я. Порак, говоривший о необходимости динамического изучения праславянского состояния. Ч. Бартула высказал уверенность в возможности реконструкции типов праславянского простого предложения.

4. Из числа факторов, воздействующих на развитие типов предложения в отдельных языках, в прениях назывались лишь некоторые: В. Барнет отметил значение появления письменного языка и письменности, Б. Гавранек — сдвигов в системном соотношении явлений, Ст. Урбанчик (Краков) обратил внимание на общее движение к независимости строя предложения от обстановки высказывания, Л. И. Ройзензон — на усиление интеллектуальной стороны речи, А. Е. Михневич и К. И. Ходова на связь с семантикой. Ф. Михалк (Будышин) на примере возникновения гибридных конструкций с неконкретным агенсом в лужицких говорах показал роль иноязычного влияния. Против переоценки такого влияния (при становлении присоединительно-относительных предложений) высказался Л. И. Ройзензон.

5. Не слишком активной оказалась дискуссия о дивергентном и конвергентном развитии типов предложения. Я. Порак напомнил, что внешнее одинаковое развитие может занимать разное место в системе каждого языка. А. Е. Михневич на примере родительного падежа качества показал, что учет синтактико-семантического класса слов, которые могут употребляться в данной конструкции, способствует выявлению диахронических различий. Й. Ружичка (Братислава) проиллюстрировал некоторые расхождения между чешским и словацким языками в развитии основных типов предложения.

6. Соотношение фактов речи и языка привлекло лишь частичный интерес. Так, Ст. Урбанчик говорил о том, что неверно было бы отождествлять явления устной речи с parole, а письменной речи — с langue; он показал также, как диалектный материал может помочь в понимании возникновения той или другой конструкции (на примере польского *nauka to potęga*).

7. Не вызвал дискуссии вопрос о значении выявления диахронических связей для оценки системных отношений современного синхронного состояния и о значении обратного соотношения. Лишь В. Грабе показал, как познание динамики развития инфинитивных предложений дает возможность правильно объяснять их сегодняшнее состояние в случаях отсутствия связки (ненулевой).

Характер дискуссии хорошо отразил современное состояние сравнительно-исторических исследований: сейчас уже можно многое сказать относительно характера и развития синтаксических фактов в отдельных языках, но объяснение связей и мотивов этого развития (особенно в сравнительном аспекте) пока что представляет нерешенную задачу, во-

просы здесь нередко только формулируются, все еще не находя удовлетворительных, подлинно структурных ответов. Характерно и недостаточное внимание к применению новых методов в диахроническом исследовании; сторонники этих методов пока сосредоточивают свое внимание на проблематике синхронного анализа современного языка.

В заключение симпозиума был обсужден проект тем, которые заслуживают преимущественной разработки. Текст проекта, приводимый ниже, был отредактирован Международной комиссией по изучению грамматического строя славянских языков:

«Особенно актуальны следующие вопросы:

1. Из теоретической проблематики: установление и характеристика типов предложений в славянских языках; изучение их системы на уровне грамматической формы и значения, разработка общих путей описания (и символики) как основы для их сопоставления.

Возможность интерпретации понятия „тип предложения" в рамках теории порождающей трансформационной грамматики; отражение специфики славянских языков в трансформационной грамматике; употребление трансформационного метода при сопоставительном и сравнительно-историческом изучении славянских языков.

2. Из сопоставительного изучения типов предложения в славянских языках: изучение типов предложения с точки зрения модальности, преимущественно предложений оптативных и замкнутых вопросов. Роль экспрессивности в строении основных типов. Типы предложения с точки зрения присутствия или отсутствия агенса и разных способов его выражения.

3. Из исторического и сравнительно-исторического изучения типов предложения в славянских языках: развитие типов предложения с точки зрения модальности, преимущественно предложений оптативных и замкнутых вопросов. Развитие типов предложений с точки зрения присутствия или отсутствия агенса и разных способов его выражения».

Участники симпозиума утвердили также проект мероприятий по углублению международного сотрудничества в области изучения славянского синтаксиса. Проектом предусматривается оживление деятельности Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков и соответствующих национальных комиссий, учреждение синтаксического информационного центра, который обрабатывал бы информацию о текущей и запланированной работе, издание в отдельных странах международных тематических сборников, посвященных актуальным синтаксическим вопросам.

Работа симпозиума получила положительную оценку в заключительных выступлениях З. Клеменсевича, Б. Гавранка и Я. Бауэра. Не все поставленные вопросы были разрешены, однако важен самый факт их постановки. Они вызвали много весьма интересных докладов и выступлений, что, несомненно, будет плодотворно для дальнейших разысканий в области синтаксиса.

Доклады, присланные материалы и подробный отчет о прениях будут опубликованы в сборнике «Вопросы славянского синтаксиса», II, который выйдет в свет в серии изданий философского факультета брненского университета в начале 1968 г.

Я. Бауэр, Р. Мразек (Брно)

*

С 23 по 26 ноября 1966 г. в Институте русского языка АН СССР проходила сессия Международной комиссии по поэтике и стилистике. В ее работе приняли участие представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии, Югославии, а также многих вузов и академических учреждений страны. На сессии было прослушано и обсуждено 15 докладов, в прениях выступило 28 человек.

Работу комиссии открыл акад. В. В. Виноградов. В кратком обзоре новейшей литературы, посвященной стилю и языку художественной литературы, он обратил внимание на отсутствие единства взглядов по этому вопросу, на многообразие интерпретаций этих понятий у разных ученых. В связи с этим задачи и перспективы комиссии видятся в постоянном обмене мнениями по наиболее насущным проблемам языка и стиля, в координации исследований, ведущихся в разных странах. Сессия должна обсудить основные понятия стилистики и поэтики, наиболее существенные теоретические проблемы. Проблема уточнения понятия «стиль» стала центральной на сессии. Ей был посвящен доклад проф. К. Гаузенбласа (Чехословакия) «К уточнению понятия стиля» и его сообщение о различных степенях абстракции понятия «стиль» (от стиля одного произведения до стиля эпохи). В докладе он рассматривает соотношение метода и стиля. Стиль представляет собой определенный способ протекания целенаправленной деятельности и определяет специфику и структуру результата этой деятельности. Метод—явление более широкое. Проф. Г. Рааб (ГДР) поставил вопрос об истории интерпретации понятия «стиль» от античности до наших дней.

Частные вопросы стиля были подняты в докладах Р. Р. Гельгардта (Калинин) «О стилистических процессах в лексике современного русского язы-

ка» и О. Б. Сиротининой (Саратов) «Разговорная речь в литературном языке и в художественной литературе»[3].

О соотношении языкознания и литературоведения в области стилистики говорили в своих выступлениях Б. Н. Головин (Горький), Г. Дудек (ГДР) и др. Г. Дудек остановился на возникающей при стилистическом анализе прозаического произведения потребности расчленения его на определенные и постоянные структурные элементы: повествовательные действия, сцены и фазы.

С докладом «Математико-статистические методы в стилистике» выступил проф. Й. Мистрик (Чехословакия)[4].

Принявшие участие в обсуждении его Е. Г. Эткинд (Ленинград), В. И. Перебейнос (Киев), В. П. Григорьев, И. С. Ильинская (Москва) и многие другие отметили, что первейшим условием успешного использования статистических методов в стилистике является выработка единых методов подсчета, установление единиц отсчета, объема выборки и т. д., т. е. разработка статистической стилистики.

Вторая группа докладов была связана с проблемами поэтики. В. В. Виноградов сделал доклад «Проблема образа автора в структуре художественного произведения». Образ автора рассматривается как своеобразный центр, фокус, в котором скрещиваются и синтезируются все стилистические приемы произведения словесного искусства. Законы изменения структур литературно-художественных произведений и законы развития литературно-художественных стилей отдельных литератур и мировой литературы в целом не могут быть объяснены и открыты без тщательного изучения историко-семантических трансформаций образа автора в разных типах и системах художественного творчества.

С докладом «Сравнение как основа структуры художественной речи» выступил В. В. Кожинов (Москва), который обратил внимание на то, что все древние поэтики Индии и Греции всегда отводили огромное место сравнению в разных его видах и формах как основе художественной структуры. Сравнение вообще является категорией речи, но в художественной речи оно происходит на глазах как сопоставление; только подход к художественной речи как к самостоятельной структуре может обеспечить правильное ее понимание, сам же словесный материал оказывается менее важным. Подход к художественной речи как к специфически стилевому явлению ничего не объясняет, он позволяет лишь констатировать экспрессивность художественной речи по сравнению с научной. А. В. Чичерин (Львов) в докладе «Проблема содержательности и выразительности художественной формы» говорил о том, что не экспрессивность, а выразительность является свойством художественной речи. Выступивший в связи с этим докладом В. Д. Левин (Москва) отметил, что выразительность в языке обычном и в языке художественной литературы — разные категории. Художественная выразительность подчинена художественному замыслу. В связи с проблемами исторической стилистики он поставил также проблему соотношения литературного языка, языка «художественного» и индивидуального стиля в разные периоды истории языка и литературы.

О роли художественной формы и ее отношении к содержанию как отношении взаимного обогащения говорил в своем выступлении И. Р. Гальперин (Москва).

К. Гаузенблас в докладе «О семантических контекстах в поэтическом произведении» остановился на семантических связях, которые возникают между отдельными составными частями поэтического текста и создают семантические комплексы или семантические контексты. Их вид и объем различен и многообразен: от микроконтекстов (например, связи двух слов в рифме) до макроконтекстов (один из видов его — образ автора). Семантическое построение текста, его семантический эффект создаются сложным взаимодействием, включающим и контрастирование, семантических микро- и макроконтекстов в произведении.

Некоторые вопросы болгарской поэтики затронул в своем выступлении проф. Л. Андрейчин (Болгария). Об особенностях поэтической семасиологии говорил В. И. Королькова (Москва).

Проблемам стиховедения были посвящены доклады проф. Л. Гальди (Венгрия) «Личность поэта и техника стиха», М. Л. Гаспарова (Москва) «Ямб и хорей советских поэтов и проблема эволюции русского стиха» и П. А. Руднева (Коломна) «О переходных метрических формах в русском классическом стихе». В последнем докладе поставлен вопрос об определении границ между метрическими формами, о необходимости отличать нарушение формы от случаев возникновения новой формы.

На сессии рассматривались также проблемы сопоставительной стилистики. Е. Г. Эткинд в докладе «Сопоставительная стилистика и ее задачи» наметил шесть основных типов сопоставления: 1) сопоставление систем языка, 2) со-

---

[3] См. сб. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», Горький, 1966.

[4] Тексты докладов Л. Гальди, Й. Мистрика и М. Л. Гаспарова публикуются в настоящем номере журнала.

поставление их стилистических систем, 3) сопоставление традиционно-литературных стилей, 4) сопоставление специфических национальных просодических систем, 5) сопоставление историко-культурных традиций, 6) сопоставление индивидуально-художественных стилистических систем. В докладе Ю. С. Степанова (Москва) «Некоторые основания сопоставительной стилистики» рассматривались парадоксы сопоставительной стилистики, связанные с тем, что сопоставимые в стилистическом плане произведения оказываются иногда несопоставимыми в плане жизненной ситуации. Какое-либо произведение в одну эпоху может восприниматься как своеобразный литературный жанр, в другую — как нелитературное произведение (например, записные книжки писателя). Доклад С. Ш. Чагдурова (Улан-Удэ) «Вопросы сопоставительной стилистики» был посвящен проблемам художественного перевода с монгольских языков на русский, а доклад проф. А. Флакера (Югославия) «Стилистика и сравнительное литературоведение»— изучению воздействия языка русской литературы на развитие хорватской художественной речи в период становления хорватского реализма.

В обсуждении докладов приняли участие Б. В. Горнунг, Э. И. Ханпира, О. А. Лаптева, А. П. Чудаков, Ф. Г. Бирюков, Ю. А. Бельчиков и др.

Выступивший с заключительным словом В. В. Виноградов отметил плодотворность работы сессии.

Комиссия приняла решение организовать национальные комитеты по поэтике и стилистике при национальных комитетах славистов; созвать очередную сессию Международной комиссии по поэтике и стилистике до VI Международного съезда славистов; расширить информацию о состоянии исследований по поэтике и стилистике в разных странах; опубликовать материалы сессии отдельным сборником.

Е. В. Орлова (Москва)

*

С 26 по 28 октября 1966 г. в Ашхабаде проходила первая в истории советского языкознания всесоюзная конференция по актуальным проблемам развития стилистических систем литературных языков народов СССР. Конференция была организована Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» при ОЛЯ АН СССР, Институтом языкознания АН СССР, а также АН ТуркмССР.

Основными задачами конференции являлись широкое обсуждение актуальных проблем лингвистической стилистики и стилистики художественной литературы, характеристика важнейших тенденций развития стилистических систем старописьменных языков, освещение путей формирования, современного состояния и перспектив дальнейшей стилистической дифференциации младописьменных языков. В конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, ТуркмССР и других союзных республик, первый секретарь ЦК КП ТуркмССР Б. Овезов и другие руководители республики.

В докладах, наряду с новыми теоретическими положениями, имеющими большую научную ценность, был представлен разнообразный фактический материал, отражающий разные пути и ступени развития стилистических систем самых различных по типологии и объему общественных функций языков, требующий нового научного осмысления и теоретического обобщения.

Ю. Д. Дешериев прочитал коллективный доклад «Актуальные проблемы развития стилистических систем современных литературных языков народов СССР» [авторы — акад.АН ТуркмССР П. А. Азимов (Ашхабад), акад. В. В. Виноградов (Москва), Ю. Д. Дешериев (Москва), И. Ф. Протченко (Москва)]. В докладе отмечалось, что закономерности формирования и развития стилистических систем литературных языков гораздо сложнее закономерностей формирования и развития лексико-семантических, фонематических, морфологических и синтаксических систем этих языков, хотя во многом они опираются на развитие этих частных систем. Стилистические системы в значительно большей степени зависят от развития общественных функций языка, создающих благоприятные условия для стилистической дифференциации языка. Большое значение для развития стилистических систем имеют сознательно разработанные и предпринимаемые обществом мероприятия по расширению общественных функций тех или иных языков. В общем смысле стилистику предлагалось определить как способ, прием подбора лингвистически специализированных или неспециализированных языковых средств для наиболее точной, выразительной словесной передачи мыслей и чувств говорящего или пишущего в нужном ему аспекте, иначе говоря, стиле; подобное определение охватывает как лингвистическую, так и литературоведческую стилистику, или стилистику художественной литературы. Задачей первостепенной важности является определение предмета лингвистической стилистики и предмета стилистики художественной литературы, вы-

яснение границ между лингвистическим и литературоведческим изучением языка и стилей художественной литературы. Под лингвистической стилистикой представляется целесообразным понимать раздел языкознания, занимающийся изучением стилистически специализировавшихся языковых средств для специфического языкового (устного или письменного) выражения разных видов и форм человеческой деятельности в различных сферах общественной жизни. От лингвистической стилистики существенно отличается стилистика художественной литературы. Художественное восприятие, переосмысление звуковых средств и семантики слова, словосочетания или фразы в произведении писателя или поэта нельзя рассматривать в каждом отдельном случае как особую лингвистическую категорию, как новый элемент структуры языка, если данное явление не имеет своей лингвистически обозначенной стилистической специализации, т. е. стилистической оппозиции. Процесс образования стилей, стилистической специализации лингвистических элементов ведет к формированию стилистической оппозиции на разных уровнях языка; эти оппозиции относятся к числу важнейших признаков, определяющих степень развитости стилистической системы языка. В докладе намечена прямая зависимость между расширением общественных функций литературных языков и их функциональной и жанрово-стилистической дифференциацией.

Чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин (Москва) в своем докладе выдвинул положение о том, что в любом языке существует нейтральное стилистическое ядро, которое может быть употреблено в различных ситуациях и которое служит как бы исходной точкой для отсчета в разные стороны. Существуют также специфические дифференциальные средства выражения, употребление которых в других видах речи создает эффект языкового смещения. Диалектизмы в системе русского литературного языка всегда стилистически окрашены. Значительную сложность представляет собой проблема просторечия, возникшего, вероятно, еще в XVII в., когда оно было ограничено не территориальными, а социально-культурными рамками; впоследствии оно превратилось в особый «сниженный» стиль русского литературного языка. Вопрос о языковой норме, представляющей собой социально-историческую категорию, так же стар, как и сам язык. Понятие нормы теснейшим образом связано с понятием системы и с понятием вариантности; там, где нет возможности выбора, нет и проблемы нормы: она возникает лишь при наличии вариантов средств выражения. Вариантность бывает избыточной лишь тогда, когда варианты не несут никакой нагрузки (стилистической или иной). Для определения нормы основою являются традиция и языковое употребление, хотя между ними и может быть противоречие. Количественные методы могут быть полезными и в области стилистических исследований, однако прежде чем подсчитывать, необходимо знать, что подсчитывать и для какой цели подсчитывать. Язык и стиль необходимо исследовать во всех аспектах и разными методами.

Н. А. Баскаков (Москва) посвятил свой доклад вопросу о структурных и функциональных стилистических модификациях современных тюркских языков. Докладчик определил стиль как модификацию литературного языка в его разговорной или письменной форме в поэтическом или прозаическом жанре, которая характеризуется дифференциальными признаками, отличающими данный стиль от другого наличием фонетических, интонационных, лексических, фразеологических и грамматических особенностей; эти особенности определяют отношение изучаемого стиля либо к структурным (временному или пространственному), либо к функциональным (художественному, научно-публицистическому, деловому, культовому) разновидностям того или иного из тюркских литературных языков.

Акад. АН КазССР С. К. Кенесбаев (Алма-Ата) в своем докладе остановился на экспрессивно-стилистических функциях фразеологизмов в казахском языке. Помимо экстралингвистических факторов, структурное и семантическое своеобразие фразеологизмов позволяет большей их части выполнять специфические стилистические функции, т. е. выражать экспрессивные оттенки.

Ю. Д. Дешериев осветил вопрос о развитии стилистических оппозиций в младописьменных языках и специфики этих оппозиций на фонологическом, фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровне, а также вопросы методики исследования процессов стилистической дифференциации младописьменных языков.

Н. И. Толстой (Москва) изложил вопрос о зависимости элементов стиля литературного (стандартного) языка от характера его «стандартности», исследуя названную проблему на материале славянских языков.

А. И. Искаков (Алма-Ата) затронул проблему становления и развития стилей казахского литературного языка и показал, что ускоренный процесс демократизации казахского национального литературного языка в советскую эпоху обусловил взаимодействие и взаимопроникновение стилей, в результате чего происходит сближение устного и письменного языка.

А. Т. Кайдаров (Алма-Ата) рассмотрел служебные элементы как стилистическое средство выражения экспрес-

сивно-эмоциональных оттенков речи в уйгурском литературном языке.

М. А. Кумахов (Москва) и З. Ю. Кумахова (Москва) посвятили свой доклад проблеме отражения процессов языкового взаимодействия в развитии стилистической системы языка на материале абхазско-адыгских языков. Исследуя вопрос о проницаемости различных сфер языка, докладчики приходят к заключению, что соотношение исконных и иноязычных элементов в разговорной речи определяется типами двуязычия и многоязычия.

Э. Г. Туманян (Москва) исследует автономные, жанрово-стилевые варианты в период становления армянского литературного языка, которые в ряде случаев могут служить основой для образования стилей языка.

В. Ф. Беляев (Москва) рассмотрел ряд вопросов из истории научной разработки основных категорий стилистики на материале античных языков.

П. А. Азимов и Е. Н. Ершова (Ашхабад) рассмотрели вопрос о некоторых закономерностях развития стилистических систем туркменского и русского языков в условиях двуязычия и отметили особенную интенсивность процесса стилистической дифференциации туркменского литературного языка в советский период, прежде всего в результате оформления и нормализации национального туркменского языка; существенное влияние на формирование стилей туркменского литературного языка оказывает взаимодействие русского и туркменского языков на территории ТуркмССР.

Акад. АН ТуркмССР Б. А. Каррыев (Ашхабад) сделал доклад о туркменской художественной литературе и языковых стилях, постоянно совершенствующихся и оттачиваемых.

По докладам, прочитанным на конференции, развернулись оживленные прения. Развернутые выступления по докладам сделали чл.-корр. АН СССР В. А. Аврорин (Новосибирск), Е. И. Убрятова (Новосибирск), З. И. Будагова (Баку), А. И. Полторацкий (Москва) и др.

Закончившаяся конференция является одним из тех научных форумов, которые способствуют дальнейшему усилению координации работы в области научных исследований, расширению научных контактов между учеными-языковедами, укреплению братской дружбы ученых — представителей всех народов СССР.

В. Ф. Беляев (Москва)

27—29 июня 1966 г. в Институте русского языка АН СССР проходила конференция по проблеме «Русский язык и советское общество», организованная Сектором современного литературного языка ИРЯЗ АН СССР. На конференции был прочитан ряд докладов членами Сектора, завершившими к этому времени (вчерне) работу над монографией «Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование)»[5].

Открывая конференцию, акад. В. В. Виноградов подчеркнул, что тема «Язык и общество» впервые в языкознании ставится в таком широком объеме. Новый аспект и задачи, новый материал, привлеченный для работы, и новые методы его изучения позволили получить результаты, полезные и для других важнейших исследований.

Проблемы и основные задачи изучения данной темы были сформулированы во вступительном докладе Е. А. Земской, И. П. Мучника, М. В. Панова и Д. Н. Шмелева. В докладе было обрисовано теоретическое понимание авторами монографии вопроса о внутренних и внешних (социальных) факторах развития языка. Были подробно рассмотрены языковые антиномии, определяющие саморазвитие языка, и показано их отличие от социальных факторов, воздействующих на язык. Было показано, что социальные факторы не только стимулируют или тормозят языковые тенденции, но и приводят к качественному изменению последних.

В докладе «Социальные и внутриязыковые факторы лексико-семантических изменений в современном русском литературном языке» Д. Н. Шмелев охарактеризовал соотношения между внутриязыковыми тенденциями в развитии лексики и социальными факторами, влияющими на изменения в словарном составе языка. В связи с этим был рассмотрен вопрос о системности в лексике как области, в наибольшей степени «восприимчивой» к внешним воздействиям. Докладчик подчеркнул, что в лексике есть явления более системные и менее системные, причем вторые преобладают (в отличие от других ярусов языка); поэтому описание словаря как системы и изменений в нем как системных сопряжено с известными трудностями.

Доклад Л. П. Крысина был посвящен путям пополнения лексики русского литературного языка в советский период. Новые элементы в словаре литературного языка делятся на три разряда в зависимости от пути их появления: словообразовательные неологизмы, семантические неологизмы и заимствования (из просторечия, диалектов, профес-

[5] В настоящее время монография принята к печати издательством «Наука».

сиональных арго и из других языков). Коротко описав основные типы словообразовательных неологизмов-наименований, докладчик более подробно остановился на анализе элементов, вошедших в лексику современного русского литературного языка в результате заимствования. В докладе были показаны изменения в источниках и путях заимствования иноязычной лексики, а также специфика освоения иноязычных слов в связи с изменением состава носителей литературного языка.

Е. Ф. Петрищева в докладе «Процесс стилистических перемещений в лексике» рассказала участникам конференции об опыте изучения стилистически окрашенной лексики с помощью вопросников. Группировка ответов в зависимости от возраста, образования, социального положения информантов позволила выяснить некоторые закономерности, подтверждающие наблюдения автора над процессами перемещения лексики из одного стилистического пласта в другой. В частности, в докладе отмечалась интенсивность перемещения нейтральной лексики в состав стилистически окрашенной и незначительность процесса «нейтрализации» экспрессивно-стилистической лексики. Были рассмотрены причины этих явлений.

Проблеме взаимодействия внешних и внутренних факторов в развитии словообразования современного русского языка был посвящен доклад Е. А. Земской. Исходя из общего положения, согласно которому действие внешних факторов на язык осуществляется путем сложного посредства, Е. А. Земская показала, каким образом в исследуемый период социальные и внутриязыковые (но внешние по отношению к системе словообразования) причины воздействовали на соотношение продуктивных и непродуктивных типов и моделей, на интенсификацию или, напротив, «затухание» тех или иных словообразовательных процессов и т. д. Особое место докладчица уделила анализу процессов, происходящих в других ярусах языковой структуры, например в лексике, и их влиянию на словообразование.

В докладе «Изменение в соотношении значений существительных мужского и женского рода со значением лица» Н. А. Янко-Триницкая рассказала об эволюции в группе соотносительных названий мужчины и женщины (по профессии, должности и т. п.), отметила развивающуюся в последние десятилетия тенденцию к немаркированному употреблению форм мужского рода — особенно во множественном числе — и подчеркнула различные возможности выступать в этой роли (немаркированного члена) существительных с разными суффиксами: *-тель*, *-щик*, *-чик*, *-тор* и т. п. Значительную часть доклада Н. А. Янко-Триницкая посвятила выяснению причин анализируемого процесса, в частности причин внешнего, неязыкового характера, способствующих или, напротив, препятствующих развитию указанной тенденции.

С сообщением о специфике функционирования аббревиатур в русском языке советского времени на конференции выступил Д. И. Алексеев (Смоленск). Он подверг критике точку зрения, согласно которой аббревиатурные образования считаются недолговечными и неустойчивыми. На самом деле, сказал Д. И. Алексеев, многие аббревиатуры и их элементы (*рай-*, *гос-*, *пром-* и т. п.), появившиеся в 20-е годы, активно употребляются и в наши дни; некоторые из устаревших названий возрождаются (*НОТ*, *политбюро*). Особое внимание было уделено отношению В. И. Ленина к аббревиатурным словам.

В докладе И. П. Мучника и М. В. Панова «Характеристика социальных факторов по их воздействию на развитие русского языка советской эпохи» была предложена следующая классификация социальных факторов, влияющих на язык: 1) изменение состава носителей языка; 2) изменение объективной действительности (отраженной в языке) — и подробно охарактеризованы эти изменения. Было показано, что разные языковые ярусы имеют различную степень проницаемости для социальных факторов (т. е. по-разному подвержены их влиянию). С другой стороны, авторы полагают, что сами социальные факторы можно классифицировать в зависимости от их воздействия на язык — по силе, глубине их влияния на разные ярусы языковой структуры и т. п.

Социальным и внутриязыковым факторам развития морфологической системы современного русского языка был посвящен доклад И. П. Мучника. В качестве главных внутренних тенденций были названы рост аналитизма и усиление семантической обусловленности грамматических форм. Докладчик дал классификацию внешних факторов и подробно рассмотрел те звенья морфологической системы, где развитие претерпело наиболее ощутимое воздействие внешних факторов. В частности, он остановился на изменениях отдельных компонентов структуры рода, на сдвигах в системе склонения, а также на том способе образования глагольных видов, при котором используется минимальное количество аффиксальных средств.

Доклад В. Л. Воронцовой был посвящен развитию категории аналитических прилагательных (типа *кино-*, *радио-* и т. п.) в современном языке.

В докладе Л. К. Граудиной приводились данные о том, как изменилось соотношение падежных форм родительного падежа единственного числа (*-а/-у*).

Развитию синтаксиса современного русского языка были посвящены два доклада: Е. А. Иванчиковой — «Социальные и внутриязыковые факторы развития синтаксиса русского литературного языка советской эпохи» и Г. А. Золотовой — «О некоторых тенденциях в развитии синтаксических форм имени существительного в современном русском языке». В первом докладе была дана краткая характеристика основных процессов в современном русском синтаксисе, а также показаны внешние стимулы некоторых синтаксических изменений. Особое место среди этих внешних факторов занимает, по мнению докладчика, ориентированность речи, ее «адресованность» — с развитием достаточно дифференцированной системы этой адресованности в наше время. Этот фактор, в сочетании с рядом других, обусловливает изменения в стилистическом функционировании синтаксических единиц, взаимное проникновение устно-разговорных и книжно-письменных конструкций. В заключение Е. А. Иванчикова коснулась вопросов общности некоторых синтаксических процессов, характеризующих, с одной стороны, развитие русского языка, а с другой, развитие ряда других европейских языков.

Г. А. Золотова сообщила о своих наблюдениях над некоторыми явлениями в синтаксических конструкциях с существительным. Так, например, в современном русском языке расширяются конструктивно-смысловые возможности употребления свободных, неуправляемых форм имени, изменяется роль этих форм в предложении и словосочетании. Некоторые именные формы, закрепляясь в определенных конструкциях, организуют, по мнению докладчицы, особые структурно-семантические типы предложений. В докладе была отмечена также тенденция к упрочению смысловых связей в предложении за счет собственно синтаксических (в глагольно-именном управлении).

Свой доклад «Социальные и внутриязыковые факторы в развитии стилистической системы русского языка советской эпохи» Т. Г. Винокур начала с теоретических предпосылок, касающихся, во-первых, понятия «стиль» в применении к развитию языка в определенную эпоху, а во-вторых, характеристики и социально-исторической изменчивости функционально-стилевых признаков, возникающих в речи и в] системе языка. В основной части доклада Т. Г. Винокур охарактеризовала общие закономерности развития стилистической системы современного русского литературного языка, различия в природе, темпе и масштабах изменений функциональных разновидностей языка, на конкретном материале показала сдвиги во взаимозависимости и взаимной соотнесенности стилей в системе языка, произошедшие за последнее пятидесятилетие.

Изменениям в фонетической системе русского языка с начала до середины века был посвящен доклад М. Я. Гловинской, Н. Е. Ильиной, С. М. Кузьминой и М. В. Панова. Авторы сделали попытку объяснить все изменения в фонетике, исходя из мысли, что развитие фонетики полностью определяется развитием морфологии. Было показано, что наиболее устойчивыми из фонетических изменений оказались те, которые соответствовали основной тенденции в развитии морфологии, а именно, тенденции к усилению агглютинативности.

В прениях по докладам выступили: И. С. Ильинская (Москва), высказавшая общие замечания о подготовленной монографии и конкретные — о докладах Н. А. Янко-Триницкой и Т. Г. Винокур; В. Г. Быков (Научный совет по кибернетике при Президиуме АН СССР), призвавший языковедов сократить то расстояние, которое существует, по его мнению, между действительным развитием языка и наукой о языке; О. А. Лаптева (Москва), связавшая свое выступление с докладами о синтаксисе и высказавшая ряд соображений о соотносительности разговорной и книжной речи в развитии некоторых синтаксических конструкций; И. А. Багмут (Киев), остановившийся на влиянии русского языка на другие языки СССР, в частности на украинский, и на формах этого влияния; Ю. Д. Дешериев (Москва), который подчеркнул важность социологического аспекта в теме «Русский язык и советское общество» и указал на недостаточность разработки в тезисах и докладах вопроса о влиянии на русский язык языков народов СССР; В. А. Ицкович (Москва), сделавший ряд конкретных замечаний о теоретических основах работы и о разделе «Синтаксис»; Е. М. Кубарев (Куйбышев), посвятивший свое выступление одному частному явлению в современном синтаксисе; Д. И. Алексеев (Смоленск), подвергший критике некоторые положения доклада В. Л. Воронцовой; Е. И. Морозова (Москва), высоко оценившая прослушанные доклады; Л. Л. Касаткин (Москва), выразивший сомнение в убедительности основных положений фонетического доклада; Г. П. Мельников (Москва) и О. Б. Сиротинина (Саратов), которые поддержали идею фонетического доклада и привели в ее подтверждение также факты из других языков и истории русского языка.

В целом все участники конференции положительно оценили трудоемкую и новаторскую по самой своей сущности работу Сектора современного литературного языка и высказали пожелание о скорейшем издании монографии «Русский язык и советское общество».

М. Я. Гловинская, Л. П. Крысин (Москва)

*

С 13 по 15 ноября 1966 г. в Москве проходило совещание «Местные географические термины в топонимии», которое было организовано Институтом русского языка, Институтом славяноведения, Институтом географии АН СССР и Топонимической комиссией Московского филиала Географического общества. Совещание вызвало большой интерес у топонимистов, лингвистов, географов. В работе совещания приняли участие представители Германской Демократической Республики, Польши, Югославии и 24 городов Советского Союза (Алма-Аты, Ашхабада, Владимира, Горького, Казани, Каменец-Подольска, Кишинева, Клина, Краснодара, Ленинграда, Львова, Минска, Мурома, Нукуса, Оренбурга, Перми, Риги, Самарканда, Свердловска, Смоленска, Ташкента, Томска, Черновцов, Чимкента). Совещание открыл А. А. Реформатский, который в приветственном слове подчеркнул актуальность темы данного совещания и выразил пожелание, чтобы и в дальнейшем темы совещания были ограничены какой-либо одной проблемой ономастики.

Известный путешественник-географ и топонимист Э. М. Мурзаев (Москва), записавший большое количество мгт (местных географических терминов) в экспедициях, во вступительном докладе отметил роль местных географических терминов в топонимике: мгт определяет смысловое содержание топонима. Любое топонимическое исследование должно начинаться со сбора и систематизации мгт. Конечный итог работы, подчеркнул докладчик,— составление академического словаря мгт, отмеченных на территории СССР. Ю. А. Карпенко (Черновцы) на материале украинской топонимии показал взаимосвязь географических терминов и топонимов, высказав при этом ряд интересных замечаний о емкости географического термина и о терминологических рядах. Докладчик уделил большое внимание вопросам перехода мгт в топонимы и топонимов в термины, подчеркнув при этом, что в данном случае этот переход имеет принципиальное отличие от превращений топонима в нарицательное имя. Н. В. Подольская (Москва) в докладе «Народные географические термины в терминологической системе» отметила широкое проникновение народных слов в научную терминологическую систему. На примере русских мгт докладчик показал постоянное взаимодействие этих процессов в трех лексических сферах языка: общелитературной, диалектной и научно-терминологической.

Г. П. Бондарук (Москва) доложила о влиянии диалектной лексики на формирование местной географической терминологии и отметила взаимосвязь многих явлений диалектологии и топонимии. На материале восточнославянской топонимии было отмечено, что мгт обычно принадлежат к диалектной лексике (или имеют значение, не совпадающее со значением данного термина в общелитературном языке), они чаще всего имеют четкий ограниченный ареал распространения; родовые понятия — слова общелитературного языка. Между этими двумя группами — ряд переходных. Докладчик подчеркнул необходимость планомерного сбора русских мгт. Очень интересный терминологический материал, собранный в экспедициях, удачно классифицировала Ю. С. Азарх (Москва) («Названия пахотных и сенокосных угодий в севернорусских говорах»), отметив при этом четкость семантических моделей производящих основ (терминов) и распределение топонимов на русской территории, связанных с терминами сенокосных угодий (северо-запад России) и терминами пахотных угодий (нечерноземный центр). В. Н. Тагунова (Муром) показала некоторые исторические изменения в географических терминах (по материалам писцовых книг, межевых планов и старых списков населенных мест). Докладчик приходит к выводу об утрате мгт в ряде случаев однозначности, о переходе некоторых из них в топоформанты, об изменениях в составе мгт. На материалах памятников (писцовые, межевые, переписные, дозорные книги Русского государства) Г. П. Смолицкая (Москва) рассмотрела географический термин «корь» («корёк»), очертив ареал его употребления (среднее правобережное Поочье). Автор высказывает предположение, что термин был занесен в Поочье из Новгородской земли.

Н. И. Толстой (Москва) прочитал доклад «Некоторые проблемы и задачи изучения славянских географических терминов», особо выделив специфичность региональной и диалектной терминологии. Географическая терминология может дать, по мнению докладчика, материал для лексико-семантической типологии славянских диалектов. Использование статистического метода исследования должно сочетаться с этимологическим. Докладчик обратил внимание присутствующих на необходимость создания славянских региональных атласов и словарей географической терминологии. В. М. Мокиенко (Ленинград) остановился на основных семантических моделях образования славянских географических терминов со значением «болото» (большую дискуссию вызвал термин «болотоведческая терминология», употребляемый автором). Доклад иллюстрирован большим количеством примеров из славянских языков. О мгт в топонимии БССР сообщил В. А. Жучкевич (Минск). Докладчик представил свою классификацию терминов (ландшафтные, гидрофические, от-

носящиеся к рельефу и почвогрунтам, название растительных ассоциаций, типы поселений и жилищ, экономико-географические). Интересовавший всех доклад А. П. Дульзона (Томск) «Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока» прочла О. Т. Молчанова. В докладе отмечалось, что изучение топонимии определенных территорий следует начинать с группировки названий, объединенных в формальные ряды по наличию какой-либо общности. Сравнительное изучение тополандшафтов позволяет установить последовательность и направление миграций.

Терминологичны ли цветовые обозначения в топонимии — этот вопрос поднял в своем докладе А. В. Суперанская (Москва). Ему также было уделено много внимания в прениях по докладам. Отметим интересное краткое сообщение В. Михайловича (Югославия) о названии ветров в некоторых диалектах южнославянских языков. В. Н. Попова (Чимкент) показала информационную роль тюркских терминов в составе топонимов (на материале казахской гидронимии Павлодарской области). Интересные тонкие замечания по поводу доклада высказал много лет изучавший казахскую географическую терминологию географ О. Р. Назаревский (Москва). М. Ф. Семенова (Рига) затронула очень важный и сложный вопрос о двуязычии в топонимии («Русско-латышские языковые связи на материале местных географических терминов в составе топонимов»). В докладе убедительно показано заимствование русских терминов латышским языком (и обратный процесс), а также вторичное заимствование этого термина русским языком в качестве иноязычного. О специфике латышских гидронимов сделала интересное сообщение В. Ф. Дамбе (Рига), давно и плодотворно занимающаяся этими вопросами. Т. А. Марусенко (Каменец-Подольск) сделала сообщение об украинских апеллятивах (обозначения рельефа). Опытом собирания и систематизации материала по местной географической терминологии поделилась Г. П. Клепикова (Москва) («Из наблюдений карпато-украинской терминологии горного ландшафта»). Е. М. Поспелов (Москва) сделал доклад «Географическая терминология в анализе субстратной топонимии» (на материале севернорусской субстратной топонимии финно-угорского происхождения). Автор высказал любопытное соображение по поводу сопоставления топонимических и диалектологических карт и отметил, что основным критерием правильности выделения терминов должно служить широкое сравнение топооснов и топоформантов. В процессе такого сопоставления выявляется ряд топонимов, образованных сочетаниями равнозначных терминов, что особенно важно для установления относительной топонимической стратиграфии. Г. К. Конкашпаев (Алма-Ата), давно занимающийся изучением казахской топонимии, доложил об общих закономерностях тюркоязычной географической терминологии. Докладчик подчеркнул, что широкое распространение мгт, отмеченных в различных тюркских языках, обусловлено общностью исторического развития, сходством хозяйственного уклада жизни и соседством территории тюркских народов.

О. Т. Молчанова (Томск) сделала сообщение «Об отражении диалектных особенностей в алтайских языках». Ю. Г. Вылежнев (Пермь) рассказал о сборе в экспедициях мгт и последующей систематизации материала (к этой работе широко привлекаются студенты).

С сообщениями о региональных мгт выступили А. З. Розенфельд (Ленинград) и Л. Л. Трубе (Горький).

С большим интересом был выслушан доклад крупнейшего польского топонимиста С. Роспонда о структурном и семантическом анализе славянской топонимии и о проблемах общеславянского ономастического атласа. Докладчик подчеркнул, что исследование топонимии и антропонимии очень важно для решения вопросов о прародине славян. Г. Борек (Польша) сделал интересное сообщение об основных структурных типах славянской топонимии. Оба доклада вызвали оживленную дискуссию. В прениях выступали С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой, Ю. А. Карпенко и др. Материалы совещания будут опубликованы. Совещание приняло резолюцию, в которой отмечалась желательность созыва топонимических конференций, ограниченных определенной узкой тематикой.

Г. П. Бондарук (Москва)

*

28—30 ноября 1966 г. в Институте народов Азии АН СССР (Москва) состоялась конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков [6] (она явилась продолжением совещания по типологии восточных языков, проходившего в ИНА в 1963 г.). Конференция была организована Филологической секцией Ученого Совета ИНА АН СССР и Отделом языков. На конференции впервые в нашей стране были поставлены на обсуждение проблемы типологии в общей теории универсалий.

Во вступительном слове В. М. Солнцев (Москва) охарактеризовал вопрос

[6] «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов», М., 1966.

универсальных и ареальных свойств языков как один из аспектов лингвистической типологии. Проблема языковых универсалий связана с изучением свойств человеческого языка вообще как языка-инварианта и необходимо дополняется исследованием ареальных свойств — родства и сродства конкретных языков как его вариантов.

Доклады об универсальных свойствах языков затронули несколько вопросов: понятие и характер универсалий и их место в типологическом исследовании языков, отношение универсалий к плану содержания, методы выведения конкретных универсалий, использование универсалий.

В докладе «К вопросу о понятии универсалии в лингвистической типологии» И. Ф. Вардуль (Москва) говорил о том, что понимание универсалий как высказываний о языке приводит к смешению метаязыка и метаметаязыка. В докладе выделяются три вида универсалий: неограниченные, импликативные и дизъюнктивные. Типологический характер универсалий обуславливает их абсолютность и ахроничность. Статистические универсалии, или «почти-универсалии», не являясь типологическими, полезны практически. Во втором докладе «Ярусы языковой системы и универсалии» И. Ф. Вардуль сопоставляет предельные единицы четырех структурных ярусов языков разных типов.

Доклад Б. А. Успенского (Москва) «Языковые универсалии, типологическое анкетирование и проблемы типологического описания языка» был посвящен вопросу создания единого метода и единого метаязыка типологического описания, которые являются условием выведения эмпирических универсалий. Метод заключается в адекватном описании языков на основе подробной типологической анкеты. Такая полная типологическая анкета может явиться универсальной схемой описания языков.

Г. П. Мельников (Москва) в докладе «Язык как система и языковые универсалии» считает, что универсалии являются свойствами самих языков. То, что является универсальным для всех языков, вытекает из коммуникативной функции языка и его природы — самонастраивающейся кодовой системы.

В докладе Ю. В. Рождественского (Москва) «Части речи и члены предложения как единицы описания в типологических исследованиях» ставится вопрос о необходимости единого метода типологического исследования языков и выведения универсалий. Для унификации метода лингвистического описания предлагается составить элементарную модель на основе принципа грамматической правильности для сведения минимума синтагматических и парадигматических классов. Элементарная модель служит основой для построения развитой модели. В этом случае единицы разных классов послужат основой для типологического описания и выведения частей речи и членов предложения.

Г. П. Щедровицкий (Москва) в в докладе «О логическом смысле проблемы лингвистических универсалий» утверждает, что смысл обсуждаемой проблемы понятен лишь при учете развития теоретического описания языка от «нормативных» грамматик к «естественнонаучным». Сама проблема имеет две стороны: 1) вопрос о природе понятийных конструкций лингвистики и ее строения как науки, 2) вопрос о свойствах и строении ее объекта. Г. П. Щедровицкий прочел также доклад на тему: «Соотношение логических и лингвистических универсалий в типологическом анализе языков».

Н. Ф. Алиева (Москва) в докладе «Выражение объектных отношений глагола как универсальное свойство языков» считает, что в плане содержания для всех языков характерна семантическая категория объектного отношения. Однако эту категорию плана содержания неправомерно отождествлять с категориями плана выражения: категорией переходности—непереходности, категорией прямого — косвенного дополнения, которые как грамматические категории не являются универсальными для всех языков.

В докладе Ю. В. Ванникова (Москва) «Система временных значений как семантическая универсалия» выделяется система абсолютных временных значений по отношению к моменту речи как субъективная оценка процесса и система относительных временных значений как объективная оценка процесса.

О. Г. Карпинская (Москва) в докладе «К методике обнаружения некоторых универсалий плана содержания» предлагает для систематизации типологического анкетирования выработать системы (конфигурации) дифференциальных грамматических и семантических признаков (типа понятийных категорий) и их грамматического или лексического выражения в конкретных языках.

Той же проблеме посвящен доклад Г. И. Климовской (Томск) «Опыт гипотетико-дедуктивного поиска языковых универсалий».

Л. З. Сова (Ленинград) в докладе «Семиотика и типология» на основе несовпадения формальной и смысловой структур предложений как в одном, так и в разных языках предлагает провести изучение соотношения смысловых связей и элементов для нахождения «универсальных» смыслов (смысловых инвариантов), на основе которых можно создать типологию формальных систем выражения для каждого смыслового инварианта.

В. С. Храковский (Ленинград) в докладе «К вопросу об иерархической организации синтаксических структур»

показывает, что в результате трансформационного анализа глагольных фраз в арабском, бацбийском, финском и чувашском языках можно выделить два яруса исходных структур: глагол — имя и глагол — имя — имя.

Вопрос о построении грамматики на основе формальных процедур ставится в докладе А. Г. Ларина (Москва) «Модель, строящая грамматику для заданного текста».

В докладе «Методы выделения грамматических единиц» С. Е. Яхонтова (Ленинград) рассматривает возможность применения универсальных принципов определения основных грамматических единиц — слóва и морфемы как основы типологического описания.

М. П. Данилов (Москва) предлагает в докладе «Алгоритм выявления универсалей в области с конечным числом объектов» правило последовательного построения универсальных импликаций для всего множества известных или изученных языков и выявленных в них признаков (разработку математического алгоритма, допускающего лингвистическую интерпретацию).

Некоторые докладчики считают, что метод квантитативного типологического сравнения может выявить ряд количественных универсалий. В. М. Андрющенко (Москва) в докладе «Об универсальной количественной взаимозависимости между лингвистическими единицами разных уровней» выделяет постоянное количественное отношение между уровнями фонем, морфем, знаменательных слов (в длину знаменательного слова входит служебное слово), синтагм и предложений.

Доклад В. А. Московича (Москва) «К вопросу о пределах усложненности структуры единиц языка» посвящен выяснению средних и максимальных пределов усложненности структуры слова в разных языках. Измерение производится в парадигматическом плане — по количеству морфем в слове (глубина слова), и в синтагматическом — по количеству слогов в слове (длина слова).

В коллективном докладе «О возможном подходе к типологическому исследованию *позиционных свойств языка*» Б. М. Лейкиной, В. Мазо, Т. Н. Никитиной, М. И. Откупщикова (Ленинград) излагаются результаты применения количественного принципа сравнения на примере исследования позиций определяемого — определения в английском, бирманском, китайском и русском языках.

Были высказаны соображения об использовании набора семантических (или смысловых) универсалей как основы для типологического сравнения языков. В докладе А. Е. Супруна и О. В. Захаровой (Минск) «Всеобщие и ареальные универсалии как база типологической сопоставительной грамматики» отмечается, что принцип переводимости с одного языка на другой предполагает наличие общих элементов плана выражения. Для построения типологической сопоставительной грамматики возможно составить систему универсальных грамматических противопоставлений по типу универсальной системы дифференциальных признаков фонем.

Б. А. Захарьин (Москва) в докладе «Об универсальности одной универсалии» показывает, что выведение и подтверждение универсалий может зависеть от исходных принципов ограничения (упорядочивания) материала.

Доклады Б. А. Успенского «Некоторые гипотетические универсалии из области грамматики», Ю. А. Глазова (Москва) «К морфологическим универсалиям», А. А. Москалева (Москва) «Некоторые общие черты тоновых систем синитических языков», В. А. Терентьева (Москва) «Об одновременном существовании фонем /f/, /θ/ и /x/ в одном языке», В. П. Недялкова (Ленинград) «Об ареальных универсалиях (на материале каузативных глаголов)», выступление Ю. В. Рождественского были посвящены специально выведению конкретных универсалий, результаты которого сведены в таблицу.

Большое внимание на конференции было уделено исследованию ареальных свойств языков, причем ареальность понималась в широком смысле. Ареальная общность некоторых типологических свойств языков не всегда обусловлена генетическим родством данной группы, но конвергенцией языков разного происхождения. Эти явления наблюдаются в восточноиндонезийских и северохалмахерских языках: морфологически выраженная группа глаголов со значением направленности действия, препозиция притяжательного определения, отсутствие пассивной формы у глагола под влиянием папуасских языков [доклад Ю. Х. Сирка (Москва) «Об ареальных типологических свойствах языков»].

В докладе Е. И. Шутовой (Москва) «О некоторых универсальных закономерностях в соотношении синтаксического и морфологического уровней» на материале китайского и русского языков рассматривается взаимозависимость способов синтаксической связи слов и форм слов: если преобладает способ порядка слов, слова разных лексико-грамматических классов синтаксически эквивалентны. Если преобладает способ форм слов, то синтаксически эквивалентными оказываются лишь слова классов, морфологически подобных.

В ряде докладов субстантные, структурные и семантические сходства рассматриваются как генетические или ареальные, вторичные, для родственных языков. М. С. Андронов (Москва) в

докладе «О некоторых деккано-уральских аналогиях» рассматривает звуковые соответствия и ряд морфологических совпадений, обнаруженных при сравнительно-историческом изучении дравидийских и угрофинских языков.

Доклад А. С. Бархударова (Москва) «Санскритские универсалии современного хинди» посвящен вопросу внутриязыковых и межъязыковых аналогий новосанскритизмов как проявления универсализма в языках. Автор выделяет: 1) типы универсалий: синхронические и диахронические, статические и динамические, 2) виды универсалий: семантические и формальные, 3) ареальные универсалии в лексике: санскритские и новосанскритские, 4) в словообразовании выделяются универсалии частичные и полные.

В докладе «Языковая ситуация в древнем Хотане» Л. И. Герценберг (Ленинград) рассматривает язык памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Хотане как местную разновидность буддийского санскрита — «хотанский санскрит». Хотанский санскрит, хотано-сакский язык и крорайинский пракрит имели общие черты развития, в частности: 1) исчезновение аккузатива в результате его слияния с именительным падежом, 2) сходное фонетическое и морфологическое развитие суффиксов. На основе общности в историческом развитии автор ставит вопрос об особом характере ареального союза, «вторично» возникающего на основе генетического родства.

В. И. Цинциус (Ленинград) в докладе «О некоторых лексических моделях алтайских языков» отмечает, что наряду с общим типологическим сходством структуры алтайских языков — агглютинацией словоизменительных форм, заслуживает внимания общность словообразовательных моделей, которая носит ареальный характер внутри алтайской семьи. Лексико-семантическая категория имен собирательных в тунгусо-маньчжурских языках, отыменные образования со значением обладания — необладания, вопросительные местоимения в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеют общие морфологические типы.

Доклад С. Н. Муратова (Ленинград) «К вопросу об универсальном характере парных и удвоенных слов» посвящен выявлению общих для алтайских языков слово- и формообразовательных моделей, обусловленных сходством фонетического и грамматического строя.

Г. Д. Санжеев (Москва) в докладе «Проявление логики вещей в языке» показал соотношение контекста и порядка слов в предложении. Значение контекста проявляется при явлениях омонимии. Различается контекст в синтаксическом плане (ситуация речи) и логика вещей (лексический контекст). С одной стороны, свобода или обязательность порядка слов зависят от контекста, с другой — при отсутствии или недостаточности морфологических средств—функция различения переходит в значительной степени к порядку слов.

Вопрос о выражении прямого объекта действия в языках изолирующего типа на материале языков Китая и Юго-Восточной Азии поставлен в докладе Ю. А. Горгониева (Москва) «Дополнения со значением прямого объекта действия в языках изолирующего типа».

Н. В. Омельянович (Москва) в кратком выступлении сообщила, что употребление пассивной конструкции зависит от степени фиксированности порядка слов в таких языках, как английский, бирманский, китайский и русский. В языках со свободным или относительно свободным порядком слов пассивная конструкция менее употребительна, чем в языках с фиксированным порядком слов.

Дискуссия по докладам развернулась в следующих направлениях: 1) понятие универсалий и их значение для лингвистики, 2) системность и многосистемность языка, 3) вопросы типологического и генетического родства, единообразие принципов выделения единиц в общей теории языка. По первому вопросу определились следующие точки зрения: языковые универсалии — факты и свойства, присущие всем языкам или большинству их (И. Ф. Вардуль, Г. П. Мельников), универсалии — понятийные категории, присущие плану содержания всех языков (Н. Ф. Алиева, Ю. В. Ванников), универсалии — высказывания о языковых закономерностях (Б. А. Успенский, А. А. Леонтьев). Логический путь универсалии зависит от характера знания об объекте: он может быть «объективной универсалией, отражающей факт языка» и формальной универсалией, отражающей систему науки о языке (Г. П. Щедровицкий). Тип универсалии зависит от предмета науки о языке: если это семиология, то ее предмет дает дедуктивный метод выведения универсалий аксиоматической теории, если же это — типология языков, то ее метод — индуктивный, и универсалия имеет другой характер (В. В. Мартынов). Открытие универсалии, считает Ю. В. Рождественский,— это установление ее места в систематике. А. А. Леонтьев отрицает лингвистические универсалии, понимая их как высказывания о фактах языка и противопоставляя им закономерности самих языков или их отсутствие.

Высказывались разные мнения о возможной степени универсалии (универсалиями могут быть только высказывания типа «во всех языках», или же могут быть универсалии типа «почти во всех языках») и об их значении для лингвистики. Г. П. Щедровицкий, рассматривая универсалии как часть системы науки о язы-

ке, а не обобщение реальных фактов, исключает «почти-универсалии» из понятия универсалии. Б. А. Успенский, Б. А. Серебренников считают, что выведение «почти-универсалий» отражает степень знания и ставит определенную задачу в исследовании языка. Г. Д. Санжеев считает, что для языкознания наибольший интерес представляют универсалии импликативные, отражающие определенную закономерность для языка, универсалии же типа «во всех языках имеется какой-либо факт или количество фактов» тривиальны и бесполезны. Б. А. Успенский отметил, что импликация сама по себе универсальна, простые же универсалии — лишь разновидность импликативных. В выступлении Г. П. Мельникова говорится, что универсалии возможны только на основе единых критериев — на понятийном уровне, при учете, что смыслоразличение всегда существеннее, чем различение формальных единиц языка.

В ходе дискуссии были высказаны точки зрения на язык как целостную систему с иерархией уровней (Г. Н. Мельников) и как многосистемное явление (Г. П. Щедровицкий).

При обсуждении ареальных свойств языков было высказано мнение о необходимости различения понятий родства языков (генетического) и сродства (или сходства) языков (типологического) (А. Б. Долгопольский, С. Е. Яхонтов, Б. А. Серебренников). Признаками первого являются материальные совпадения в морфологии и лексике, типологическое сходство при этом имеется не всегда (С. Е. Яхонтов).

Конференция приняла предложение Б. А. Успенского о продолжении работы над проблемой конкретных универсалий в форме теоретических семинаров.

А. Г. Белова (Москва)

*

6—7 декабря 1966 г. в Институте языкознания АН СССР проходила конференция аспирантов и молодых сотрудников института, которую открыли чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин и Э. А. Макаев. На трех заседаниях было прослушано более 20 докладов, в которых был затронут широкий круг проблем общего и прикладного языкознания, а также вопросов изучения различных языков.

С докладом «О реконструкции протоязыковых состояний» выступил В. А. Виноградов, по мысли которого воссоздание праязыковых текстов является одной из основных проблем современной индоевропеистики. Процедура воссоздания праязыкового текста предполагает хотя бы частичное реконструирование речевой ситуации.

В другом своем докладе «Общие характеристики системы и оценка выбора на меризматическом уровне» В. А. Виноградов остановился на качественных и количественных критериях выявления системности, полагая, что формулировать утверждения о наличии системы естественнее всего в терминах дифференциальных признаков. Логически полный и непротиворечивый набор таких признаков, по терминологии Э. Бенвениста, образует меризматический уровень описания. Выбор признаков представляется вполне самостоятельной проблемой, которая решается одновременно с проблемой установления системы.

В. И. Постовалова в докладе «К вопросу о фонологической структуре слога в русском языке» рассказала об опыте описания строения слога в терминах фонем путем расчленения слога на начальную консонантную группу, вокалический центр и конечную консонантную группу. Понимая под описанием структуры слога отыскание определенного порядка следования составляющих его элементов, она свела поставленную задачу к трем более узким: а) определение классов фонем, допустимых в различных позициях; б) установление моделей последовательности фонем для начальной и конечной консонантных групп; в) выявление связей консонантных групп в слоге. Правила комбинирования этих групп (на уровне классов фонем) носят статистический характер.

В докладе В. Н. Телия «О квантитативных вариантах фразем» рассматривается специфический тип видоизменения фразем (сочетание слов, эквивалентное одному слову как члену предложения) — изменение количества их лексических компонентов (*ни ломаного гроша не стоит — ни гроша не стоит*). Различия между лексическими и квантитативными вариантами по их парадигматическим и синтагматическим свойствам позволяют говорить о квантитативных вариантах как об особом типе вариантности.

Г. И. Андреева в докладе «К вопросу теории относительной связи» показала, что модель сложного предложения, учитывающая лишь формальные показатели, оказывается неадекватной для языков, где нет развитой системы склоняемых относительных слов и где один и тот же элемент может выступать в различных типах сложноподчиненных предложений; в частности, в исландском языке. В таких случаях ведущим должен быть семантико-функциональный принцип.

С. А. Барановская в докладе «Корреляция твердых и мягких согласных в современном русском литературном языке» сообщила, что информация о твердости и мягкости у разных согласных содержится в разных линейных сегментах. Степень противопоставленности зависит от дифференциации твердость — мягкость у разных групп согласных, а также от предшествующей гласной и от

положения согласных по отношению к ударению; имеет значение и воздействие морфологии, морфологической и лексической членимости.

Н. А. Матвеева в докладе «Фономорфологическая делимитация слова» говорила о категории пограничных сигналов, которые являются необходимым условием вычленения слова в системе слов данного языка. На фонологическом ярусе в функции пограничного сигнала выступает акцент.

А. А. Сильников в докладе «Передача информации и переводимость» предложил рассматривать принцип переводимости как признание возможности осуществлять перевод с максимальным сохранением всех видов информации, *содержащихся в оригинале*, а *все случаи* непереводимости (полной или частичной) — как полную или частичную потерю информации или как наличие избыточной информации.

В докладе Е. В. Волковыской «Об одном способе эквивалентных замен для группы „прилагательное + существительное" (типа *красный дом — дом красного цвета*)» проблема такой замены решается в рамках системы автоматического семантического синтеза, разрабатываемой в настоящее время И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским.

Р. В. Макарова в докладе «Некоторые вопросы графики русского языка» остановилась на соотношении различных средств выражения устной и письменной речи; особое внимание было уделено функциям пробелов, которые могут служить сигналами определенных фонематических явлений (ср. *мил ей — милей, выгреб ли — выгребли* и т. д.).

В докладе А. П. Василевича «К вопросу о распознавании слов в зависимости от их вероятности» рассказывалось об экспериментах по зрительному распознаванию слов в тахистоскопе (подготовка к таким экспериментам на русском материале ведется сейчас в Институте языкознания). Функциональная связь между частотой слова и временем, необходимым для распознавания этого слова в тахистоскопе, свидетельствует о том, что в речевых механизмах человека объективно зафиксированы вероятностные характеристики слова.

А. Цывин выступил с докладом «История изучения системы предлогов в македонском языке», Н. Д. Орлова — «Концепция слова в учении А. А. Потебни».

А. И. Курбанов в докладе «Структура падежных основ несубстантивных имен в цахурском языке» отметил, что выступая в их основной атрибутивной функции, эти имена согласуются со своими определяемыми с помощью классных показателей, и подчеркнул, что при субстантивации таких определений информация о том, к какому классу относились утраченные определяемые слова исходной конструкции, сохраняется в виде вставных элементов в падежных основах несубстантивных имен.

В докладе «Понятие неопределенного артикля и его морфологическое выражение в абхазско-адыгских языках» Т. Х. Халбад вопреки существующим взглядам рассматривал *зы* в адыгских языках и *к* в абазинском как артикль.

И. С. Аксенова в сообщении «Суффиксы производных форм глагола в существительном языке суахили», пользуясь методом словообразовательного анализа по НС, полагает, что при образовании отглагольных существительных суффиксы производных форм вместе с корнем являются компонентами производящей основы.

Б. В. Журковский в докладе «Редупликация и идеофоны в языке хауса» отметил, что в большинстве африканских языков идеофоны рассматриваются вне системы частей речи и представляют собой класс слов со специфическими фонологическими, синтаксическими и семантическими признаками. Они характеризуются типами редупликации, которые обычно не встречаются в глаголах и именах.

В докладе «К вопросу об устойчивых сочетаниях слов и фразеологизмах» Г. И. Пюрбеев осветил особенности формирования и становления устойчивых сочетаний слов и фразеологизмов (особенно глагольных фразеологических единиц) в монгольских языках.

Г. П. Мельников в докладе «Двучленные определительные конструкции и существенные особенности строя турецкого языка» остановился на принципе так называемой «разумной экономии аффиксов». В двучленных определительных конструкциях этот принцип проявляется следующим образом: например, турецк. *dami yanan ev* «дом, крыша которого горит» является цепочкой парных определительных синтагм — «дом, имеющий отношение к горению», «горение, имеющее отношение к крыше», «крыша, имеющая отношение к дому».

В докладах А. Тыбыковой «Составные глаголы алтайского языка» и Ф. Р. Байрамова «Глаголы *эт-, эйлä-* и *кыл-* в роли деривационных элементов» представлены разные воззрения на так называемые аналитические глаголы в тюркских языках — как на составные слова и как на производные слова.

Вопросам синтаксиса посвятили свои доклады Е. А. Блинова — «Глагольно-инфинитивная модель модального содержания в древнегерманских языках ингвеонской группы (структурно-функциональный анализ)» и Е. К. Молчанова — «О сложном предложении в среднеперсидском языке (книжном пехлеви)».

Содержание большинства докладов отражено в тезисах «Проблемы фонологии, морфологии, синтаксиса и лексики на материале языков разных систем» (М., 1966); к печати готовится сборник работ участников конференции.

А. П. Василевич (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ

1967—1971 гг.

1967 г.: 1) II Международная конференция по прикладному языкознанию (Колчестер, Англия, 20—23 марта); 2) XIX Конгресс Международной ассоциации по изучению французского языка и литературы (Париж, июль); 3) X Международный конгресс лингвистов (Бухарест, 28 августа — 2 сентября); 4) Международная конференция по машинному переводу и прикладной лингвистике (Бухарест, 28 августа — 2 сентября); 5) VI Международный конгресс по фонетике (Прага, 7—13 сентября); 6) I Международный конгресс по изучению микенской культуры (Рим, 21—27 сентября); 7) II Конгресс «Настоящее и будущее испанского языка», организуемый институтом испанского языка (Латинская Америка).

1968 г.: 1) VI Конгресс Международной ассоциации по изучению итальянского языка и литературы (Будапешт, апрель); 2) VII Конгресс Международной ассоциации преподавателей английского языка (Дублин, 20—25 августа); 3) III Международный конгресс испанистов (Богота, август или сентябрь); 4) XII Международный конгресс по романской филологии (Бухарест): 5) III Международный конгресс по Средиземноморскому лингвистическому атласу (Тунис).

1969 г.: 1) VI Конгресс Международной федерации обществ по классической филологии (Бонн, сентябрь); 2) XI Конгресс Международной федерации современных языков и литературы (Исламабад, Пакистан).

1970 г.: 1) Международная конференция по изучению английского языка и литературы стран «Содружества» (Индия); 2) II Международный конгресс по финно-угроведению (СССР).

1971 г.: 1) III Международный конгресс по диалектологии.

Б. М. Короткина (Ленинград)

CONTENTS

Articles: I. I. Meščaninov. Apposition in different syntactic systems; V. M. Žirmunskij (Leningrad). In memory of Academician I. I. Meščaninov; **Discussions:** F. P. Filin (Moscow). Some problems of Slavonic ethnogenesis and glottogenesis; J. Mistrik (Bratislava). Mathematical and statistical methods in stylistics; L. Galdi (Budapest). The poet's personality and the technique of versification; M. L. Gasparov (Moscow). Iambus and trochee in Soviet poetry and the evolution of Russian verse; **Materials and notes:** G. A. Klimov (Moscow). On the state of deciphering of Agvan (Caucasian-Albanian) writing; M. G. Tarlinskaja (Moscow). Accent features of the English syllabo-tonic verse; N. I. Serkova (Moscow). On the functional perspective of the sentence in terms of the «superphrase units»; G. A. Veikhman (Moscow). On binomial non-verbal sentences; **Critics and bibliography**; **Scientific life:** N. G. Samsonov, P. A. Slepcov, M. A. Čerosov (Yakutsk). Linguistics in Yakutia.

SOMMAIRE

Articles: I. I. Meščaninov. Apposition dans les différents systèmes syntaxiques; V. M. Žirmunskij (Léningrad). En mémoire d'Académicien I. I. Meščaninov; **Discussions:** F. P. Filin (Moscou). Quelques problèmes d'éthnogenèse et glottogenèse slaves; J. Mistrik (Bratislave). Méthodes mathématiques et statistiques en stylistique; L. Galdi (Budapest). La personnalité du poète et technique de versification; M. L. Gasparov (Moscou). Iambe et trochée dans la poésie soviétique et l'évolution du vers russe; **Matériaux et notices:** G. A. Klimov (Moscou). Sur l'état de dechiffrement de l'écriture agvane (caucasienne-albanaise); M. G. Tarlinskaja (Moscou). Particularités du vers syllabo-tonique anglais; N. I. Serkova (Moscou). Sur la perspective fonctionnelle de la proposition en termes des «entités superphrasiques»; G. A. Veikhman (Moscou). Sur les propositions binomiales averbales; **Critique et bibliographie**; **Vie scientifique:** N. G. Samsonov, P. A. Slepcov, M. A. Čerosov (Yakutsk). Linguistique en Yakoutie.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, *В. В. Виноградов* (главный редактор), *В. М. Жирмунский* (зам. главного редактора), *П. С. Кузнецов*, *Э. А. Макаев*, *М. В. Панов*, *В. З. Панфилов*, *И. И. Ревзин*, *Ю. В. Рождественский*, *Б. А. Серебренников*, *Н. И. Толстой* (отв. секретарь редакции), *О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31. Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

Технический редактор *К. И. Игнаткова*

Сдано в набор 10/III-1967 г. Т-06223 Подписано к печати 16/V 1967 г. Тираж 6635 экз.
Зак. 2368 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 13,3 Бум. л. 4³/₄ Уч.-изд. листов 15,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10